

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

13 2019
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 13 (251) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский* (1900–1981), русский биолог, один из основоположников радиационной генетики, биоценологии и молекулярной биологии, автор трудов по популяционной и эволюционной биологии и фенотипической генетике.

Николай Тимофеев-Ресовский родился в Москве в дворянской семье. Его отец, Владимир Викторович, был крупным инженером-путейцем, мать, Надежда Николаевна, — из старинного аристократического рода Всеволожских. Николай учился в лучших гимназиях России — Императорской Александровской 1-й гимназии в Киеве и в московской гимназии А. Е. Флерова. Еще будучи гимназистом, прибавив себе год, чтобы подойти по возрасту, в 1917 году он оказался на фронте (на коне, с шашкой, с героизмом и смертельно опасными приключениями). По окончании войны вернулся в Москву продолжать учебу на физико-математическом факультете Московского университета у своих великих учителей Н. К. Кольцова и С. С. Четверикова. Занятия прерывались призывом студентов в Красную армию, и он, князь Всеволожский (по матери) и казак Тимофеев (по отцу), стал красноармейцем и воевал против белых. Не получив дипломов об окончании МГУ (тогда это казалось им ненужной формальностью), он с женой Е. А. Фидлер и сыном в 1925 году были командированы в Германию для развертывания работ по генетике.

Вначале Николай Владимирович работал научным сотрудником, но вскоре стал руководителем отдела генетики и биофизики в Институте исследований мозга в пригороде Берлина — Бухе. Он занимался разработкой и классификацией явлений фенотипической генетики, генетики популяций, микроэволюции, зоогеографии, радиационной генетики, биофизики. Вместе с будущим лауреатом Нобелевской премии Максом Дельбрюком Тимофеев-Ресовский разрабатывал идеи Н. К. Кольцова о создании первой биофизической модели структуры гена. Эти идеи легли в основу современной молекулярной генетики.

В 1933 году в Германии к власти пришли фашисты. Тимофеев-Ресовский и его семья рвались в Россию, но все-таки остались в Германии с советскими паспортами, не изменив Родине и заплатив за это жизнью сына Дмитрия. Тот стал одним из организаторов подпольной антинацистской организации Берлинского бюро ВКП(б) и был арестован гестапо. Николаю Владимировичу было предложено освобождение сына в обмен на сотрудничество с фа-

шистами. Он отказался, и его сына не выпустили; он погиб в гитлеровском концлагере Маутхаузен.

По окончании войны в 1945 году Тимофеева-Ресовского пригласили возглавить в СССР исследования по генетическим последствиям радиационных поражений, однако «по ошибке» арестовали. Военная коллегия Верховного суда РСФСР приговорила его к 10 годам лишения свободы по обвинению в измене Родине. Когда его разыскивали в ГУЛАГе, он был при смерти от голода и пеллагры. В больнице МГБ его вылечили, и он, оставаясь в статусе заключенного, стал руководить секретным биофизическим отделом «объекта 0211». В 1951 году Николай Владимирович был освобожден из заключения, а позже была снята и судимость. В начале 1950-х ученого выдвинули на Нобелевскую премию за исследования мутаций, но советские власти не ответили на запрос Швеции, жив ли он.

В 1956 году в Свердловске в Институте биологии Уральского филиала АН СССР Тимофеев-Ресовский создал лабораторию биофизики. Одновременно он читал лекции на физическом факультете Уральского университета. Докторскую диссертацию Тимофеев-Ресовский защитил в Свердловске только в 1963 году. На следующий год его пригласили в Обнинск, где в институте медицинской радиологии Академии медицинских наук СССР он организовал и возглавил отдел общей радиобиологии и генетики. Вплоть до кончины Тимофеев-Ресовский работал в институте медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР. Он принимал участие в разработке программы биологических экспериментов на искусственных спутниках Земли, а также в обсуждении и обработке результатов этих экспериментов.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский — действительный член (академик) Германской академии естествоиспытателей в Галле (ГДР) — Леопольдина; почетный член Итальянского общества экспериментальной биологии (Италия); почетный член Менделеевского общества в Лунде (Швеция); почетный член Британского генетического общества в Лидсе (Великобритания); лауреат медалей и премий Ладзаро Спалланцани (Италия), Дарвиновской (ГДР), Менделеевской (ЧССР и ГДР), Кимберовской (США).

Тимофеев-Ресовский был посмертно реабилитирован только в 1992 году. Его биография была положена в основу документального романа Даниила Гранина «Зубр».

*Екатерина Осянина.,
ответственный редактор*

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Абдуллаева Р. Р., Муллин Т. Ф.

Правовые основы государственно-частного партнерства в Российской Федерации 167

Абрегов А. А.

Соотношение категорий «экономическая несостоятельность» и «банкротство» 169

Абрегов А. А.

Законодательство о несостоятельности (банкротстве): сфера действия и тенденции развития 171

Ангелов А. И.

Проблемы определения понятия ценных бумаг 173

Артамонов К. В.

История развития законодательства о договоре дарения 175

Безлепкин Г. А.

Особенности договора купли-продажи будущей недвижимости 177

Беликова Ю. М.

Криминалистическая характеристика незаконного усыновления (удочерения) 179

Будняцкий В. М.

Некоторые проблемы правового регулирования контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках 180

Вайнер Г. В.

Некоторые аспекты ответственности субъектов нормотворческой деятельности 182

Вергун А. М.

Предоставление государственных и муниципальных услуг и функции органов публичной власти: соотношение понятий 184

Зарандия В. В.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение денежных обязательств 185

Караева Л. Х., Бугулова Д. А.

Таможенное преступление 187

Курносова Г. С.

Предупреждение женской рецидивной преступности 189

Лунева Е. Н., Борисенко В. И.

Судебная защита прав и интересов членов семьи при расторжении брака в Российской Федерации 192

Макеева С. Б.

Виды и основания недействительных сделок 194

Маркелова К. С.

Государственное регулирование рынка ценных бумаг 197

Меда М. А.

Актуальные проблемы страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств 199

Медвецкий А. А.

Гражданско-правовое возмещение государством вреда, причиненного органами государственной власти и их должностными лицами 200

Назин Д. А.

Ипотека земельного участка: особенности правового регулирования 202

Пашкина Е. Ф.

Актуальность правового регулирования банковских рисков 204

Семенюк А. В.

Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий 206

Стешин Н. А.

Ценные бумаги 208

Столповских Н. О.

Права сотрудника полиции как субъекта административно-юрисдикционной деятельности: проблемы теории и практики 209

Ускеев Д. Б.

Развитие уголовного законодательства об ответственности за жестокое обращение с животными в зарубежных странах 211

Федянина А. И.

Ликвидация юридического лица и исключение юридического лица из единого государственного реестра: сравнительный анализ 214

Хабитова Д. С.

Проблемные вопросы напутственного слова
председательствующего в суде с участием
присяжных 216

Хайруллина А. В.

Принципы государственной регистрации прав
на недвижимое имущество 218

Хрячков К. О.

Проблемы реализации конституционного права
народов России на сохранение родного
языка 221

Чистякова Е. Н.

Классификация факторов, влияющих
на проведение процедуры изъятия
земельных участков 224

Яббарова Р. И.

Направления оптимизации законодательства
для увеличения эффективности
привлечения к юридической ответственности
за нецелевое использование бюджетных
средств 227

Якушевский К. Е.

Некоторые вопросы реализации права на жилище
в современной России 230

ИСТОРИЯ

Нефедова Ю. С.

Роль наставников в процессе домашнего
воспитания и обучения дворян в XVIII веке ... 235

Никитин Ф. Н., Миронова М. О.

Православные авторы как первые исследователи
русских религиозных диссидентов в России
(на примере баптистов и пашковцев) 237

ПОЛИТОЛОГИЯ

Калашникова В. Б.

Теоретические проблемы определения концепта
«электронная демократия» 240

Noriyeva N. Q.

The role of the diplomatic relations of Turkey
and Great Britain in the twentieth century's
international relations 242

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Правовые основы государственно-частного партнерства в Российской Федерации

Абдуллаева Румия Ракифовна, кандидат юридических наук, доцент;
Муллин Тимур Фагимович, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (г. Казань)

Государственно-частное партнерство, как механизм вовлечения частного сектора в развитие экономики государства возник в современной Российской Федерации в начале 90-х годов XX века. В то время молодое государство испытывало на себе колоссальное изменение в правовом и экономическом развитии, которое выражалось в революционном изменении государственного строя и перестроение экономики от административно-командной системы в систему рыночной экономики.

С появлением нового государства в свободной рыночной экономикой и либерализацией законодательства начал появляться частный капитал, который в свою очередь был заинтересован в инвестировании в экономику государства. Государство в свою очередь было заинтересовано в реализации огромного массива имущества, доставшегося в результате преобразований, упомянутых выше, а также осуществить частичную разгрузку государства от публично-властных функций. Однако, в начальном этапе данная проблема не находила решения ввиду наличия правового вакуума и юридических коллизии в взаимоотношении государства и частного капитала. Модели государственно-частного партнерства частично были апробированы интегрированы в виде соглашений на примере их реализации в развитых стран Запада. В последние годы в Российской экономике все больше уделяется внимание механизмам государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) как особой форме взаимодействия между бизнесом и государством в вопросах реализации наиболее значимых социально-экономических проектов, проектов по добыче полезных ископаемых и научно-исследовательской среде. Данная форма сотрудничества отвечает интересам обеих сторон, а именно:

— интересы государства: возможность привлечь частного инвестора к финансированию создания объекта позволяет реализовывать инфраструктурные проекты даже в условиях отсутствия бюджетных средств, по сути, «в рассрочку» без увеличения долговой нагрузки, объединения в рамках одного проекта различных этапов (проектирова-

ние, строительство и эксплуатация) позволяет повысить качество создаваемого объекта и снизить риски завышения стоимости строительства и эксплуатации.

— интересы инвестора: возможность переложить часть рисков выручки на публичного партнера (применение: минимальной гарантии доходности, платы за доступность и других механизмов гарантии возвратности, возможность инвестировать в долгосрочный проект с фиксированной доходностью под гарантии/обязательства государства, увеличивать свою выручку по проекту за счет оказания дополнительных платных услуг и/или применения различных решений, снижающих затраты.

Исследование проблем государственно-частного партнерства в продиктовано прежде всего необходимостью «модернизации» правовых механизмов и форм реализации ГЧП позволяющих всеобъемлюще реализовать проекты для успешного развития социальных и экономических показателей субъектов России. Изучение проблем, связанных с институциональной средой, разработка и внедрение современных моделей управления ГЧП, выявление причинно-следственных связей взаимодействия бизнеса и государства в инновационном развитии экономики представляются особо значимыми в настоящее время.

Впервые официальное толкование государственно-частного партнерства как формы соглашения в российском праве дано Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» (далее - Закон о ГЧП и МЧП) дает официальное понятие государственно-частного партнерства, применяемого в Российской Федерации и определяет его как «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях

привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества» [1].

Соглашение о государственно-частном партнерстве предусматривает разделение обязанностей сторон соглашения, при котором стороны принимают на себя риски, связанные с реализацией проекта. Государство в рамках своих обязательств предоставляет определенное соглашением имущество, а частный партнер обязуется за счет своих инвестиций реализовать предложенный государством проект. Также необходимо отметить, что частный партнер имеет право самостоятельно заявить свой проект государству и случае заинтересованности государства, реализовать его. ГЧП, в отличие от госзаказа, является сотрудничеством государства и инвестора, когда обе стороны принимают на себя определенные риски, которые связаны с реализацией конкретного проекта.

Для развития инфраструктуры государственных образований государственно-частное партнерство является отличным инструментом привлечения не только опыта и компетенций частного партнера, но и инвестирования в само государство.

Анализ законодательных актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также сложившейся практики реализации проектов ГЧП показал, что нормы российского законодательства предусматривают использование ограниченного числа моделей преимущественно в рамках реализации концессионных соглашений, соглашений о разделе продукции что существенно ограничивает возможности инвестора по привлечению заемного финансирования.

Вместе с тем, в международной практике ГЧП понимается как любые формы сотрудничества бизнеса и государства, включая благотворительность, корпоративную социальную ответственность бизнеса, что является немаловажным для развивающихся стран.

Термин «государственно-частное партнерство» является калькой с английского языка public-private-partnership. При этом слово public переводится как «государство», что, казалось бы, значительно сужает суть пришедшего к нам с Запада понятия. Однако «государство» (public) здесь трактуется шире, чем простая совокупность учреждений, осуществляющих властные функции. Оно выступает общающим субъектом общественной власти, включающим все уровни управления — федеральный (национальный), региональный и муниципальный. Под public понимается совокупность общественных институтов, которые реализуют свои властные полномочия, а также играют подчас неофициальную, неформальную, но важную роль в развитии общественных процессов. В определении ГЧП государство стоит на первом месте, так как является инициатором большинства проектов ГЧП [2].

В законодательстве Северной Америки (США, Канада) ГЧП понимается как «закрепленное в договорной форме

соглашение между государством и частной компанией, позволяющее последней в согласованной форме участвовать в государственной собственности и исполнять функции, традиционно лежащие в сфере ответственности публичной власти. Такие соглашения обычно предполагает наличие контракта соответствующего уполномоченного органа с частной компанией, предметом которого выступают реконструкция, строительство объекта государственной собственности и/или его эксплуатация, управление и т. п. Основные права собственности в отношении данного объекта не изменяются, и государство даже после передачи объекта частной компании остается его собственником.

В Европейском Союзе дается определение ГЧП как форма объединения между исполнительной властью и бизнесом, которые служат цели обеспечения инвестирования, строительства, реконструкции, модернизации, управления, эксплуатации инфраструктуры. В Зеленой книге Европейского Союза «Государственно-частное партнерство и законодательство сообщества по государственным контрактам и концессиям», опубликованной в 2004 г., говорится: «Государственно-частное партнерство — формы кооперации между общественными властями и бизнесом, которые служат цели обеспечения финансирования, строительства, модернизации, управления, эксплуатации инфраструктуры или оказания услуг» [3].

Проекты реализации государственного-частного партнерства в России имеет давнюю историю. Еще со времен Российской империи были применены некоторые инструменты государственного-частного партнерства, в частности концессионные соглашения в железнодорожном строительстве, примером которого может служить строительство Царскосельской железной дороги. Первой упоминание концессии как формы государственного-частного партнерства в законодательстве Российской империи дано в Положении 1836 года «О товариществах по участкам и компаниях на акциях» главной особенностью которого являлось создание акционерного общества исключительно с разрешения государства для решения конкретных задач [4].

Значимость государственного-частного партнерства как взаимовыгодной формы сотрудничества осознали власти СССР в период «Новой экономической политики», начавшаяся в 1920 году, которая в последствии привела к возрождению промышленности и подъёму народного хозяйства. Во многом благодаря государственному-частному партнёрству промышленность СССР достигла таких масштабов, что к началу 1930 годом СССР стал передовой державой во многих отраслях промышленности. Как и Российской империи основная форма государственного-частного партнерства в СССР являлась концессия, причем исключительно с вовлечением в данную форму соглашений иностранные компании-инвесторов. Ярким примером реализации концессионных соглашений в СССР являются такие совместные предприятия как Albert Kahn Incorporation, создавший свои предприятия в сфере строительства крупных промышленных предприятий таких как Московский

завод «АЗЛК» (договор был заключен в 1929 году), Казанский авиационный завод, занимавшаяся самолетостроением ставший одним из крупнейших авиационной промышленности.

О необходимости государственного-частного партнерства высказывался В. И. Ленин, согласно которому: «Концессия-это проводник между мировым народным хозяйством и хозяйством России, где Россия обеспечивает мировой экономике доступ к добыче полезных ископаемых и природных богатств, а та в свою очередь, предоставляет для этого необходимый капитал». Результат данных исследований нашел отражение в Декрете СНК РСФСР «О концессиях» принятого 23.11.1920 года.

В российской научной литературе приводятся трактовки ГЧП как правовой механизм согласования интересов и обеспечения равноправия государства и бизнеса в рамках реализации экономических, инновационных проектов, направленных на достижение целей государственного управления. В своих трудах В. Г. Варнавский по вопросам взаимодействия публичных и частных образований в форме ГЧП высказывался следующим образом: «Государственно-частное партнерство представляет собой юридически закреплённую форму взаимодействия между государством и частным сектором в отношении объектов государственной и муниципальной собственности, а также услуг, исполняемых и оказываемых государственными и муниципаль-

ными органами, учреждениями и предприятиями, в целях реализации общественно значимых проектов в широком спектре видов экономической деятельности». Аналогичное мнение касательно ГЧП высказывали другие российские ученые, такие как Н. Ю. Лапина, А. В. Клименко, М. А. Дегрибина и др.

Исходя из представленных научных и нормативно-правовых определений понятие ГЧП представляет собой институционально-организованное, взаимовыгодное, равноправное взаимодействие государственных и частных структур, предусматривающее кооперацию их ресурсов, распределение рисков и выгод при достижении совместных целей. Совмещение интересов и уникальных потенциалов государства и частного капитала, закреплённая в соглашении, предусматривающем делегирование инвестору ряда государственных функций, обеспечивает синергию и возникновение качественного, взаимовыгодного сотрудничества сторон при решении важных социально-экономических проблем.

В современном этапе развития российской государственности наиболее эффективной формой взаимодействия в рамках ГЧП, как и в исторической ретроспективе остается концессия, которая широко представлена в таких сферах и отраслях промышленности как транспортное и дорожное строительство, ЖКХ, информационно-коммуникационная сфера, социальная сфера [2].

Литература:

1. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственном-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. от 29 июля 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 29 (ч.1). — Ст. 4350.
2. Официальный сайт «ГЧП-инфо. Инфраструктура и государственно-частное партнерство в России» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pppi.ru/tools/project_report_fs.
3. Шателье Ж. Л. Новости государственно-частного партнерства в России // Право и инвестиции. — 2011. — № 3.
4. «О товариществах по участкам и компаниях на акциях»: Закон Российской Империи от 6 декабря 1836 г. // Полный свод законов Российской Империи. — т. X, ч. 1., ст. 2139.

Соотношение категорий «экономическая несостоятельность» и «банкротство»

Абрегов Анатолий Арсеньевич, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Данная статья посвящена одному из проблемных вопросов соотношения категорий «экономическая несостоятельность» и «банкротство». На современном этапе развития общества представляется актуальным вопрос о совершенствовании существующей в Российской Федерации понятий категорий «экономическая несостоятельность» и «банкротство».

Ключевые слова: банкротство, экономическая несостоятельность, процедура банкротства.

Correlation of Categories is “Economic Insolvency” and “Bankruptcy”

This article is devoted one of problem questions correlation of categories “economic insolvency” and “bankruptcy”. On the modern stage of development of society, a question is actual about perfection existing in Russian Federation of concepts of categories “economic insolvency” and “bankruptcy”.

Keywords: *bankruptcy, economic insolvency, procedure of bankruptcy.*

Государственное регулирование банкротства в правовой сфере как фактор внешней среды по отношению к системе банкротства должен иметь оптимальный набор всех средств регулирования с тем, чтобы обеспечить равновесие системы и достижение целей государственной политики в данной сфере. Государственная политика, в свою очередь, базируется на потребностях экономики и общества в определении ориентиров развития той или иной сферы жизнедеятельности, в частности сферы рыночных отношений в условиях противодействия кризисным явлениям. В теории, банкротство представляет собой правовой инструмент, который направлен на то, чтобы удовлетворить с большей степенью справедливости требования кредиторов несостоятельной организации [3].

То есть основная цель банкротства — «сгладить» последствия прекращения или ликвидации деятельности организации, а также отсутствие возможности исполнить ей свои обязательства перед кредиторами. Экономика государства развивалась на основе равенства форм собственности, причем как финансовой, так и хозяйственной самостоятельности субъектов, что привело к появлению острой конкуренции между различными коммерческими организациями. В связи с возросшей конкуренцией большинство организаций просто вынуждены покинуть рынок и объявить себя банкротом. Но, несмотря на это, некоторым предприятиям выгодно иметь статус несостоятельной компании, чтобы избежать полного взыскания долгов. Это умышленное разорение организации является незаконным, что влечет за собой уголовную ответственность [2].

В науке отсутствует однозначное определение термина «банкротство». И юристы, и экономисты часто не делают различий между такими понятиями, как «несостоятельность», «неплатежеспособность», «банкротство», «убыточность». В большинстве научных и практических работ все эти понятия используются как синонимы. Отечественное законодательство также не дифференцирует понятия «банкротство» и «несостоятельность».

В юридической науке является распространенным мнение, что банкротство и несостоятельность являются схожими понятиями.

Банкротство с экономической точки зрения — это следствие плохого учета хозяйственных и предпринимательских рисков в деятельности организации, обусловленных неквалифицированными решениями и действиями руководства организации.

Банкротство с юридической точки зрения — возможность правового регулирования острых конфликтов при невозврате организацией-должником средств кредитору.

Процедура банкротства представляет собой важнейший инструмент регулирования имущественных отношений. Банкротство позволяет отобрать наиболее приспособленные к деятельности субъекты.

Положения действующего законодательства устанавливают ряд специальных норм о банкротстве отдельных категорий должников. Следовательно, необходимо говорить о существовании различных категорий дел о банкротстве, правила рассмотрения которых зависят исключительно от специфических характеристик должника.

В соответствии с классической формой построения источников права полагается, что в основе правового регулирования несостоятельности (банкротстве) должна лежать, прежде всего, Конституция Российской Федерации [1]. Но, несмотря на указанное, в Конституции Российской Федерации отсутствуют правовые нормы, способные регулировать институт несостоятельности (банкротства). Однако, в ней содержатся нормы права, положенные в основу принципов банкротства.

В законодательство Российской Федерации понятия экономической несостоятельности и банкротства были введены Федеральным законом от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5]. Действующий Закон конкретизировал эти понятия и указал на существенное различие между ними.

Правовые нормы, содержащиеся в Законе о банкротстве, можно разделить на две группы: материальные и процессуальные. Так, закон содержит процессуальные особенности рассмотрения дела о банкротстве, которые проявляются и в судебных актах, принимаемых в рамках дела о банкротстве, и в сроках рассмотрения дела, и в порядке подготовки дела к судебному разбирательству, и в особенностях применения примирительных процедур, и т. д.

Процессуальная специфика судопроизводства определяется с учетом двух факторов. В первую очередь, в зависимости от категории должника, которая также определяется его правовым статусом и спецификой деятельности (застройщик, сельскохозяйственное предприятие), в отношении которого ставится вопрос о банкротстве, возбуждается производство по делу о банкротстве.

Во вторую очередь, в зависимости от применяемой процедуры банкротства, при этом возможность применения той или иной процедуры банкротства зависит от процессуального поведения сторон и правового статуса должника [4].

В результате проведенного исследования и анализа нормативно-правовых источников, научной литературы, можно сделать следующие выводы.

Под банкротством подразумевается комплексный правовой институт, включающий в себя нормы не только материального, но и процессуального права.

Такое понятие как признаки несостоятельности (банкротства) разными научными исследователями определено неодинаково. Признаком банкротства показывается совокупность формальных и материальных фактов, дающие вероятность судебному органу в признании лица банкротом или самому лицу объявить о присутствии несостоятельности (банкротства). По мнению других ученых при-

знаком банкротства будет система внешних характеристик должника, позволяющие принимать его несостоятельность. Кроме перечисленных подходов к признакам банкротства присутствует суждение, что признаки банкротства выступают как не система внешних характеристик должника, которая позволяет полагать несостоятельность, а приемы выражения (воплощения) в тексте нормативно-правового акта критерия несостоятельности, избранный законодательством в отношении той или другой категории вероятных банкротов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 30 декабря 2008 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 4. — Ст. 445.
2. Кузнецов С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография. — М.: Инфотропик Медиа, 2015. — С. 304.
3. Павлов, М. Процедура банкротства предприятия /М. Павлов // ЭЖ-Юрист. — 2017. — N 21. — С. 12.
4. Свириденко, О. М. История и современная концепция института несостоятельности (банкротства) в России / О. М. Свириденко // Банковское право. — 2016. — № 6. — С. 29.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, N 43, ст. 4190.

Законодательство о несостоятельности (банкротстве): сфера действия и тенденции развития

Абрегов Анатолий Арсеньевич, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» действие данного закона «распространяется на юридические лица, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) в соответствии с ГК РФ» [1].

Согласно п. 3 ст. 1 данного закона, «отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством) граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, регулируются настоящим Федеральным законом. Нормы, которые регулируют несостоятельность (банкротство) граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и содержатся в иных федеральных законах, могут применяться только после внесения соответствующих изменений и дополнений в настоящий Федеральный закон» [1].

Дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются Арбитражным судом, в порядке установленным Федеральными законами регулирующие вопросы о несостоятельности (банкротстве). Дела о несостоятельности рассматриваются судьей единолично.

В РФ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» по отношению к физическим лицам применяется недавно. Проводя анализ мировой практики во всех экономически развитых странах романо-германской правовой се-

ми, работает институт несостоятельности (банкротства) граждан уже более 10–20 лет.

Введение данного института с одной стороны является благом для добросовестных граждан, но с другой стороны институт банкротства для недобросовестных граждан может грозить наступлению уголовной ответственности, а также признание должника банкротом, но без освобождения его от долгов.

В связи с недавним распространением норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» на физических лиц, как в теории, так и на практике существуют проблемы, разрешение которых имеет весьма важное значение для дальнейшего развития данного института. В этой связи необходимо отметить, что проблем при банкротстве граждан существует намного больше, нежели при банкротстве юридических лиц.

Компетенция Арбитражных судов в Российской Федерации отнесена к Федеральному конституционному закону от 28.08.1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Также статья 27, 38 АПК РФ определяет подведомственность и условие того, что лица могут подать заявление о признании должника банкротом по месту нахождения должника.

Из этого вытекает проблема, связанная с невозможность Арбитражным судам рассматривать дела о несостоятельности (банкротства) физических лиц из-за недостаточной судебной практики, большого количества дел и длительного судебного процесса. Проблемы также возникают и в самой судебной системе Арбитражных судов. Например, граждане, которые проживают в отдаленной местности, могут испытывать значительные неудобства в подаче заявления и прохождении процедур несостоятельности (банкротства) [7, с. 97].

Анализируя нормативно-правовые акты института банкротства в российском законодательстве, можно сказать следующее:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» является основным нормативно-правовым актом регулирующий процедуры несостоятельности (банкротства). В данном законе закреплён порядок прав и обязанностей лиц, участвующих в деле.

2. В ГК РФ внесены изменения, касаемо граждан, которые не в состоянии удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [8, с. 32]. Гражданин может быть признан банкротом по решению Арбитражного суда. Таким образом, данное изменение позволяет четко разграничить компетенция судов в РФ. Под гражданином в РФ понимается, лицо, которое является субъектом гражданских правоотношений.

3. УК РФ определяет ответственность граждан при неправомерных действиях в процедуре банкротства граждан, которые не являются индивидуальными предпринимателями, а также за преднамеренное и фиктивное банкротство законодатель предусматривает уголовную ответственность [10, с. 17].

4. Кодекс об административных правонарушениях РФ также указывает на дополнения, касающиеся, фиктивного и преднамеренного банкротства, а также неправомерных действий арбитражного управляющего и граждан при процедуре банкротства.

5. АПК РФ дополнил новую статью, определяющую подведомственность дел о несостоятельности (банкротстве). В АПК РФ внесена отдельная глава 28 состоящая из трех статей, предусматривающая порядок рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве).

6. Законодатель в Федеральный Закон «Об исполнительном производстве» дополнил норму об особенностях обращения взыскания при введении в отношении должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, процедур, применяемых в деле о его банкротстве. Анализируя данную статью, необходимо заметить, что данная норма имеет специальное правило о том, что при процедуре реструктуризации долгов гражданина или реализа-

ции его имущества все выявленные судебные ограничения на имущество снимаются судебным приставом-исполнителем. [9, с. 76]

Из этого следует, что нормативно-правовой акт регулирует институт банкротства, в том числе граждан, и имеет системный характер и затрагивает всю законодательную базу, касающуюся банкротства.

В завершении рассмотрения последствий признания лица несостоятельным (банкротом) необходимо выделить наиболее актуальные проблемы:

1. Проблема, связанная с нормой регулирующей последствия признания гражданина банкротом. Данные последствия приводят к ограничениям развития экономики в стране и к дальнейшему ухудшению статуса лиц, прошедших процедуру банкротства;

2. Проблема, связанная с регулированием деятельности ФССП РФ. Данная проблема является актуальной для граждан, признанных банкротами потому, что судебный пристав-исполнитель при признании гражданина банкротом, не фиксирует завершение процедуры и освобождение гражданина от обязательств Арбитражным судом. Тем самым, кредиторы в таком случае, могут заново предъявить исполнительный лист судебному приставу-исполнителю.

По вышеназванным актуальным проблемам автор выделяет следующие эффективные способы разрешения проблем:

Во-первых, законодателю необходимо обратить внимание на статью, регулирующую последствия признания гражданина банкротом, а также внести более структурированную норму, регулирующую данные последствия.

Во-вторых, внести в статью ограничения последствий для добросовестных банкротов, которые могли бы заниматься экономической деятельностью. Таким образом, судья и финансовый управляющий должны во время процедуры реабилитационных процедур выявить факт добросовестного гражданина.

В-третьих, внести в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» статью, регулирующую обязанность судебных приставов-исполнителей фиксировать процедуру банкротства.

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что данные ограничения в отношении граждан признанных несостоятельными (банкротами) являются очень серьезными и длительными по срокам их действия сравнительно с прежним законодательством.

Таким образом, концептуальное исследование правового регулирования процедур, применяемых в деле о банкротстве физических лиц, позволяет выделить то, что институт носит реабилитационный характер и направлен на единый самостоятельный процесс признания гражданина банкротом.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.06.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 43. — 2002. — Ст. 4190.
2. Федеральный Конституционный Закон «Об арбитражных судах Российской Федерации» от 28 апреля 1995 № 1-ФКЗ: в ред. от 15 февраля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 18. — 1995. — Ст. 1589.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2007 г. № 95-ФЗ: в ред. от 28 декабря 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 30. — 2002. — Ст. 3002.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: в ред. от 29 декабря 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 32. — 1994. — Ст. 3301.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ: в ред. от 23 апреля 2018 г. // Собрание законодательства РФ. — № 1 (ч. 1). — 2002. — ст. 1.
6. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02 октября 2007 № 229-ФЗ: ред. от 23 апреля 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 30. — 2007. — Ст. 4849.
7. Фролов И. В. Банкротство гражданина: проблемы введения и модели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 2. — С. 95–102.
8. Харитонов, Г. А. Проблемные вопросы процедур банкротства физических лиц // Арбитражный управляющий. — 2016. — № 3. — С. 28–37.
9. Алексеев А. А. Проблемы и особенности введения института несостоятельности (банкротства) физических лиц в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2016. — № 4. — С. 76.
10. Вишневский П. Н. Новые правила о банкротстве граждан: краткое руководство // Реформы и право. — 2016. № — 1. — С. 14–19

Проблемы определения понятия ценных бумаг

Ангелов Александр Иванович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В данной статье рассмотрено понятие ценных бумаг, используемых в предпринимательской деятельности, с учетом многообразия теоретических мнений ученых и законодательства. Проанализированы работы ученых о проблемах определения понятия ценных бумаг. Изучены документарная и бездокументарная концепции ценных бумаг. Определены основные свойства документа для признания его ценной бумагой.

Ключевые слова: ценные бумаги, документарная концепция, бездокументарная концепция, право, документ.

В современном мире ценные бумаги, используемые в предпринимательской деятельности, являются важной частью экономических отношений, с помощью которых можно формировать финансовые ресурсы и перераспределять их путем совершения ценообразных операций между различными участниками рынка.

Ценные бумаги выступают важной составляющей товарного оборота

и представляют собой один из наиболее практичных финансовых инструментов. Благодаря им осуществляется регулирование взаимоотношений между участниками гражданского оборота и их развитие.

Ценные бумаги несут в себе экономический смысл, ввиду этого являются важным институтом гражданского права и, соответственно, основаны на теоретической базе, складывающейся по поводу их сущности, свойств, природы, достоверяемых ими прав.

В данной статье рассматриваются теории определения понятия ценных бумаг с целью описания сложности и неоднозначности данного понятия.

Поскольку экономические отношения, выраженные ценными бумагами, довольно сложны и постоянно видоизменяются, то определение ценной бумаги многообразно. Понятие ценной бумаги впервые изложил немецкий правовед Толь в своей работе «Торговое право», опубликованной в 1875 году. По мнению автора, ценными бумагами выступали любые документы имущественно-правового содержания.

Наиболее близким к современному понятию, впервые предложил немецкий ученый по имени Генрих Бруннер, сформулировав понятие ценной бумаги как документа, по предъявлению которого должно быть осуществлено исполнение частного права, закрепленного в нем [5]. Немецкий взгляд на понятие ценной бумаги в последующем получил популярность в России, Италии и Швейцарии.

Ценные бумаги во Франции представлены двумя терминами: «valeurs mobilières» (ценные бумаги) и «effets de commerce» (коммерческий вексель) [3].

Американское и английское право не содержат определений понятия ценной бумаги. Однако общие понятия некоторых ценных бумаг присутствуют. Данными понятиями выступают простой и переводной векселя, а также оборотный документ (чек), который, по мнению британского ученого Гарольда Ласки, является простым договором о денежном платеже, составленный для удовлетворения конкретных формальных требований. Гарольд Ласки также полагал, что договоры, заключаемые в процессе повседневного ведения дел, составляются в короткой форме, а стороны договора считают, что торговые правила и нормы способствуют пониманию значения изложенных условий и исполнению данных пробелов [6].

Следует отметить, что англо-американское право в части, касающейся ценных бумаг, находится ближе к договорному праву. Взаимоотношения по поводу ценных бумаг исследуются через призму принципов и начал данного правового института.

Профессор М. М. Агарков в своей монографии «Учение о ценных бумагах», опубликованной в 1927 году, писал, что в советском законодательстве ценные бумаги конкретного определения не получили, однако данный термин часто обозначал бумаги, которые являются предметом массовой эмиссии хозяйственных предприятий или государства (облигации, акции). Ученый считал, что юридическая теория, в отличие от законодательства, употребляла термин «ценная бумага» уже как сформировавшийся. Несмотря на разработки и уточнения, определение со временем, по существу, не менялось.

В соответствии с абзацем первым п. 1 ст. 142 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) ценными бумагами являются документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (документарные ценные бумаги) [1]. Данное определение, прежде всего, отражает документарную концепцию ценных бумаг, предполагающую, что ценные бумаги являются движимой вещью.

Вместе с документарной концепцией существует и бездокументарная, основанная на понимании природы ценной бумаги как совокупности права. Обоснованность существования такой концепции, хотя и в отношении лишь определенного вида ценных бумаг, подтверждается ГК РФ, где в абзаце втором п. 1 ст. 142 указано, что ценными бумагами признаются также обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии со статьей 149 ГК РФ (бездокументарные ценные бумаги) [1]. Статьей 149 ГК РФ государство за-

крепило общие положения о бездокументарных ценных бумагах.

Российский профессор Н. О. Нерсесов утверждал, что бумага сама по себе не представляет ценности, однако ценная бумага становится таковой благодаря праву, выраженному в документе. Таким образом, сущность ценных бумаг заключается в связи, существующей между документом и данным правом.

Документ как простое средство доказательств установления данного правоотношения не может считаться ценной бумагой, если только осуществление или передача права не обусловлены владением документом

В настоящее время такого же мнения придерживается профессор

В. А. Белов, который считает, что ценными бумагами в юридическом смысле являются ценные документы, которые ценны не сами по себе, как бумаги (материальные предметы) в силу своих естественных свойств, а в силу содержащегося в них права на некоторую ценность [4].

Существующей дуалистической концепцией ценными бумагами признаются как документарные ценные бумаги, так и бездокументарные. Обладание формальным понятием позволяет установить, является ли какой-либо документ ценной бумагой.

Для признания документа ценной бумагой, по мнению Е. А. Суханова, он должен обладать рядом свойств: литеральность (возможность требовать исполнения только того, что прямо обозначено в ценной бумаге); соблюдение строго формальных реквизитов; легитимация субъекта права, выраженного в ценной бумаге; предъявление обязательному лицу; абстрактность закрепленного в ней обязательства; ценная бумага придает выраженному в ней праву свойство автономности.

Однако следует признать, что предложенные Е. А. Сухановым свойства ценных бумаг необходимо применять исключительно в рамках документарной концепции ценных бумаг, что уменьшает вероятность отнесения к ценным бумагам бездокументарные ценные бумаги. Перечисленные свойства не представляется возможным применить к акциям, существованием которых подтверждается бездокументарная теория ценных бумаг. Содержание и документарная форма ценных бумаг имеет важное значение для реализации заложенного в них права. Основная особенность ценных бумаг (чек, вексель, товарораспорядительные ценные бумаги) состоит в том, что только имеющий право на бумагу может в силу этого права распоряжаться ею с целью осуществления права из бумаги.

Под правом на ценную бумагу рассматривается право на материальный объект (документ). Право на ценную бумагу носит обязательный характер при переходе от одного к другому лицу. В других случаях имущественные отношения принадлежности материальных благ юридически оформляются как вещные правоотношения, которые разделяются на отношения собственности и отношения иных (ограниченных) вещных прав. Необходимо отметить,

что ценная бумага в силу своей специфики может принадлежать лицу на праве собственности. Право на ценную бумагу может быть вещным и в определенные периоды дополняться правом обязательственным, принадлежащим другому лицу.

Одновременно на ценную бумагу существует право собственности, которое принадлежит одному лицу, и право требовать передачу ценной бумаги, принадлежащее другому. Согласно ГК РФ право из ценной бумаги может быть исключительно имущественным. Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» устанавливается, что ценная бумага (эмиссионная) закрепляет как имущественные права, так и неимущественные права [2]. Однако необходимо добавить, что неимущественные

права не носят основного характера (самостоятельного) и не могут без имущественных прав содержаться в ценной бумаге. Поскольку ценные бумаги участвуют в имущественном обороте, и обладают качествами обращаемости, они могут удостоверяют имущественные права и связанные с ними неимущественные права.

История формирования понятия ценных бумаг насчитывает многие века, а с каждым последующим этапом развития экономических отношений они обретают все большую важность в хозяйственной деятельности общества. Рассмотрев теории определения понятия ценных бумаг и изучив труды ученых, можно сделать вывод об актуальности по настоящее время вопросов теории ценных бумаг, в том числе об их природе и выраженных в них свойствах и правах.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (редакция от 3 августа 2018 г.) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (редакция от 27 декабря 2018 г.) «О рынке ценных бумаг» [Электронный источник] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения 23 марта 2019 г.).
3. Белова О. А., Дерюгина Т. В. Гражданское право: учебник. — М.: Зерцало-М, 2015. — 400 с.
4. Белов В. А. Ценные бумаги в коммерческом обороте: курс лекций: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 306 с.
5. Бердникова Т. Б. Рынок ценных бумаг: прошлое, настоящее, будущее. — М.: Инфра-М, 2015. — 297 с.
6. Николаева И. П. Рынок ценных бумаг: учебник. — М.: Дашков и Ко, 2015. — 256 с.

История развития законодательства о договоре дарения

Артамонов Кирилл Витальевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Договор дарения является одним из старейших договоров гражданского права. Еще со времен римского права дарение признавалось одним из оснований возникновения права собственности. В римском праве, под дарением, признавался договор, по которому даритель, предоставлял одаряемому, вещи или право [1]. Считалось, что предоставление происходило с целью проявления щедрости в пользу одаряемого.

В римском праве на протяжении всего его существования не происходило ограничений предмета договора дарения. В содержание предмета данного договора включалась даже возможность дарственного обещания. Данный факт свидетельствует о консенсуальном признаке договора дарения. Стоит также отметить, что в римском праве было указание на безвозмездный характер договора дарения (что в последствии перешло и в наше гражданское законодательство), что повлияло на установление специальных правил регулирования договора дарения в части ответственности дарителя, а также отмены дарения [2].

Если обратиться к появлению договора дарения на русской земле, то следует заметить, что в период феодальной раздробленности Руси наряду с «Русской правдой» использовались нормативно — правовые акты городов. К примеру, в 1397 году «Псковская судная грамота» сформулировала ряд новых норм и оказала большое влияние на развитие русского права, в том числе появление первых норм, касающихся договора дарения.

В дореволюционной России велись оживленные дискуссии, по поводу отношений, связанных с дарением. Ведь ни гражданское законодательство, ни доктрина гражданского права периода до 1917 года не давали однозначных ответов на вопросы о правовой природе договора дарения. Нормы о дарении в гражданском законодательстве той поры были размещены в разделе о порядке приобретения и укрепления прав на имущество [3]. При этом, следует заметить, что законодательство признавало, дар недействительным, когда от него отречется тот, кому он назначен. Из чего можно полагать, что законодатель относил дарение

ние к договорным обязательствам. Т. е. требовалось согласие одаряемого на получение дара, следовательно, уже в дореволюционный период речь шла о двустороннем договоре дарения.

В цивилистике считалось, что всякое дарение является безвозмездным договором, направлено на увеличение имущества одаряемого, и уменьшение имущества дарителя. Дарение — это сделка, которая основана только на взаимном согласии сторон. Дарение не переходит в плоскость правового регулирования, до момента принятия предлагаемого дара лицом одаряемым. В данном случае дарение признается двусторонним договором [4].

Также встречаются точки зрения, по поводу правовой природы договора дарения, согласно которым следует различать договоры дарения как институт обязательственного права (в нем на основе соглашения сторон возникает обязательство дарителя передать дар одаряемому), при этом не признается договором то дарение, когда имеется лишь факт передачи вещи, который непосредственно порождает право ответственности у лица, получившего эту вещь в дар. В этом случае при отсутствии соглашения сторон, а также вытекающего из него обязательства по передаче вещи, факт ее передачи представляется самостоятельным основанием возникновения права собственности, т. е. имело место безвозмездное отчуждение права собственности, которое, не охватывалось понятием договора дарения [5]. Считаем, что с позиций сегодняшнего дня, такой подход к оценке правовой природы дарения имеет право на существование.

В целом, говоря о российском гражданском законодательстве дореволюционного периода, можно указать на то, что выделялось несколько особых видов дарения, к которым в частности относилось дарование, исходящее от государя, предметом которого являлась государственная недвижимость переданная в собственность или во временное пользование. Также выделялось дарение между членами семьи и близкими родственниками. Именно тогда получило свое распространение приданное, ныне не регулируемое законодательством.

В советский период договор дарения конструировался как реальный, а его предметом могли выступать лишь вещи. Нормативно-правовое регулирование области договора дарения было совершенно не разработанным в рассматриваемый период времени, ведь в Гражданском кодексе 1964 г. дарению были посвящены всего две статьи. Можно вести речь о том, что резко сужалась сфера применения договора дарения.

Основываясь на исторических фактах, можно сделать вывод, что государство вело такую политику в области гражданско-правового регулирования, которая характеризуется направленностью на сокращение объемов частного имущества, и тем самым оправдывалось ограничение объемов массы дарения.

В начале советского периода в 1918 году был издан Декрет ВЦИК «О дарениях» [6], в котором был детально регламентирован договор дарения, им же были установлены

форма договора, предельно допустимая сумма дара (являлось существенным условием, несоблюдение которого вело к недействительности договор), запрет дарения на случай смерти, а также последствия признания договора недействительным. Прорывом гражданского законодательства в области отношений? регулирующих дарение явилось установление существенных ограничений дарения в зависимости от суммы предмета данного договора. Однако в остальных случаях, которые не были запрещены данным декретом, дарение признавалось действительным договором.

Далее был издан первый советский Гражданский Кодекс РСФСР 1922 г., в котором была всего одна статья №. 138, которая характеризовала дарение как безвозмездную сделку, помещенную в раздел «Обязательства, возникающие из договоров». Этой статьей было закреплено обязательство нотариально удостоверять дар на сумму, превышающую тысячу золотых рублей, а также объявляла недействительным договор дарения на сумму более десяти тысяч золотых рублей.

Нередко в рассматриваемый период времени в судебной практике возникал вопрос о допустимости ответных действий со стороны одаряемого, так как это шло в разрез с безвозмездным признаком дарения.

Гражданское законодательство начала советского периода, в частности ГК РСФСР 1922 г., действовало более сорока лет, при этом стоит отметить, что в указанный период сменилось несколько экономических эпох советского государства. Разным также было отношения к гражданскому законодательству и договору дарения в целом.

Как отмечалось ранее, ГК РСФСР 1964 года регламентировал все отношения, связанные с договором дарения, лишь двумя статьями. Договор дарения не порождал обязательства (ни со стороны дарителя, ни со стороны одаряемого). Подобное регулирование безвозмездных договоров, являвшихся довольно распространенными в практической жизни, свидетельствовало о пренебрежительном отношении со стороны советского государства к нуждам своих граждан.

Гражданское законодательство советского периода фактически ограничивало предмет дарения лишь вещами. Договор декларировался как реальный. В отличие от него действующий ГК РФ резко расширил предмет договора дарения, включив в него вещи, имущественные права, в том числе право требования в отношении дарителя или третьих лиц, а также освобождение от имущественных обязанностей перед дарителем или третьим лицом.

Рассматривая историю развития законодательства регулирующего правоотношения в области дарения, необходимо обратить внимание на существование такой точки зрения, согласно которой в русском праве нормы о договоре дарения появились впервые применительно к дарению в пользу церкви и монастырей.

Проводя исследование в области развития законодательства, регулирующего нормы дарения, можно утверждать, что институт дарения в советском законодательстве

значительно отличался от рассматриваемого института до-революционного законодательства. В целом можно сделать вывод о том, что дарение претерпевало значительные изменения в правовом регулировании на различных исторических этапах и в различных социально-экономических условиях жизни общества. Обозначенный опыт развития гражданско-правовых норм в области дарения, совместно с проведенным анализом действующего зарубежного законодательства, играет большую роль в становлении и совершенствовании отдельных положений договора дарения в современном российском праве.

Литература:

1. Новицкий И. Б. Римское частное право. Учебник. М., 1972.
2. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1996. С. 500.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества. М., 2008. С. 288.
4. Шершеневич Г. Ф., Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 128.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. М., 2008. С. 290.
6. Гражданское право. Учебник для юридических вузов. Т. 2. М., 1944, С. 42.

Особенности договора купли-продажи будущей недвижимости

Безлепкин Георгий Алексеевич, студент магистратуры;

Научный руководитель: Жестеров Павел Валерьевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

На сегодняшний день в сфере предпринимательства довольно часто используются инвестиционные договоры, предметом которых являются или еще не созданные вещи, или те вещи, право собственности на которые не были зарегистрированы за продавцом.

В настоящее время в российском законодательстве, в частности в Гражданском кодексе РФ (далее ГК РФ), не предусмотрена особая конструкция договора купли-продажи недвижимости, которая будет создана в будущем. В то же время п. 2 ст. 455 ГК РФ отчасти регламентирует этот договор, устанавливая возможность его заключения на куплю-продажу такого товара, который еще не создан либо который будет приобретен продавцом в будущем [1].

Также данную возможность подтверждает Постановление № 54 Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» (далее — Постановление № 54) [2].

Указанный договор входит в состав консенсуальных, возмездных и двустороннеобязывающих сделок. Характер консенсуальности заключается в установлении предмета соглашения в виде будущей недвижимости, а также цены, условий об оплате в полном размере или большей части

Перечисленные особенности дарения по советскому праву указывают на то, что сфера распространения данного вида отношений была ограничена законом. Также следует отметить, что с помощью такого регулирования рассматриваемого института, государство пыталось установить контроль за перемещением материальных благ, принадлежащих гражданам, а не совершенствовать правовую базу безвозмездных отношений, что и затрудняло дальнейшее развитие института дарения в период советской власти.

стоимости до момента передачи объекта в право собственности покупателя. Такой договор является одним из видов купли-продажи недвижимости, при оформлении которого необходима государственная регистрация перехода от продавца к покупателю права собственности на будущую недвижимую вещь. [3, с. 16].

Примечателен тот факт, что возможность заключения данного договора купли-продажи возникает вне зависимости от готовности объекта недвижимости к эксплуатации. Более того, договор заключается до получения разрешения на строительство и, соответственно до начала самого строительства будущей недвижимости. Отсутствие права собственности на имущество у продавца на момент заключения договора купли-продажи не является само по себе основанием для признания сделки недействительной.

В соответствии с Постановлением № 54 указанный выше договор входит в категорию инвестиционных договоров. Основываясь на наблюдениях за инвестиционными сделками, связанными с реконструкцией и строительством недвижимого имущества постановление выделяет три модели договоров, посредством которых производится оформление отношений возникающих в сфере инвестиционной деятельности, связанной со строительством недвижимости:

— Договор купли-продажи вещи, которая только будет создана (т. е. будет построена), либо будет приобретена в будущем;

— Договор простого товарищества (т. е. совместная деятельность);

— Договор строительного подряда.

Примечателен тот факт, что данное определение уславливает опровержимую презумпцию. Это выражается в том, что судам необходимо квалифицировать договоры, связанные с реконструкцией объекта недвижимости и финансированием строительства, как договоры купли-продажи. При этом Высшим Арбитражным Судом РФ вовсе не ограничивается выбор договорных форм: в отношении строительства недвижимости существует возможность заключения договора, который будет содержать в себе элементы указанных выше договоров, равно как непоименованный в Гражданском кодексе.

В последнее время в большинстве случаев процесс структурирования инвестиционных отношений сопровождается оформлением участниками данных правоотношений путем заключения договора купли-продажи будущего недвижимого имущества, т. е. такого имущества, которое будет создано, построено в будущем. Специалисты отмечают, что заключение данных договоров предоставляет для покупателя возможность привлечения финансов на стадии создания недвижимой вещи, во время ее строительства под залог прав по данному договору. Данное обстоятельство способствует положительному развитию инвестирования в строящуюся недвижимость [4, с.5].

Также важно отметить, что указанное постановление разрешило множество проблем, существующих в судебной практике и связанных с конструкцией договора купли-продажи будущей недвижимости. Но, как показала практика, постановление № 54 не снимает всех вопросов, возникающих в этой области.

В связи с этим судебная практика являет нам сложности, которые появляются в процессе индивидуализации объекта договора купли-продажи будущей недвижимости. Согласно тексту указанного постановления индивидуализация будущей вещи становится возможной посредством указания информации, сведений, которые позволят определить подлежащее передаче по договору недвижимость. В перечень таких сведений входит ориентировочная площадь возводимого здания либо помещения, местонахождение строящейся недвижимости, иные характеристики, в том числе те, которые будут определены путем использования проектной документации. Но в том случае, если свойства построенного здания или готового помещения будут существенно расходиться с указанными свойствами в договоре, то такое соглашение подвергается риску быть признанным незаключенным.

В настоящее время в судебной практике не сформировалось единое мнение в отношении вопроса о существенных расхождениях между метражом созданного объекта и метражом, согласованным участниками при заключении соглашения.

К примеру, в одном случае, основываясь на анализе проектной и технической документации, суд признал разницу в площади несущественной и удовлетворил иск о признании права собственности истца [5].

В другом случае намного меньшую разницу в метраже суд признал существенным расхождением, а договор незаключенным. Согласно этому делу между истцом и ответчиком было заключено соглашение, по которому исполнитель обязуется разработать по поручению заказчика проектно-сметную документацию, необходимую для строительства жилого здания. После выполнения обязательств исполнителем, заказчик отправил последнему проект соглашения о долевом участии в строительстве. В договоре указана общая площадь помещения в 214 кв.м., а также фигурирует условие: за 175 кв. м. цена составляет в 16 тыс. руб. за 1 кв.м., за метраж превышающий установленный порог, предусматривается иная цена, которая составит 60 тыс. руб. за 1 кв.м. Данные условия не удовлетворили исполнителя, что повлекло отказ от подписания соглашения. В следствие этих причин застройщик принимает решение о продаже данного объекта другим лицам. Далее исполнитель обращается в суд с требованием взыскать убытки в виде разницы между стоимостью помещения, указанной в договоре (16 тыс. руб. за 1 кв. м.) и актуальной рыночной ценой офисного помещения метражом в 175 кв. м. в готовом к эксплуатации здании. Суд отказал в иске, мотивируя свое решение тем, что фактическая воля участников договора была направлена на то, чтобы заключить в будущем соглашение с последующим обсуждением условий оплаты и согласованием самого объекта недвижимости. Однако вследствие того, что общий метраж помещения все же не был согласован участниками договора, представляется невозможным признать согласованным предмет предварительной договоренности [6].

Таким образом, подтверждается высокая важность надлежащей индивидуализации предмета сторонами при заключении договора купли-продажи будущей недвижимости, при этом следует учитывать не только площадь объекта, но также указывать в соглашении и иные свойства.

Основываясь на вышеизложенном, представляется возможным сформулировать вывод по данной проблематике.

Договор купли-продажи будущей недвижимости представляет собой наиболее распространенную разновидность инвестиционных договоров, встречающихся в юридической практике.

Постановление № 54, принятое Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, разрешило множество проблем, связанных с конструкцией договора купли-продажи будущей недвижимости. Наиболее существенной возможностью, которую предоставило данное постановление, является заключение договора купли-продажи недвижимого имущества, которое будет создано или приобретено продавцом в будущем. При этом оно сохраняет свое несовершенство, так как оставляет не разрешенными ряд существенных проблем в данной области российского законодательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 06, 07, 08 февраля. № 23, 24, 25.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9.
3. Тресцова Е. В. Правовой статус недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем (будущая недвижимая вещь) // Вестник Ивановского государственного университета. 2013. С. 13–16.
4. Себякина А. А. Юридическая природа договора купли-продажи будущей недвижимости // Интерактивная наука. 2017. С. 5–10.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 01 декабря 2011. по делу № А5715802/2010 // Документ опубликован не был.
6. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 23 января 2011 г. по делу № А33–8250/2011 // Документ опубликован не был.

Криминалистическая характеристика незаконного усыновления (удочерения)

Беликова Юлия Максимовна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Данная статья посвящена криминалистической характеристике и методике расследования незаконных действий и незаконных видов практики национального усыновления (удочерения). Необходимо попытаться предложить конкретные юридические решения для предупреждения и искоренения этого явления, провести анализ сведений о проблемах в системе защиты детей и (или) об участии в этих действиях преступных сетей.

Ключевые слова: незаконное усыновление (удочерение), криминалистическая характеристика преступления, преступное посягательство.

Криминалистическая характеристика преступления содержит в себе исходную информацию, систему данных об обстановке и способе преступления, типичных следах, подлежащих установлению и исследованию по данной категории дел, типичных версиях о личности преступника, предположительных целях и мотивах преступного посягательства. [1, С. 220–224].

Первоначальная информация, касающаяся незаконного усыновления, чаще всего получена из сообщений граждан или должностных лиц государственных органов, а также в ходе оперативно-розыскных мероприятий [4, С. 17–21].

По мнению автора, непосредственным объектом преступного посягательства являются интересы семьи, родителей и детей, установленный законом порядок усыновления (удочерения).

Потерпевшими от данного преступления являются несовершеннолетние, характеризующиеся недостаточно развитой психикой в силу возраста, физиологическими и социальными особенностями. Личность потерпевшего тесно взаимосвязана со способом и субъектом преступного посягательства.

Способ совершения преступления выражается в незаконных действиях путем передачи детей на усыновление (удочерение) без разрешения их родителей: оформление со-

ответствующего акта без документов, свидетельствующих о возможности приемных родителей заниматься воспитанием несовершеннолетнего ребёнка, отсутствие персонального согласия ребёнка, достигшего 10-летнего возраста, передача ребёнка лицу без гражданства или иностранному гражданину, при наличии приоритета усыновления гражданином РФ или родственником ребёнка.

Субъект, совершающий данный вид преступлений, характеризуется корыстной направленностью и асоциальным поведением. Как правило, преступником является должностное лицо органов опеки и попечительства и других инстанций, оформляющее документацию по устройству детей в приёмную семью [5, С. 186–179].

Хотелось бы отметить, что при проверке информации о совершении незаконного усыновления необходимо обеспечить плодотворное и тесное взаимодействие дознавателя и сотрудников оперативных подразделений. Следует определить комплекс оперативно-розыскных мероприятий, посредством которых будут получены фактические данные, указывающие на основания для возбуждения уголовного дела и формирования доказательственной базы.

Если рассмотреть данный вопрос на практике, то можно проследить, что при совершении преступлений, связанных с незаконным усыновлением, организованные преступные группы маскируются под внешне законную деятельность

коммерческих организаций, туристических фирм, иностранных агентств по усыновлению детей, благотворительных фондов и различных общественных организаций [2].

По мнению Куемжиевой С. А., незаконное решение об усыновлении (удочерении) принимается несколькими должностными лицами (органами опеки и попечительства, органами местного самоуправления, сотрудниками родильных домов и зав. детских сиротских учреждений). Вследствие этого необходимо выявить всю цепочку лиц, причастных к принятию данного решения, их должностные полномочия и возможность оказания реального влияния на незаконное решение [3, С. 770–777].

Местом совершения незаконного усыновления является месторасположения органов опеки и попечительства и иных детских воспитательных учреждений для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения.

Следовая картина преступления включает в себя идеальные и материальные следы. К идеальным следам можно отнести лица, которые смогли зафиксировать преступное деяние — это сотрудники детских воспитательных учреждений и иные лица, которые случайно могли оказаться на месте совершения преступления. Материальными следами незаконного усыновления будет документация, удостоверяющая факт незаконного усыновления, информация, находящаяся на аудио- и видео-носителях.

Таким образом, криминалистическая характеристика незаконного усыновления — это информационная модель расследования преступлений, которая отражает закономерности развития информации по уголовному делу, а также сведения о типичной личности преступника и потерпевшего, предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, механизм следов и обстановку совершения преступления.

Литература:

1. Белкин Р. С. Криминалистическая характеристика преступления — реальности или иллюзия // Криминалистика: Проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М., 2001. С. 220–224.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации № 6. 2006 (в ред. от 17.12.2013) // Консультант Плюс/.
3. Куемжиева С. А. Организация первоначального этапа расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. Краснодар. 2016. С. 770–777.
4. Кабанов В. Л. Отмена усыновления (удочерения) детей и проблемы их интересов: социально-гуманитарные аспекты // 2012. № 4. С. 17–21.
5. Влезько Д. А. Значение личности преступника в криминалистике. Восточно-Сибирский институт МВД России № 4 (89). Иркутск // 2018. С. 186–179.

Некоторые проблемы правового регулирования контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках

Будняцкий Виталий Маркович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматривается система формирования контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках, регулируемых Федеральным законом № 44-ФЗ. Анализируются проблемы, возникающие при осуществлении закупок в российской Федерации. Рассматриваются проблемы квалификации специалистов в области государственных и муниципальных закупок, а также варианты совершенствования квалификации специалистов.

Ключевые слова: контрактные отношения, государственная закупка, оптимизация, улучшение, квалификация.

The article discusses the system of formation of contractual relationships in government and municipal orders, regulated by Federal Law No. 44-FZ. Analyzes the problems arising in the implementation of orders in the Russian Federation. Considered problems of qualification of specialists in the field of government and municipal orders, as well as options for improving the qualification of specialists.

Keywords: contractual relationships, government order, optimization, improvement, qualification.

Наличие качественной системы осуществления государственных закупок является одним из важнейших факторов экономической стабильности страны. В современных реалиях экономики большой объем государственного заказа влечет за собой увеличение бюджетных расходов. В наше время осуществление государственных и муниципальных заказов реализуется на основе контрактной системы взаимоотношений. В связи с этим, необходим высококвалифицированный и качественный подход к формированию системы контрактных отношений.

В 2013 году на смену существовавшему 94-ФЗ был принят действующий на сегодняшний момент Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ [1] (далее — 44-ФЗ). Издан вышеупомянутый закон для регулирования контрактных отношений в области государственных закупок товаров, работ, услуг, которые необходимы для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Контрактная система (далее — Система) в сфере закупок, согласно 44-ФЗ, является «совокупностью участников контрактной системы в сфере закупок в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд» [1]. Однако, фактически не существует единой формы и структуры контрактной системы. Отсюда следует, что Систему можно рассматривать как инструмент регулирования контрактных отношений, предназначенный для обеспечения государственных и муниципальных нужд в рамках осуществления закупок.

Основой Системы является принцип взаимодействия заказчика в лице Российской Федерации, и подрядчика в лице исполнителя. Система инициирует конкурентную среду между потенциальными подрядчиками посредством государственного бюджета, выделенного на определенные государственные или муниципальные нужды. Немаловажным фактором для формирования качественного института контрактных отношений является введение норм о контрактной службе и контрактном управляющем, установление конкурентных методов выбора поставщика, введение ЕИС (единой информационной системы в сфере закупок). Все эти, и многие другие факторы учтены в 44-ФЗ. Отсюда можно сделать вывод, что 44-ФЗ регулирует форму контрактных отношений, начиная от начала планирования закупок, до заключения и выполнения заключенных договорных обязательств.

Однако, несмотря на положительную динамику при применении и совершенствовании 44-ФЗ в государственных и муниципальных закупках, остается множество сложностей, возникающих как с одной, так и с другой стороны контрактных взаимоотношений.

Одним из важнейших моментов при формировании закупок является наличие квалифицированных специалистов, привлекаемых к процессу [3]. Согласно ст. 944-ФЗ

«Контрактная система в сфере закупок предусматривает осуществление деятельности заказчика, специализированной организации и контрольного органа в сфере закупок на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок». Фактически, заказчику для организации процесса закупок, необходимо определить круг лиц, имеющих профессиональный навык в сфере закупок (либо создать контрактную службу и определить контрактных управляющих), сформировать рабочие группы или комиссии. В случае если необходимых специалистов нет в штате, привлечь профильную организацию. Также согласно 44-ФЗ, работником контрактной службы или контрактным управляющим может быть лицо, имеющее либо высшее профессиональное образование в сфере закупок, либо профессиональное образование в любой сфере и дополнительное профессиональное образование в сфере закупок [2].

Безусловно, для эффективной работы заказчика необходимо большое число квалифицированных профессионально подготовленных специалистов. При этом, требования к опыту работы лица, претендующего на должность контрактного управляющего не являются обязательными, тем более что Закон № 44-ФЗ таких норм не содержит [3]. Также законом не регламентированы существенные требования к образовательным учреждениям, предоставляющим обучение и курсы повышения квалификации. Отсутствует регламент учебных программ и требования к преподавательскому составу. Как следствие, появляется большое количество учебных организаций, предоставляющих в кратчайшие сроки документы о повышении квалификации. Отсюда можно сделать вывод, что наличие прохождения обучения не может гарантировать получения на выходе квалифицированного специалиста.

Создание профессионального стандарта требований к навыкам и квалификации контрактных служащих могло бы стать серьезным шагом к улучшению ситуации. Необходимо также и национальный реестр специалистов в области контрактного управления, который будет включать в себя перечень аттестованных руководителей и ведущих специалистов. Квалификация и опыт этих специалистов должны быть подтверждены на официальном уровне методом аттестации.

Также нельзя оставлять без внимания и образовательные учреждения, способные подготовить специалистов необходимого уровня. Для них также необходим алгоритм прохождения государственной аккредитации и соответствующий реестр.

Частой причиной некачественного предоставления товаров и услуг при осуществлении закупок является некорректно составленное техническое задание. Возникает данная проблема зачастую из-за того, что сотрудники, занимающиеся закупкой, не всегда могут в полной мере учесть все технические нюансы. Данная проблема может быть решена при помощи создания технических советов или ра-

бочих групп для уточнения формулировок. Другим менее действенным вариантом решения может быть создание типового проекта технического задания.

Подводя итог, можно сделать вывод, что вектор совершенствования регулирования контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках направ-

лен в правильную сторону. Однако, внесение поправок, а главное, дополнений на основе практики в процессе развития контрактной системы отношений в части повышения квалификации привлеченных специалистов будет способствовать становлению более эффективной системы в сфере закупок.

Литература:

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/
2. Настольная книга госзаказчика / А. А. Храбкин [и др.]; отв. ред. А. А. Храбкин. — 10-е издание, дополненное. — М.: ИД «Юриспруденция», 2015. — 574 с.
3. Лескина Э. И. К вопросу о трудовом статусе контрактного управляющего в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Юрист. № 2/2018.

Некоторые аспекты ответственности субъектов нормотворческой деятельности

Вайнер Глеб Вадимович, студент магистратуры

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В статье анализируются факторы, влияющие на ответственность субъектов нормотворческой деятельности. В качестве одной из наиболее очевидных и, скорее всего, наиболее распространенных причин порождающих ответственность субъектов нормотворческой деятельности рассматривается правотворческая ошибка. Изучается степень разработанности темы исследования, обозначаются объект, предмет, цель и задачи исследования, предполагаемая методологическая и теоретическая основы.

Ключевые слова: ответственность субъекта нормотворчества, юридическая ошибка, нормотворчество.

Эффективность законодательства во многом обусловлена качеством продукта нормотворческой деятельности. Понятие «нормотворчество» охватывает не только явления правовой действительности, но и все социальное нормотворчество, как то: корпоративное нормотворчество, религиозное нормотворчество, моральное нормотворчество, обычное нормотворчество. В рамках данной статьи мы будем рассматривать нормотворчество как процесс создания правовых норм.

Нормотворчество — продукт человеческой деятельности, а значит явление подверженное воздействию многих субъективных факторов. К их числу можно отнести социально-правовую активность субъектов нормотворческой деятельности, уровень их правового сознания и правовой культуры, готовность действовать в соответствии со своими внутренними убеждениями и т. п. Специфической чертой нормотворческой деятельности является ее осуществление субъектами, являющимися представителями власти, в данной ситуации — представителями законодательной власти. Это те люди, которые принимают законы, в том числе устанавливающие ответственность за различного рода правонарушения. Готовы ли они устанавливать ответственность за свои недоработки? Ответ на этот вопрос тесно связан с ответами и на другие вопросы. Осознают ли они свое со-

циальное предназначение, свой профессиональный долг? Соглашаясь с Т. В. Милушевой, отметим, что «содержание ответственности обусловлено целями и назначением государства, вытекает из обязанности признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также права обладания властными полномочиями и необходимыми ресурсами для реализации этой обязанности» [1, с. 474].

Тема ответственности является одной из древнейших, обсуждаемые в ней проблемы носят междисциплинарный характер, остаются не до конца разрешенными. Для того, чтобы поставить вопрос об ответственности субъектов нормотворческой деятельности нужно обладать гражданским мужеством. Вызывает оптимизм, что некоторые депутаты такими качествами обладают. Так, идею о необходимости введения ответственности депутатов за неэффективное законотворчество высказал заместитель председателя Совета Федерации А. Торшин на презентации доклада «О состоянии законодательства в Российской Федерации» [1, с. 474].

Для правильного понимания сущности ответственности субъектов нормотворческой деятельности необходимо разобраться с причинами, лежащими в основе возникновения ответственности. Одной из наиболее очевидных и, скорее всего, наиболее распространенных является правотвор-

ческая ошибка. Правотворческие ошибки могут повлечь серьезные социальные потрясения и в этой связи заслуживают тщательного исследования. Причины правотворческих ошибок могут быть весьма разнообразны. В самом общем виде правотворческие ошибки являются следствием ошибочной юридической деятельности, которая, в свою очередь, является одной из форм реализации юридической антикультуры. Все перечисленные выше негативные юридические явления могут нанести определенный вред законным интересам граждан, который может негативно сказываться на правосознании, юридической практике и на состоянии правовой системы в целом.

Актуальность заявленной темы исследования обусловлена и тем фактом, что «на сегодняшний день вопросы ответственности субъектов законотворческой деятельности недостаточно разработаны в науке и не урегулированы в законодательстве. В теоретическом осмыслении нуждаются вопросы об объеме полномочий законодателя, границах его правовой связанности, пределах правотворческой деятельности» [1, с. 474]. Законодатель постоянно пытается расширить зону своего влияния путем охвата правовым регулированием все новых и новых сфер общественной деятельности. Расширение объекта нормативного воздействия неминуемо влечет и увеличение объема ошибочной юридической деятельности.

Вопросы юридической ответственности становились предметом исследования в трудах Д. А. Лапинского, А. В. Малько, А. В. Погодина, Г. А. Прокоповича, Т. Н. Радько, В. А. Шмарова и др.

Отдельные аспекты юридической ответственности субъектов публичного права исследовались в работах Н. А. Бобровой, Б. Н. Габричидзе, В. М. Ведяхина, В. А. Виноградова, В. Н. Кудрявцева, И. Л. Умновой и др.

Из работ, наиболее близких по тематике к настоящему исследованию, следует отметить кандидатскую диссертацию Л. Э. Котловского по специальности 12.00.01 на тему «Юридическая ответственность субъектов публичного права» [2], имеющую определенное методологическое значение для настоящей магистерской диссертации, так как она охватывает вопросы более общего характера.

Исследования монографического характера, предмет которых полностью совпадает с предметом настоящего исследования, до настоящего времени не проводились. Частично предмет настоящего исследования пересекается с диссертационным исследованием Р. С. Маркунина [3] и А. В. Русанова [4].

Анализ актуальности и степени разработанности темы исследования позволяет утверждать о необходимости продолжения работы в сфере исследования ответственности субъектов нормотворческой деятельности.

В качестве объекта исследования необходимо рассматривать общественные отношения, связанные с юридической ответственностью субъектов нормотворческой деятельности и ее реализацией как сложного, многоаспектного социально-правового явления. Предметом

исследования должны выступать теоретико-правовые основы, особенности функционирования и практика реализации юридической ответственности субъектов нормотворческой деятельности как системы, института, свойства субъекта права. Цель исследования заключается в обосновании теоретической модели юридической ответственности субъектов нормотворческой деятельности, выделении ее особенностей во взаимосвязи с другими видами социальной ответственности и правовыми категориями. Для решения поставленной цели необходимо решить ряд последовательных и взаимообусловленных задач: исследовать понятие нормотворческой деятельности и ее субъектный состав; проанализировать правотворческую ошибку как дефект нормотворческой деятельности; изучить систему юридической ответственности в современной России; исследовать особенности ответственности субъектов нормотворчества.

Методологическую основу исследования составят совокупность общенаучных, частно-научных и специальных методов познания, что позволило наиболее полно и всесторонне раскрыть обозначенный предмет исследования, достичь цели, решить поставленные задачи. В качестве общенаучного будет использоваться диалектический способ познания природы, общества, мышления, логика которого требует рассмотрения предмета в его развитии, движении, изменении, что позволит проанализировать категориально-понятийный аппарат, выявить сущность исследуемого объекта. Его конкретизирует и обогащает системный метод, дополняя требования полноты, всесторонности, стабильности и динамичности, позволяя наполнить содержанием правовые конструкции, раскрыть их взаимосвязи, определить дальнейшее развитие.

Теоретической основой исследования послужат фундаментальные монографические труды, научные статьи отечественных и зарубежных авторов по проблемам социальной ответственности, юридической ответственности, субъектов, обладающих властными полномочиями, осуществляющих государственные функции. На формирование научной позиции существенное влияние могут оказать работы ученых, рассматривавших общеметодологические, общетеоретические проблемы юридической науки, в том числе юридической ответственности, субъектов права, правомерного и неправомерного поведения: С. С. Алексеева, Н. В. Витрука, Я. И. Гилянского, Ю. И. Гревцова, О. С. Иоффе, В. Н. Кудрявцева, В. В. Лазарева, А. В. Погодина, А. В. Полякова, М. С. Строговича, И. Л. Честнова и др.

Нормативную основу исследования составят положения Конституции Российской Федерации, конституций зарубежных стран, нормы международного права, отечественное отраслевое законодательство, подзаконные нормативные акты (Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, ведомственные приказы и инструкции).

Эмпирическую базу исследования составят решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, иные материалы су-

дебной практики, а также статистические данные, аналитические обзоры, социологические опросы, материалы периодической печати.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что ответственность субъектов нормотворческой деятельности относится к наименее исследованной в юридической науке проблематике. Очевидно, что это обусловлено отсутствием дан-

ного правового института в его непосредственной форме. Об ответственности субъектов нормотворческой деятельности можно рассуждать в большей степени идеалистически. Тем не менее этот правовой институт должен приобрести более выраженные фактические очертания, что безусловно необходимо для построения правового государства в нашей стране.

Литература:

1. Милушева, Т. В. Ответственность субъектов законотворческой деятельности: дискуссионные вопросы / Т. В. Милушева // Юридическая техника. — 2015. — № 9. — С. 474–477.
2. Котловский, Л. Э. Юридическая ответственность субъектов публичного права. Дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. / Л. Э. Котловский — Калининград, 2018. — 228 с.
3. Маркунин, Р. С. Юридическая ответственность депутатов и органов представительной власти: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Р. С. Маркунин — Саратов, 2013. — 29 с.
4. Русанов, А. В. Ответственность власти как нравственная и правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. В. Русанов — Белгород, 2009. — 22 с.

Предоставление государственных и муниципальных услуг и функции органов публичной власти: соотношение понятий

Вергун Алина Марковна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрено соотношение понятий предоставления государственных и муниципальных услуг с функциями органов публичной власти, проведенный анализ отразил необходимость корректировки законодательных актов.

Ключевые слова: *государственные и муниципальные услуги, функции органов власти, соотношение предоставления государственных и муниципальных услуг с функциями органов власти.*

В Конституции РФ понятие «услуга» в контексте экономической сферы определяется в качестве вида материальной деятельности (ч. ч. 1 и 2 ст. 8, ч. 1 ст. 74).

Определение термина «услуга» также содержится в «ГОСТ Р 50646–2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. Термины и определения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.11.2012 № 1612-ст) — это «результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также собственной деятельности исполнителя по удовлетворению потребности потребителя».

Согласно ст. 6 Бюджетного Кодекса Российской Федерации государственные (муниципальные) услуги (работы) — услуги (работы), оказываемые (выполняемые) органами государственной власти (органами местного самоуправления), государственными (муниципальными) учреждениями и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, иными юридическими лицами.

В ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее - № 210-ФЗ) государственные и муниципальные услуги (далее - услуги) определя-

ются как деятельность по реализации функций органов, их предоставляющих.

Таким образом, анализ законодательства обнаруживает отсутствие единства понятийного аппарата относительного термина «услуга».

И. П. Давыдова отмечает, что ситуация, при которой нет единообразного законодательного подхода к дефиниции услуги, является фактором регулирования рассматриваемых отношений исходя из практики правоприменения, что, безусловно, имеет негативные последствия [3, с. 26].

Возвращаясь к определению услуги, закрепленному № 210-ФЗ, можно сделать вывод, что функции органов публичной власти выступают содержанием, а предоставление услуг - формой.

М. С. Игнатова соотносит эти понятия как родовое (государственная функция) и видовое (государственная услуга) [4, с. 99].

Необходимо отметить, что законодательно закрепленная дефиниция государственной и муниципальной услуги вызывает большую дискуссию в научном сообществе.

В. В. Федотов указывает, что дефиниция, закрепленная в ст. 2 № 210-ФЗ «не вполне точно отражает суть отноше-

ний государства и граждан. Можно предположить, что понятие «государственная услуга» было введено в правовой оборот для того, чтобы подчеркнуть новый, социально ориентированный вектор развития России» [7, с. 1161].

Вместе с тем основной вектор научного исследования рассматриваемых правоотношений сфокусирован относительно принципиального различия правовой природы предоставления услуг и функций органов публичной власти.

И. Н. Барциц полагает необходимым разграничение понятий государственной услуги и государственной функции [1].

Н. А. Кандрина также отмечает, что «правовая природа государственных и муниципальных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти и местного самоуправления, не идентична правовой природе функций, реализуемых ими» [5, с. 37].

При этом дефиниции функции органа публичной власти действующее законодательство не содержит, что и является причиной отсутствия однообразного подхода.

Вместе с тем Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», классифицируя функции органов исполнительной власти, среди прочих выделяет функции по оказанию государственных услуг. Отмечается, что под функциями по оказанию государственных услуг

понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в областях, установленных федеральными законами.

Логинова А. С., Шубина Е. А. полагают - указанное демонстрирует, что оказание государственных услуг выступает одной из государственных функций, «что позволяет исключить смешение данных понятий» [6, с. 138].

Таким образом, проведенный анализ рассмотренных понятий - государственных и муниципальных услуг и государственных функций наглядно продемонстрировал неоднозначный подход исследователей. С одной стороны, встречаются мнения о соотношении этих понятий как части и целого, с другой стороны, отмечается на различие правовой природы рассматриваемых понятий.

Можно сделать однозначный вывод, что отсутствие четкой дефиниции государственной функции влечет неопределенность разграничения рассматриваемых понятий. Указанное демонстрирует необходимость корректировки законодательства. В данной связи полагаем целесообразным внести изменения в статью 2 № 210-ФЗ, дополнив дефиницией функции органа публичной власти.

Литература:

1. Барциц И. Н. Понятие «публичная услуга» в контексте Федерального закона № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и вне его / И. Н. Барциц // Государство и право. — 2013. — № 10. — С. 40–51.
2. Давыдова, И. П. Государственные (муниципальные) услуги и функции: сущность правовых категорий / И. П. Давыдова // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 9. — С. 25–27.
3. Игнатова М. С. О содержании понятий «государственная услуга» и «государственная функция» в деятельности органов исполнительной власти / М. С. Игнатова // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. — № 1. — С. 99.
4. Кандрина, Н. А. Основные принципы предоставления государственных и муниципальных услуг: понятие, классификация / Н. А. Кандрина // Государственная власть и местное самоуправление. — 2016. — № 10. С. 35–39.
5. Логинова А. С., Шубина Е. А. Предоставление электронных государственных услуг в Российской Федерации: проблемы и пути их решения / А. С. Логинова, Е. А. Шубина // Российский юридический журнал. — 2018. — № 4. — С. 137–144.
6. Федотов, В. В. Проблемы разграничения государственных услуг и государственных функций в России на современном этапе / В. В. Федотов // Административное и муниципальное право. — 2015. — № 11. — С. 1157–1163.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение денежных обязательств

Зарандия Виталий Валерьевич, студент магистратуры;

Научный руководитель: Боер Артем Львович, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

За время, которое прошло с момента принятия Гражданского кодекса Российской Федерации, произошли очень существенные изменения в таких аспектах, как экономический строй России, её социальная структура и, соответственно, её правовая система. Проблема гражданско-правовой ответственности за нарушение денежных обязательств не входит в число нововведений в Гражданском кодексе, однако обновленный законо-

дательный акт по — иному определил ряд аспектов в этом вопросе. В данной статье раскрыты основные аспекты гражданско-правовой ответственности за нарушение денежных обязательств, исследованы основные принципы наступления ответственности и базовые нормы законодательства по данной теме.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, правовая ответственность, ответственность, денежные обязательства.

Civil liability for violation of monetary obligations

During the time that has passed since the adoption of the Civil code of the Russian Federation, there have been very significant changes in such aspects as the economic system of Russia, its social structure and, accordingly, its legal system. The problem of civil liability for violation of monetary obligations is not one of the innovations in the Civil code, but the updated legislative act differently defined a number of aspects in this matter. This article describes the main aspects of civil liability for violation of monetary obligations, the basic principles of liability and the basic rules of the legislation on this topic.

Keywords: Civil Code, legal liability, liability, monetary obligations.

Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает меры ответственности материального характера в случае, когда нарушаются взятые на себя денежные обязательства. Речь идёт о возможности возмещения убытков, выплаты неустоек. Помимо этого, в Гражданском кодексе Российской Федерации предусматривается гражданская ответственность за недобросовестно проведённые переговоры.

Для рассмотрения вопроса ответственности по денежным обязательствам, необходимо выделить основные виды гражданско-правовой ответственности. В зависимости от основания возникновения, она может быть договорной и внедоговорной. Договорная ответственность возникает из нарушений условий заключённого договора сторонами. Основной перечень правил по договорной ответственности раскрыт в статьях 393–406 ГК Российской Федерации.

Деликтная ответственность возникает из нарушений прав субъектов гражданского оборота, между которыми не был заключён договор.

Субъектом ответственности выступает должник, считающийся нарушителем по обязательствам. Причинитель вреда (должник) — это лицо, противоправное поведение которого кому-либо причинило вред. Причинителем вреда могут выступать как физические, так и юридические лица.

Гражданско-правовая ответственность определяет вид санкции, характеризующуюся наступлением неблагоприятных последствий имущественного, а иногда, неимущественного характера на стороне правонарушителя, т. е. должника, которые обеспечены государственным принуждением.

В случае, когда иное не предусматривается действующим законодательством или в рамках договора, наступает ответственность должника по возмещению любых убытков в полной мере. По результату их возмещения, потерпевшая сторона должна быть поставлена в положение, в котором она находилась бы, в случае если бы обязательство

было исполнено надлежащим образом (статья 15, пункт 2 статьи 393 ГК РФ).

В данной статье законодатель представил способы, связанные с обеспечением исполнения обязательств. Именно в этой статье сформулирован процесс исполнения обязательств, который обеспечивается неустойкой, залогом, удержанием вещей, принадлежащих должнику, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и иными способами, предусмотренными в рамках существующего законодательства или заключаемого договора. Исходя из практики, наиболее часто стороны в качестве обеспечения обязательств в договоре указывают именно неустойку, которая, основываясь на буквальном толковании нормы Гражданского Кодекса Российской Федерации, может быть по форме законной и договорной.

Согласно действующему в современных условиях законодательству, участники сделки могут столкнуться со случаями, которые связаны с неопределённостью по вопросам, касающимся надлежащего исполнения платежей по денежным обязательствам. Данное явление обусловлено выбором способа и средств платежа, числом лиц, участвующих в платёжных операциях, скоростью выполнения должниками платежей. Для ликвидации отрицательных последствий по факторам, которые указаны выше, для кредиторов на уровне гражданского законодательства определён ряд средств, позволяющих воздействовать на должника, ориентированных на стимулирование его к активным действиям по исполнению своих денежных обязательств. Разработана целая система по разноплановым специальным гражданско-правовым мерам, целью которой является защита интересов сторон в рамках денежных обязательств. Особая роль в этой системе отводится нормам Гражданского Кодекса, регламентирующим возможность по взысканию процентов по такого рода обязательствам.

Анализируя действующие законодательные нормы, важно отметить, что проценты по таким видам обязательств

могут быть начислены исходя из правомерного или неправомерного поведения плательщиков. Так, статьями 809, 819, 838 Гражданского Кодекса Российской Федерации закреплено следующее: проценты могут быть взысканы за пользование денежными средствами, которые предоставлены по договору.

Помимо этого, согласно законодательству по денежно-валютному регулированию, предусматривается наступление ответственности по недействительной сделке, но в нём не определено, что именно понимается под «сделкой». Валюта договора является базой для признания сделки недействительной.

В силу аспектов, которые выделены в статьях 140 и 317 Гражданского Кодекса Российской Федерации, в рамках разрешения споров, связанных с исполнением денежных обязательств, необходимо различать валюту, выражающую денежные обязательства — валюту долга, и валюту, в которой данные денежные обязательства должны быть исполнены — валюту платежа.

По общим правилам валюта долга и валюта платежа определяется как рубль согласно п. 1 ст. 317 Гражданского

Кодекса Российской Федерации. Наряду с этим, в соответствии с п. 2 ст. 317 ГК РФ, в денежных обязательствах может быть предусмотрена оплата в рублях (валюте платежа) в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранных валютах или в условной денежной единице — валюте долга. Исходя из этого, суммы, которые подлежат оплате в рублях, определяются по текущему официальному курсу соответствующих валют или условной денежной единице на момент платежа, если другой курс или другая дата его определения не регламентируется законодательством или по соглашению сторон.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что гражданско-правовую ответственность необходимо определять в качестве гаранта для соблюдения норм гражданского законодательства Российской Федерации. Именно она ориентирована на предупреждение нарушений по обязательствам и обеспечивает их надлежащее исполнение, восстанавливает нарушенные права. В современных условиях гражданско-правовая ответственность имеет большое значение в сфере договорных, товарно-денежных и иных правоотношений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. — М., 2015.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Российская газета. 6, 8, 10 февраля 2016 года.
4. Розенберг М. Г. «Ответственность за неисполнение денежного обязательства». Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. М., 2018. — С. 658.
5. <http://www.arbitr.ru> — официальный сайт Высшего арбитражного суда Российской Федерации.

Таможенное преступление

Караева Лора Хазбатровна, доцент;

Бугулова Дзерасса Александровна, студент магистратуры

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

Цель данной статьи заключается в исследовании проблемы таможенного преступления в Уголовном Кодексе Российской Федерации. Особенностью содержания проделанной работы является использование дедукции и индукции для определения значимости таможенного преступления в России.

Ключевые слова: *таможенное преступление, внешнеэкономическая деятельность, деяние, правонарушение, перемещение товаров.*

Сегодня в сфере внешнеэкономической деятельности наблюдается тенденция роста количества преступлений, которые связаны с нарушением порядка перемещения товаров, ресурсов, денежных средств из одной страны в другую. Среди участников внешнеэкономической деятельности распространены уклонения от исполнения обязанностей по уплате таможенных платежей, репатриации денежных средств в иностранной валюте, не соблюдение правил совершения валютных операций и других.

Однако, несмотря на значительное число научных работ, посвященных проблеме таможенных преступлений как общественно опасных деяний, категория «таможенное преступление», его юридически значимые признаки и классификация до сих пор являются актуальным предметом научной дискуссии.

В содержании Уголовного Кодекса РФ таможенные преступления не выделены в отдельную группу. В то же время предметное содержание соответствующих обще-

ственных отношений, на которые посягают таможенные преступления, позволяет выделить такие нормы Особенной части УК РФ как ст. 189, 190, 193, 194, 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1. Помимо Уголовного кодекса РФ правовое регулирование таможенных преступлений осуществляет также целый ряд федеральных законов, а также указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ и иных подзаконных актов.

Согласно статьям УК РФ к таможенным преступлениям относят:

а) Незаконный экспорт из России либо передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть применены в создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (согласно ст. 189 УК РФ);

б) Невозвращение в установленный срок на территорию России культурных ценностей, которые вывезены за ее пределы, если такое возвращение является обязательным в соответствии с российским законодательством (согласно ст. 190 УК РФ);

в) Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ (согласно ст. 193 УК РФ);

г) Уклонение от уплаты таможенных платежей, которые взимаются с организации либо физического лица (согласно ст. 194 УК РФ);

д) Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть применены для создания оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов либо культурных ценностей или же особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (согласно ст. 226.1 УК РФ);

е) Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов либо оборудования, которое находится под специальным контролем и применяется при изготовлении наркотических средств либо психотропных веществ (согласно ст. 229.1 УК РФ) [2];

Следует подчеркнуть, что под контрабандой понимается тайный беспрошленный перевоз товаров через таможенную границу, а также товары, которые перевезены аналогичным способом.

Кроме того, отсутствует единое мнение среди ученых в определении понятия «таможенное преступление». Ис-

следование их трудов показывает, что к определению этого понятия они подходят по-разному.

Категорию «таможенные преступления» некоторые ученые отнесли к синониму категории «преступления в сфере внешнеэкономической деятельности». Другие авторы считают также более правильным и содержимым категорию именно «таможенные преступления», потому что внешнеэкономические преступления больше связаны с правонарушениями деятельности таможенных органов. Согласно мнению, А. В. Макарова и А. С. Жуковой: «внешнеэкономическая деятельность — это общий предмет таможенных преступлений» [8].

В труде С. Ю. Ивановой таможенные преступления представляют собой общественно опасные виновные посягательства, существенно нарушающие деятельность таможенных органов при реализации ими целей и задач, установленных законодательством. А также указано, что: «таможенным правонарушениям вообще и таможенным преступлениям, в частности, характерна специфическая особенность: они представляют собой сложный поведенческий акт, который выражается в невыполнении либо ненадлежащем выполнении нормативного предписания» [5].

Некоторыми учеными делается попытка связать содержание таможенных преступлений с перемещением товаров, ценностей и других предметов через таможенную границу, их ввозом и вывозом, в соответствии с установленным законодательным порядком. К примеру, И. В. Дмитриенко, таможенные преступления были объединены в одну группу по признаку совершения при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу [4]. Аналогичная позиция наблюдается у Л. Д. Ларичева, которая считает, что совершение таможенных преступлений связано с пересечением таможенной границы [7].

Согласно мнению М. А. Кочубея: «таможенные преступления совершаются в сфере таможенной деятельности и выступают запрещенными уголовным законом общественно опасными умышленными деяниями (действиями либо бездействиями), посягающими на порядок и условия перемещения через таможенную границу РФ товаров, взимания таможенных платежей, таможенного оформления, таможенного контроля и иных средств реализации таможенной политики [8].

Анализ представленных определений таможенных преступлений позволяет выделить следующие признаки:

- 1) повышенная общественная опасность;
- 2) организованный характер;
- 3) высокая латентность;
- 4) сфера совершения — это внешнеэкономическая деятельность при перемещении товаров, ресурсов и предметов, которые ограничены в свободном обороте через таможенную границу;
- 5) существенное нарушение деятельности таможенных органов.

Кроме того, следует учитывать обстоятельство того, что таможенные преступления относят к группам сложно

раскрываемых и сложно доказываемых преступлений. Проблемы при выявлении самого факта данного преступления и его доказывании обусловлены высоким уровнем латентности преступлений, сложностью форм и механизмов совершения преступления, трудностей в процессе обнаружения следов таможенных преступлений.

Обобщая вышесказанное, следует дать следующее определение: «таможенные преступления» — это виновно совершенные, противоправные, уголовно-наказуемые деяния, которые относят к сфере внешнеэкономической дея-

тельности, препятствующие деятельности таможенных органов по исполнению функций, установленных действующим российским законодательством. Совершение таможенных преступлений происходит только при перемещении товаров и других предметов через таможенную границу Таможенного союза или же Государственную границу РФ с государствами — членами таможенного союза, по которым таможенные органы согласно УПК РФ наделены правами производства дознания и неотложных следственных действий.

Литература:

1. Таможенный кодекс Таможенного союза // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 50. — Ст. 6615.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 — ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (часть I). — ст. 4921.
4. Дмитриенко И. В. Внешнеэкономическая деятельность как объект уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2008. № 8. С. 13—15.
5. Иванова С. Ю. Уголовно-правовая охрана деятельности таможенных органов России. — Ульяновск, 2000.
6. Кочубей М. А. Безопасность в сфере таможенной деятельности. — М., 2005. — С. 56.
7. Ларичев В. Д. Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности. М., 2002. 512 с.
8. Макаров А. В., Жукова А. С. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности на современном этапе развития отечественного законодательства // Российский следователь. 2015. № 24. С. 29—34.

Предупреждение женской рецидивной преступности

Курносова Галина Сергеевна, студент магистратуры
Академия права и управления ФСИН России (г. Рязань)

Рецидивная преступность, в том числе и среди женского населения, является одной из самых опасных форм преступного поведения, и соответственно, основной проблемой, присущей нашей правовой системе.

Несмотря на общую положительную динамику сокращения преступности, уровень рецидива на протяжении последних лет остается высоким. В 2015 г. впервые за историю изучения преступности повторные деяния в общей структуре составили более половины всех преступлений — 50,7%, в 2016 г. — 51,8%, в 2017 г. — 54,0%, в 2018 г. — уже 56,0%.

Анализ динамики количества лиц женского пола, выявленных за совершение преступлений в 2014—2018 гг., дает основание утверждать о том, что в 2018 г. зафиксирован один из самых высоких показателей рецидива преступлений, совершенных женщинами, — 39,7% (+8,7%) [3].

Женская рецидивная преступность конца второго десятилетия XXI века характеризуется как сложный, изменчивый феномен, оказывающий негативное воздействие на общество в целом и на отдельные его институты, и прежде всего семью. Несмотря на то, что современная рецидивная преступность лиц женского пола имеет меньший удельный

вес в общей структуре общеуголовной преступности, она обладает собственными особенностями, которые обусловлены рядом факторов — от исторических и геополитических до социально-экономических, правовых и демографических. Ненадлежащая степень подготовки лиц женского пола к жизненным трудностям после освобождения из мест лишения свободы служит для них препятствием к успешному преодолению всех трудностей по ресоциализации.

Высокая степень общественной опасности рецидивной преступности среди женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и потребность науки и практики в ее предотвращении посредством разработки и реализации комплекса специально-криминологических мер создают проблемную ситуацию, требующую незамедлительного решения.

Основной причиной именно рецидивной преступности является отсутствие должной ресоциализации в пенитенциарном и постпенитенциарном периодах. Экономические, культурные, правовые, морально-нравственные компоненты жизни нашего общества если не создают условия для развития рецидивной преступности, то и не являются упреждающими ее факторами. Наше общество само

не дает женщинам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, вернуться в него. Оно ставит непреодолимые барьеры перед ними.

Построение системы предупреждения женской рецидивной преступности — процесс сложный и длительный, который нуждается в решительной активизации с учетом тех видов и форм деятельности, которые к настоящему времени успели доказать свою эффективность.

В практическом, прикладном аспекте профилактическая работа, адресованная женщинам-рецидивисткам, имеет немало особенностей. Меры, связанные с предупреждением женской рецидивной преступности, обладают определенной спецификой, отличаются от общей системы профилактических мер, поскольку они ориентированы на действие факторов, выступающих в виде детерминант противоправного поведения именно женщин-рецидивисток.

Мероприятия, направленные на предупреждение рецидивной преступности среди женщин, проходят два этапа: пенитенциарный и постпенитенциарный.

Пенитенциарные меры профилактики женской рецидивной преступности связаны со спецификой исправительных учреждений и такого вида наказания, как лишение свободы.

По мнению А. Т. Потемкиной, подготовку заключенных к освобождению следует рассматривать в широком и узком смысле [4]: в первом случае — мероприятия, проводимые на протяжении всего периода пребывания осужденной в колонии, во втором — в течение шести месяцев перед освобождением по выяснению возможностей трудового и бытового устройства, правовому воспитанию, восстановлению полезных социальных связей, психологической подготовке.

В соответствии с приказами Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» [1] и от 13 января 2006 г. № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» [2] вся работа по подготовке осужденных к освобождению начинается за 6 месяцев до освобождения и возложена на администрацию исправительных колоний.

Однако в рамках компетенции администрации исправительного учреждения она формализована и сводится к различного рода информационным письмам и запросам в федеральные службы.

Подготовка к освобождению состоит так же из мероприятий по правовой, организационной подготовке, установлению контактов осужденной с представителями учреждений службы занятости населения, органов социальной защиты населения, попечительского совета исправительной колонии, выбора вариантов трудового и бытового устройства осужденной, определяется организация, трудоустраивающая осужденную после освобождения.

Мероприятия по подготовке осужденных к освобождению включают в себя беседы, консультации и конкретные рекомендации с учетом их особенностей и способностей, касающиеся в первую очередь приобретения профессии, поиска работы, жилья и средств на жизнь после освобождения.

Разработка программы подготовки осужденной женщины к освобождению должна производиться на основании данных углубленной психосоциальной диагностики, предполагающей сбор и анализ подробной информации о клиентке и ее ситуации для выявления проблемных областей, постановки задач и планирования мероприятий по оказанию помощи.

Предупреждение рецидивной преступности среди женщин, освободившихся из мест лишения свободы, — это система мер экономико-социального, воспитательно-педагогического, организационного и правового характера, адаптированных к условиям социальной среды и личности женщины-рецидивистки, направленных на выявление, устранение либо ослабление причин и условий совершения рецидива преступлений женщинами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, с целью недопущения с их стороны повторного совершения преступлений.

Субъекты системы профилактики правонарушений осуществляют в пределах компетенции реализацию компенсирующих мер, предупреждающих и ликвидирующих обстоятельства, способствующие совершению рецидива.

Меры, предупреждающие возникновение обстоятельств, способствующих совершению рецидива преступлений:

- внедрение новых форм общения осужденных с семьей, родными и иным социально-позитивным окружением;
- создание внутри исправительных учреждений участков с различной степенью исправительного воздействия: основного, интенсивного, минимального (адаптационные);
- исключение из ч. 3 ст. 78 УИК РФ п. «а», запрещающего перевод в колонию-поселение осужденных при особо опасном рецидиве преступлений.

Меры, ликвидирующие обстоятельства, способствующие совершению рецидива:

- психологическое обследование всех поступающих в исправительные учреждения осужденных с тщательным изучением их медицинских документов;
- регулярные медицинские осмотры осужденных с целью выявления лиц, нуждающихся в экстренной медицинской и психологической помощи и постановке на профилактический учет, а также с целью проведения мониторинга социально-психологической обстановки в местах лишения свободы;
- изучение психологических детерминант пенитенциарной и постпенитенциарной преступности и разработка рекомендаций по снижению ее уровня;
- внедрение психокоррекционных программ для различных категорий осужденных (например, для осу-

жденных, страдающих наркотической или алкогольной зависимостью; для осужденных, совершивших кражи);

- разработка программ электронного визуального наблюдения для фиксации невербальных признаков скрытой агрессии, прогнозирования негативных явлений, разработка электронных экспресс-тестов, для чего в состав психологической службы необходимо включить психолога- программиста;
- для прогнозирования поведения лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, в плане возможности совершения рецидива преступлений, внедрение практики составления психологом на каждого осужденного соответствующего заключения, от которого должна зависеть интенсивность постпенитенциарного контроля.

Постпенитенциарный этап предупреждения женской рецидивной преступности должен включать в себя следующие контролируемые мероприятия:

- отнесение административного надзора к компетенции не органов внутренних дел, а службы пробации (в случае ее создания в соответствии с проектом Концепции развития УИС до 2030 г.);
- более тщательное ведение учета женщин состоящих под административным надзором, регулярное сопоставление данных, имеющихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и органах внутренних дел, проверка причин неприбытия освобожденных женщин на место жительства;
- отслеживание уровня постпенитенциарной рецидива среди освобожденных осужденных в течение трех лет после освобождения сотрудниками службы пробации при содействии органов внутренних дел;
- назначение ограничения свободы в отношении женщины, осужденной к лишению свободы, в качестве дополнительного наказания либо в качестве замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания;
- создание межведомственной рабочей группы для координации деятельности и мониторинга функ-

ционирования системы оказания помощи женщинам, освобожденным из мест лишения свободы, в состав которой должны войти представители органов исполнения наказания, внутренних дел, органов, деятельность которых связана с вопросами соблюдения законности, правопорядка, социальной политики, занятости населения, медицинских учреждений.

Для оказания социальной помощи освобожденным из мест лишения свободы женщинам необходимо создание таких организаций, как:

- специализированные общежития для кратковременного (в течение месяца) проживания женщин, отбывших наказание и не имеющих жилья;
- центры социальной адаптации за пределами исправительного учреждения, которые предоставляют освобожденным временное место жительства, оказывают содействие в трудоустройстве, материальную, правовую, медицинскую и иную помощь;
- общественные организации, объединения, фонды, задачей которых является оказание содействия лицам, отбывшим наказание, в трудоустройстве и поиске жилья, оказание при необходимости материальной помощи;
- лечебно-диагностические центры для лиц, освобожденных из мест лишения свободы;
- специализированные организации, осуществляющие деятельность по интеграции в общество граждан, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, ключевая функция которых состоит в обеспечении преемственности между мероприятиями, проводимыми на финальном этапе отбывания наказания, с одной стороны, и в ближайший период после освобождения, с другой стороны.

Большинство вышеперечисленных мер направлены на адаптацию женщин к новой жизни после отбывания наказания в виде лишения свободы, поскольку социальная стабильность в государстве зависит, в том числе, от того, какие условия для жизнедеятельности созданы для данной категории граждан.

Литература:

1. Приказ Минюста России от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016) «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы».
2. Приказ Минюста РФ от 13.01.2006 № 2 (ред. от 08.09.2006) «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 30.01.2006 № 7426).
3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития. Аналитический обзор. — М.: ВНИИ МВД России, 2019. С. 7.
4. Михлин А. С., Потемкина А. Т. Освобожденные от наказания: права и обязанности, трудовое и бытовое устройство. — Хабаровск: Право, 1989. С. 42.

Судебная защита прав и интересов членов семьи при расторжении брака в Российской Федерации

Лунева Елена Николаевна, старший преподаватель;
Борисенко Валерия Игоревна, студент магистратуры

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

В статье рассматриваются формы и способы защиты семейных прав в Российской Федерации. В частности, выделяется две основные формы защиты прав, характерные для всех цивилистических отраслей права (в том числе семейного права), — юрисдикционную и неюрисдикционную. Одной из особенностей норм семейного права является то, что в них прослеживается теснейшая связь прав и обязанностей граждан. Отмечается, что в Семейном кодексе отсутствует норма, в которой были бы перечислены способы защиты семейных прав в отличие от гражданского права, а делает отсылку на конкретные нормы, регулирующие те или иные семейные отношения. В российском законодательстве сложилась устойчивая традиция, согласно которой процессуальный порядок разбирательства семейных дел, как и многих других категорий дел, регулируется и в гражданском процессуальном, и в семейном законодательстве.

Предлагается обратить внимание на зарубежный опыт некоторых стран, в которых в самостоятельные разделы процессуальных кодексов выделены нормы, возникающие из семейных правоотношений.

Ключевые слова: семья, формы защиты семейных прав, способы защиты семейных прав, судебная защита, защита семейных прав в административном порядке.

В настоящее время растет число расторгаемых браков, с точки зрения юриспруденции достаточно актуальной является проблема обеспечения защиты прав и интересов членов семьи в связи с расторжением браков. А проблема судебной защиты прав и интересов членов семьи при расторжении брака в Российской Федерации приобретает особую актуальность и значение.

Брак и семья представляют собой одну из важнейших сфер действия морали, выступающей наряду с правом, в качестве основного регулятора взаимоотношений супругов.

Брак — это свободный, равноправный союз женщины и мужчины, достигших брачного возраста, не состоящих в другом браке, заключенный с соблюдением условий и порядка, установленных законом, и имеющий целью создание семьи [3].

Семья — социальный институт, базовая ячейка общества [1][2], характеризующаяся, в частности, следующими признаками:

- добровольностью вступления в брак [2][3]
- члены семьи связаны общностью быта [3][4][5][6];
- вступлением в брачные отношения [3][4][5];
- стремлением к рождению, социализации и воспитанию детей [3][4][5].

Судебная защита прав и интересов членов семьи при расторжении брака в российской федерации отражает исследовательское поле научных изысканий таких исследователей как М. М. Богуславского, А. М. Нечаева, В. М. Антокольской, Л. М. Пчелинцева, Н. М. Ершова, Н. Е. Сосипатрова, Е. А. Чепранова, Г. К. Дмитриева, Ю. А. Королева, Н. И. Марышева, В. А. Конашевского и др.

Также следует выделить юристов, которые посвятили свои исследования вопросам брака И. В. Афанасьева, М. В. Геллер, И. А. Косарева, О. Ю. Малкин, А. В. Мыскин, Ш. У. Степанян, Е. П. Титаренко, О. Ю. Шилохвост, Н. Челябинева, Е. Чепранова.

Согласно И. В. Афанасьеву, любая семья строится на закономерностях, которым подчиняется семейная система. Так же он рассматривает основные ошибки, которые люди допускают, строя свою семейную жизнь и как с ошибками работать.

В концепции М. М. Богуславского семейному праву, как ни для какой другой области правового регулирования, характерны весьма существенные различия между правовыми системами различных государств. Это объясняется тем, что на регулирование семейных отношений большое влияние оказывают национальные особенности и традиции [4], [5].

Также следует выделить А. М. Нечаева, главного научного сотрудника Сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, доктора юридических наук, профессора одного из разработчиков проекта современного семейного кодекса 1995 г., автора экспертных заключений по проектам законов, регулирующих семейные правоотношения.

А. М. Нечаев также являлся один из разработчиков проекта современного семейного кодекса 1995 г., автор экспертных заключений по проектам законов, регулирующих семейные правоотношения [6].

На основании этого следует рассмотреть и изучить следующие проблему защиты прав и интересов бывшего супруга при расторжении брака.

В соответствии со ст. 1 Семейного кодекса РФ, брачно-семейные отношения основываются на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности. Однако, в жизни бывают разные ситуации: люди женятся, но по тем или иным причинам их семьи распадаются.

Расторжение брака — это не только явление общественного характера, но и регламентируемая законодательством процедура, которая влечет за собой определенные последствия для обоих супругов. Если брак распадается,

полезно знать, какие права супругов при разводе предусмотрены законом.

Следует выделить СК РФ Статья 158. Признание браков, заключенных за пределами территории Российской Федерации, в которой говорится, что:

1. Браки между гражданами Российской Федерации и браки между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами или лицами без гражданства, заключенные за пределами территории Российской Федерации с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, признаются действительными в Российской Федерации, если отсутствуют предусмотренные статьей 14 настоящего Кодекса обстоятельства, препятствующие заключению брака.

2. Браки между иностранными гражданами, заключенные за пределами территории Российской Федерации с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, признаются действительными в Российской Федерации [7]

Также законодательную базу в сфере мероприятий, связанных с расторжением брака, составляют следующие нормативно-правовые документы:

Таблица 1. Нормативно-правовые документы, регулирующие законодательную базу в сфере мероприятий, связанных с расторжением брака

Семейный кодекс РФ от 29.12.95 № 223-ФЗ	Гражданский кодекс РФ от 30.11.94 № 51-ФЗ (в части имущественных отношений).	Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.02 № 138-ФЗ (если брак расторгается не через органы ЗАГС, а в судебной инстанции).
---	--	--

Но, если судебные решения приводятся в исполнение в принудительном порядке, применяются нормы Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ.

Следующим этапом при судебной защите прав и интересов членов семьи при расторжении брака в российской федерации, является личные неимущественные права мужа и жены.

Под личными, неимущественными правами супругов семейное законодательство относит те права, которые неразрывно связаны с личностью мужа или жены и их законными интересами.

Среди них, в частности, можно перечислить такие нематериальные блага, как свобода выбора рода занятий и деятельности, профессиональная реализация, свободное передвижение и определение места проживания, а также решение других вопросов семейной жизни.

Также ст. 47 Семейного кодекса РФ регулирует родительские права и обязанности супружеских партнеров по отношению к детям.

Исходя из этого, отдельные особенности, присущие правовому регулированию семейных правоотношений, не противоречат общетеоретическому пониманию самозащиты. Кроме этого, самозащита по семейному праву исключает участие в ее осуществлении представителей, в том числе родителей (единственного родителя), а невозможность во многих случаях, самому ребенку защищать принадлежащее ему право создает ситуацию, когда все функции по его защите должно выполнять государство. Объединенные единой целью — защитить права и законные интересы участников семейных правоотношений, все формы и способы защиты семейных прав образуют единую централизованную систему, во главе с конституционным принципом защиты государством материнства, детства и семьи.

Литература:

1. Семья как субъект права // Сейчас.ру. URL: (дата обращения: 26.03.2019).
2. Афанасьев А. В. Муж и жена — одна страна: системная психология супружества. — Ростов н/Д: Феникс, 2014. — 220 с.
3. Алексей П. В., Петров И. В. Семейное право: учебник для студентов вузов. — 3-е издание. Юнти-Дана, 2008. — 31 с.
4. Богуславский М. М. Международное частное право. — 5-е изд. — Юрист, 2005. — 604 с.
5. Богуславский М. М. Международное частное право. 2005.
6. Семья как субъект права // Сейчас.ру. URL: (дата обращения: 26.03.2019).
7. Лунёва Е. Н. Признание браков действительными, заключенных за пределами РФ //. — 2016. — №. — С. 124–127.

Виды и основания недействительных сделок

Макеева Светлана Борисовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье подвергнут анализу вопрос о неоспоримых и ничтожных сделках как о видах недействительных сделок и их основания. Автор на основе исследования гражданского законодательства и материалов судебной практики определил основные аспекты дифференциации видов недействительных сделок.

Ключевые слова: недействительные сделки, оспоримость сделки, ничтожные сделки, виды недействительных сделок, основания недействительных сделок

В гражданском законодательстве довольно подробно регламентируются последствия недействительности сделки и определяется их зависимость от условий заключения какого-либо соглашения, полученной сторонами данного соглашения определенной выгоды и причиненных убытков. Данные обстоятельства обосновывают необходимость исследования сделок, которые являются недействительными, а также рассмотрения наиболее вероятных последствий, возникающих в результате заключения такого соглашения.

Гражданский кодекс Российской Федерации [2] (Далее — ГК РФ) определяет условия, при которых сделки признаются недействительными. В п. 1 ст. 166 ГК РФ дифференцированы виды таких сделок: «по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка)».

Исходя из вышеприведенного определения, недействительные сделки целесообразно классифицировать следующим образом.

1. Ничтожная сделка, т. е. являющаяся недействительной с самого момента ее совершения и не требующая подтверждения такой недействительности по решению суда, так как ее условия или порядок совершения противоречат нормам действующего законодательства.

Иски о признании сделки ничтожной правомочны направлять стороны спорной сделки или иные лица, чьи права и интересы, например, нельзя удовлетворить иным путем, кроме как признанием сделки недействительной [16].

ГК РФ предусматривает исключение: «Если сделка несовершеннолетнего гражданина была совершена в его интересах и подразумевает получение им определенной выгоды, суд может признать ее действительной».

2. Оспоримые сделки — это сделки, решение о недействительности которых принимается в судебном порядке.

На практике встречаются случаи, когда стороны не всегда готовы применить такой порядок по доброй воле, потому как ничтожность сделки может быть неочевидна для ее участников. В этой связи могут возникнуть разногласия относительно признания сделки как ничтожной или оспоримой. В таком случае спор между сторонами будет разрешаться в судебном порядке. Например, при рассмотрении арбитражным судом Томской области от 30.10.2016 по делу № А67–5375/2015 [14] иска о признании договора субаренды нежилых помещений недействительным

(ничтожной сделкой) в силу отсутствия права арендатора на совершение такой сделки суд основывался на разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5] (Далее — ПП ВС № 25), согласно которым сделка является ничтожной в случае нарушения публичных интересов третьих лиц. В ходе судебного заседания доказательств нарушения заключенными договорами субаренды публичных интересов собственника нежилого помещения не установлено, в связи с чем требования истца о признании сделки ничтожной были не удовлетворены [14].

Суд правомочен по собственному усмотрению применить последствия недействительности сделки в двух случаях (п. 4 ст. 166 ГК РФ):

1) если в этом возникает необходимость для осуществления защиты интересов неограниченного круга лиц (пп. 75, 79 ПП ВС № 25). Так, например, из судебного решения следует: «В обоснование заявленных требований общество указало, что, ознакомившись с объявлением в газете «Ессентукская панорама» от 19.02.2015 № 6 о предоставлении в аренду спорного земельного участка, оно обратилось в комитет с соответствующим заявлением. В дальнейшем истцу стало известно, что между администрацией и гр. В. А. И. заключен договор аренды земельного участка без проведения торгов. По мнению общества, сделка совершена незаконно, в связи с чем нарушены имущественные права истца на получение в аренду указанного земельного участка и на участие в аукционе по продаже права аренды, а также права неопределенного круга лиц.

Поскольку в ходе рассмотрения дела установлено, что договор аренды заключен между комитетом и гр. В. А. И., от общества поступило ходатайство о привлечении комитета, являющегося стороной оспариваемой сделки, к участию в деле в качестве ответчика.

С учетом установленных судом обстоятельств заключение оспариваемого договора аренды без проведения торгов в условиях наличия конкурирующего заявления общества на приобретение земельного участка в аренду наравне с другими субъектами предпринимательской деятельности привело к нарушению прав последнего осуществлено в противоречие вышеприведенным нормативным положениям, что позволяет сделать вывод о недействительности (ничтожности) названной сделки [13].

Как указано в пунктах 75, 79 ПП ВС № 25 суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки (реституцию) по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов, а также в иных предусмотренных законом случаях (п. 4 ст. 166 ГК РФ). Применительно к ст.ст. 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы [13].

2) если это прямо предусмотрено нормой закона для конкретного случая.

В судебной практике можно встретить случаи, когда лицо, направляющее в суд заявление о признании сделки недействительной, действует недобросовестно. В этом случае его требования не подлежат удовлетворению полностью или частично. Примером недобросовестного поведения могут считаться действия стороны после осуществления сделки, которые другая сторона могла бы трактовать как подтверждение ее действительности (п. 70 ПП ВС № 25).

При этом суды правомочны по собственной инициативе вынести на обсуждение обстоятельства, из которых явствует, что поведение стороны является недобросовестным [12].

Помимо отказа в требованиях недобросовестной стороны сделки, суд может также назначить к применению меры, направленные на обеспечение защиты прав добросовестной стороны или третьих лиц от противоправного поведения другой стороны. Примером таких мер со стороны суда может быть признание условия, которому недобросовестно препятствовала другая сторона, наступившим и т. д. [16].

Следует отметить, что применение последствий квалификации сделки как недействительной — это право суда, а не его обязанность. Оценивая обстоятельства конкретного дела и вероятность того, что применяемые меры приведут к восстановлению прав стороны, суд самостоятельно решает вопрос о реализации данного правомочия. Например, из материалов судебной практики следовало, что «между муниципальным образованием город-курорт Сочи (арендодателем) и ответчиком (арендатором) подписан договор о предоставлении земельного участка ..., в соответствии с которым ответчику в долгосрочное арендное пользование передан земельный участок с кадастровым номером ... по адресу: ..., категория земель - .»...

Истец, полагая, что спорный договор является ничтожным в силу закона, а соответствующее обременение в пользу ответчика нарушает права истца как собственника земельного участка, обратился в арбитражный суд».

«По смыслу ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1] при решении вопроса о применении по своей инициативе последствий недействи-

тельности ничтожной сделки суду следует вынести указанный вопрос на обсуждение сторон.

Указанный пункт предусматривает право суда воспользоваться указанным способом защиты публичных интересов, а не его обязанность.

Поскольку избранный истцом способ защиты не способен привести к восстановлению прав муниципального образования в отношении земельного участка, в удовлетворении требований о применении последствий недействительности ничтожной сделки в виде погашения записи об аренде, и о признании отсутствующим зарегистрированного за ответчиком права аренды, правомерно отказано судом первой инстанции» [6].

Законодатель выделяет общие основания для признания сделок недействительными:

Так, например, к оспоримым относятся сделки: заключенные организациями с нарушением пределов их правоспособности; в отсутствие предусмотренного законодательством согласия третьего лица, органа юридического лица, государственного органа либо органа местного самоуправления; совершенные лицом или органом, полномочия которого ограничены; выполненные несовершеннолетними лицами, возраст которых находится в пределах от 14 до 18 лет; лицом, дееспособность которого была ограничена судебным органом; гражданином, который в момент заключения сделки не был в состоянии руководить своими действиями или давать им объективную оценку; совершенные под воздействием серьезного заблуждения, оказавшего существенное влияние на принятие решения о подписании соглашения; совершенные в результате принуждения, выраженного в виде обмана, насилия, угрозы.

Ничтожные сделки разграничиваются в свою очередь по иным, отличным от оспоримых, основаниям: заключенные с нарушением норм действующего гражданского законодательства (перечень ничтожных сделок в силу указания в законе представлен в п. 73 ПП ВС № 25); нарушающие нормы нравственности и правопорядка; мнимые и притворные; сделки, заключенные с недееспособным или малолетним лицом и иные.

Согласно п. 1 ст. 167 ГК РФ, «недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения». В том случае, если из сущности оспоримой сделки следует, что ее действие может быть прекращено только на будущие периоды, суд, в соответствии с п. 3 ст. 167 ГК РФ, прекращает ее действие только в этих пределах.

Ранее действующие правоотношения сторон и появившиеся результаты их деятельности продолжают подпадать под условия сделки, признанной в судебном порядке недействительной. Так, решением арбитражного суда Томской области [15] результаты торгов и соответствующий договор были признаны недействительными, вследствие чего применены последствия недействительности сделки.

В результате исследования материалов судебной практики, касающихся проблем разграничения ничтожных и оспоримых сделок, а также последствий признания сделок недействительными, следует констатировать, что одним из возникающих в связи с этим вопросов является выбор между оспоримостью или ничтожностью незаконных сделок [17, с. 94], например, в результате публичных закупок и торгов.

На основании статей 167 и 449 ГК РФ прослеживается связь недействительности торгов и договора, заключенного с выигравшим торги лицом [8; 9].

Так, например, в Постановлении арбитражного суда Волго-Вятского округа от 9 июня 2015 г. № Ф01–1904/2015 по делу № А82–8757/2014 отмечается, что торги и заключаемые по их результатам договоры «... образуют единый юридический состав» [8]. Поэтому суды зачастую признают недействительность торгов одновременно с недействительностью сделки.

Для решения этой проблемы традиционно применялась ранее и применяется в настоящее время ст. 168 ГК РФ, прежняя (изменения в данную статью внесены Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ [3], и вступили в силу с 1 сентября 2013 года) редакция которой позволяла исходить из опровержимой презумпции ничтожности тех сделок, в отношении которых в законодательстве, содержащем публично-правовые требования, прямо не указывалась их оспоримость.

В частности, такая практика была распространена при оспаривании договоров, заключенных без надлежащего проведения конкурса или аукциона в нарушение требований ст. 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции» [4] (Далее — Закон о конкуренции). Например, в Постановлении федерального арбитражного суда Поволжского округа от 20 июля 2009 г. по делу № А72–8694/2008 [11] судом сделан вывод том, что: «Поскольку оспариваемый договор аренды заключен ответчиками без проведения торгов, обязательность проведения которых предусмотрена ч. 1 ст. 17.1 Закона о конкуренции, суды пришли к обоснованному выводу о том, что договор в силу ст. 168 ГК является ничтожной сделкой».

Аналогичное решение принято судом по делу № А43–16441/2011 Волго-Вятского округа. В связи с заключением дополнительного соглашения без соблюдения предусмотренной ст. 17.1 Закона о конкуренции процедуры

аукциона, приведшей к созданию дискриминационных условий для заведомо неограниченного числа хозяйствующих субъектов, и поставив их в неравное положение по сравнению с нарушителем [17, с. 95]. На основании данного соглашения был предоставлен доступ к информации об условиях нового предложения арендовать объект недвижимости по ранее не заявленной истцом арендной плате в качестве лота на аукционе [10]. Поэтому на основании ст.ст. 167–168 ГК РФ с учетом перечисленных нарушений данное дополнительное соглашение было признано ничтожной сделкой.

Таким образом, ст. 168 ГК РФ (до принятия Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ [3]) устанавливала общее правило о ничтожности и положение об условиях допустимости законодательного исключения из общего правила. После внесения изменений в данную норму общее правило о ничтожности сделки «продолжает свое существование» (на это указывает и п. 1 ст. 431.1 ГК РФ, в которой предписано правило применения к договорам общие положения ГК РФ о недействительности сделок), но с изменением ее структуры и содержания.

В ст. 168 ГК РФ в редакции Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ [3] наряду с общими положениями об оспоримости и о допустимости исключения из него выделено специальное правило о ничтожности определенного типа сделок (п. 2 ст. 168 ГК РФ). Для того, чтобы применить данную норму, правоприменитель вынужден доказывать, что сделка нарушает требования закона или иного правового акта; во-вторых, ситуация не должна подпадать под специальное правило, регламентированное п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Иными словами, для применения общего правила об оспоримости необходимо сначала установить наличие или отсутствие условий для использования специального правила и исключений, поскольку они имеют приоритет по отношению к общему правилу [17, с. 95].

Итак, проблема применения норм о недействительности сделок, дифференциации на оспоримые и ничтожные сделки в большинстве своем позволяет судам принимать безошибочные решения, несмотря на реформы, вносимые законодателем в ст. 168 ГК РФ. Несмотря на это, существуют коллизии, затрудняющие применение данной нормы, например, в сфере публичных закупок, а вместе с тем и выполнение важных задач института недействительных сделок.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства РФ от 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ от 05 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.
3. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства РФ от 13 мая 2013 г. № 19. Ст. 2327.
4. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета от 30 июня 2015 г. № 140.
6. Постановление 15-го Арбитражного апелляционного суда от 28.07.2016 по делу № А32–36161/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/PHnrtUnevFQt/> (дата обращения: 17.03.2019).
7. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21 января 2015 г. № Ф01–5745/2014 по делу № А79–8655/2013 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.03.2019).
8. Постановление арбитражного суда Волго-Вятского округа от 9 июня 2015 г. № Ф01–1904/2015 по делу № А82–8757/2014 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/39643558/> (дата обращения: 16.03.2019).
9. Постановление федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 июня 2012 г. по делу № А43–16441/2011 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.03.2019).
10. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 июня 2012 г. по делу № А43–16441/2011 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 17.03.2019).
11. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 20 июля 2009 г. по делу № А72–8694/2008 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 17.03.2019).
12. Решение арбитражного суда Ростовской области от 23.11.2016 по делу № А53–25380/16 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
13. Решение арбитражного суда Ставропольского края от 20.10.2016 по делу № А63–4278/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты. URL: <https://www.sudact.ru/arbitral/doc/UVnaO46w10xV> (дата обращения: 17.03.2019).
14. Решение арбитражного суда Томской области от 30.10.2016 по делу № А67–5375/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты. URL: <https://www.sudact.ru/arbitral/doc/fpbbc3a17qYP/> (дата обращения: 14.03.2019).
15. Решение арбитражного суда Томской области от 31.10.2016 по делу № А67–83/992015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/HiaFCrg08aHj/> (дата обращения: 14.03.2019).
16. Судебная практика по договору поставки [Электронный ресурс] // Рус.юрист.ру. URL: https://rusjurist.ru/sudebnaya_praktika/sudebnaya-praktika-po-dogovoru-postavki/#a2 (дата обращения: 18.02.2019).
17. Тотьев, К. Ю. Аксиологические аспекты недействительности сделок в сфере публичных закупок [Текст] / К. Ю. Тотьев // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. — 2015. — № 11. — С. 92–97.

Государственное регулирование рынка ценных бумаг

Маркелова Ксения Сергеевна, студент магистратуры

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Рынок ценных бумаг представляет собой организационно-правовую систему взаимодействия между эмитентами, инвесторами, профессиональными участниками рынка ценных бумаг по поводу выпуска, размещения и погашения ценных бумаг.

Государственное регулирование российского рынка ценных бумаг складывается на основе принципов, которые отражают как политические, так и экономические условия в нашей стране.

Под государственным регулированием следует понимать регулирование со стороны органов государственной

власти. Выделяют два вида государственного регулирования: прямое и косвенное.

Прямое регулирование представляет собой способ регулирования, основанный на праве и юридических нормах. Такое регулирование осуществляется путем:

— установления требований, подлежащих обязательному исполнению всеми участниками рынка ценных бумаг. Стоит заметить, что такие требования осуществляются с помощью нормативно-законодательной деятельности;

— обязательного ведения реестров не только участников рынка, но и непосредственно самих ценных бумаг;

- лицензирования профессиональной деятельности участников рынка ценных бумаг;
- осуществление контроля за соблюдением правил и норм, установленных законодательством, а также применение мер воздействия на тех участников рынка ценных бумаг, которые отклоняются от соблюдения указанных правил и норм.

Косвенное регулирование организовано в результате использования экономических средств рынка ценных бумаг и включает в себя следующие элементы:

- систему налогообложения;
- денежную политику;
- формирование государственного бюджета и различных фондов;
- управление различными пакетами акций, находящимися в собственности государства.

Объектами государственного регулирования являются участники рынка ценных бумаг, инструменты рынка, а также различные действия, которые с ними осуществляются.

Регулирование отношений на рынке ценных бумаг осуществляют законодательные и исполнительные органы государственной власти. К числу основных государственных органов, занимающихся регулированием РЦБ относятся: Президент Российской Федерации; Государственная Дума; Правительство Российской Федерации; Банк России; Министерство финансов Российской Федерации; Федеральная антимонопольная служба; Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. Регулирование российского фондового рынка осуществляется путем издания нормативных правовых актов, регулирующих деятельность профессиональных участников рынка.

Среди основных задач государства, касающихся регулирования фондового рынка, многие ученые выделяют стратегическую задачу. Ее суть состоит в совершенствовании рынка ценных бумаг, его инфраструктуры и инструментов. Итогом выполнения этой задачи служит достижение высоких результатов рыночной капитализации. Задачей государства в правоприменительной сфере является создание и поддержание такого правопорядка, который позволяет исключить использование различных мошеннических схем, препятствует использованию инсайдерской информации для манипуляции финансовыми рынками, обеспечивает защиту граждан и профессиональных участников финансового рынка ценных бумаг от колебаний, финансовой нестабильности.

Основными целями государственного регулирования являются:

- формирование достаточной нормативной базы, которая способна обеспечить действенное функционирование рынка ценных бумаг;
- обеспечение условий для более совершенной деятельности институтов рынка ценных бумаг;
- разработка правил поведения для участников рынка ценных бумаг;

- защита прав и законных интересов профессиональных участников рынка ценных бумаг.

В соответствии со статьёй 38 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» государственное регулирование рынка ценных бумаг осуществляется путём:

- разработки и утверждения единых обязательных требований к деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг и ее стандартов;
- государственной регистрации выпусков (дополнительных выпусков) эмиссионных ценных бумаг и проспектов ценных бумаг и контроля за соблюдением эмитентами условий и обязательств, предусмотренных в них;
- осуществление лицензирования деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также приостановление либо ликвидации таких лицензий в результате нарушения требования законодательства РФ;
- создания системы защиты прав владельцев и контроля за соблюдением их прав эмитентами и профессиональными участниками рынка ценных бумаг;
- запрещения и пресечения деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность на рынке ценных бумаг без соответствующей лицензии.

Основным субъектом государственного регулирования рынка ценных бумаг является Банк России, к которому перешли функции по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков от упразднённой Федеральной службы по финансовым рынкам. В связи с этим Банк России обладает большим количеством полномочий в сфере регулирования рынка ценных бумаг, в том числе: 1) разработка преимущественных направлений развития фондового рынка и организация деятельности федеральных органов исполнительной власти по вопросам регулирования рынка ценных бумаг; 2) разработка проектов различных нормативных — правовых актов, связанных с вопросами регулирования фондового рынка; 3) утверждение стандартов эмиссии ценных бумаг и государственной регистрации выпуска и отчёта об итогах выпуска эмиссионных ценных бумаг; 4) разработка и утверждение общеобязательных требований к осуществлению профессиональными участниками своей деятельности на рынке ценных бумаг; 5) осуществление контроля за соблюдением требований законодательства о ценных бумагах, стандартов и требований, которые были утверждены федеральным органом исполнительной власти.

Нормативные — правовые акты Банка России обязательны для исполнения федеральными министерствами, иными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов, органами местного самоуправления и профессиональными участниками рынка ценных бумаг.

В заключение необходимо сказать, что государственное регулирование рынка ценных бумаг направлено на обеспечение полноценной и эффективной деятельности эмитентов, инвесторов и профессиональных участников рынка,

а также развитие институтов финансового рынка, гарантирующих реализацию единой государственной денежно — кредитной политики и правовую защиту интересов участников рынка ценных бумаг.

Литература:

1. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации от 22.04.1996 г. № 17, ст. 1918.
2. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / Р.Н. Аганина, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017. — 848 с.
3. Рынок ценных бумаг: учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. Н.И. Берзона. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 443 с.
4. Рынок ценных бумаг: учебник и практикум для академического бакалавриата / М.Н. Михайленко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 326 с.
5. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.

Актуальные проблемы страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств

Меда Михаил Александрович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Законодательством Российской Федерации на физических и юридических лиц, эксплуатирующих транспортные средства, возложена обязанность иметь действующий полис обязательного страхования автогражданской ответственности (далее — ОСАГО). Более того, за невыполнение этой обязанности статьей 12.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность и наказание в виде административного штрафа.

ОСАГО представляет собой социально-правовую меру, направленную на обеспечение возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших.

Отношения, возникающие в сфере страхования автогражданской ответственности регламентированы специальным нормативным правовым актом — Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Несмотря на то, что нормативный правовой акт, регулирующий рассматриваемые отношения, был принят еще в 2002 году, в настоящее время существует немало практических проблем, давно требующих анализа и разрешения на законодательном уровне. Речь идет о повышении качества системы защиты прав субъектов института ОСАГО.

Одной из распространенных проблем в сфере ОСАГО на сегодняшний день является отказ страховщика в вы-

плате ввиду непредставления страхователем транспортного средства для осмотра и проведения независимой технической экспертизы.

В силу положений абзаца 1 пункта 10 статьи 12 Закона Российской Федерации «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», при причинении вреда имуществу в целях выяснения обстоятельств причинения вреда и определения размера подлежащих возмещению страховщиком убытков потерпевший, намеренный воспользоваться своим правом на страховую выплату или прямое возмещение убытков, в течение пяти рабочих дней с даты подачи заявления о страховой выплате и прилагаемых к нему в соответствии с правилами обязательного страхования документов обязан представить поврежденное транспортное средство или его остатки для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, проводимой в порядке, установленном статьей 12.1 настоящего Федерального закона.

Между тем, непредставление поврежденного транспортного средства страховщику не наделяет его правом отказа в страховой выплате, поскольку отказ с юридической точки зрения возможен в случае, когда ремонт или утилизация автомобиля до проведения оценки или независимой экспертизы не подтверждают наличие страхового случая или не позволяют определить стоимость восстановительного ремонта транспортного средства.

Интересна в этом вопросе позиция Верховного суда Российской Федерации, который в своём определении от 15.09.2015 по делу № 80-КГ15—15 пояснил, что непредставление поврежденной машины на осмотр не является безусловным основанием для отказа в выплате.

Поводом к судебному разбирательству послужил отказ страховой компании в страховой выплате в связи с тем, что поврежденный автомобиль не был представлен ей для осмотра.

Гражданин не согласился с таким отказом и обратился в суд. Суды первой и второй инстанций в иске отказали, указав, что на момент проведения судебной экспертизы автомобиль был отремонтирован, а в поврежденном состоянии не был представлен для осмотра ни страховщику, ни эксперту. Кроме того, ранее машина уже была повреждена в другом ДТП, и была ли она после него отремонтирована полностью, не установлено.

Верховный суд судебные акты нижестоящих судов отменил, отметив, нижестоящие суды исходили из недобросовестности страхователя. Между тем, добросовестность участников предполагается, пока не установлено иное.

«Судом не установлено обстоятельств недобросовестности страхователя. В частности, не установлено того, что страховщик предпринимал какие-либо меры к организации осмотра автомобиля истца и оценке ущерба, а истец уклонялся от этого», указал Верховный суд [3].

Таким образом, страхователь может намеренно не предоставить транспортное средство страховщику с тем, чтобы

завысить стоимость восстановительного ремонта автомобиля и при возникновении спора в суде не будет лишен соответствующей выплаты.

Здесь стоит сказать и о другой сопутствующей проблеме — проведение экспертизы организацией или специалистом, не имеющими государственной аккредитации.

Аккредитация — это процедура официального подтверждения соответствия установленным критериям и стандартам, осуществляемая в отношении оценочных компаний, соответствующих требованиям статьи 15 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и изъявивших желание получить признание своей компетентности в области предоставления услуг по оценке.

Экспертиза, проведенная некомпетентным специалистом, влечет за собой недостоверность его выводов, завышение или занижение стоимости деталей и восстановительных работ и, как следствие, нарушение прав субъектов страховых отношений, а это уже совершенно иная проблема, являющаяся следствием вышерассмотренных.

Решение рассмотренных в статье проблем видится в реализации комплексного подхода, направленного не только на внесение соответствующих изменений в нормативные правовые акты, но и на реформирование институтов, осуществляющих правоприменительную практику, в том числе на усиление роли правоохранительных органов в вопросах правового просвещения населения, а также на повышение их взаимодействия со страховыми компаниями.

Литература:

1. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федер. закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ //Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 18. Ст. 1720.
2. Хмелевский Д. А. Особенности правового регулирования ОСАГО как одного из видов страхования ответственности в России: проблемы и пути их преодоления/ Д. А. Хмелевский// Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2016. — № 1. — С. 110—115.
3. Определение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2015 г. № 80-КГ15—15 // [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 15.03.2019).

Гражданско-правовое возмещение государством вреда, причиненного органами государственной власти и их должностными лицами

Медвецкий Алексей Александрович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье проанализированы основные положения Конституции РФ и Гражданского Кодекса РФ, регулирующие возмещение государством вреда, причиненного органами государственной власти и их должностными лицами, выявлены основные недостатки законодательства по данной проблеме и разработаны предложения по их преодолению.

Ключевые слова: гражданско-правовое возмещение, государство, органы государственной власти, вред, должностные лица.

The article analyzes the main provisions of the Constitution of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation, regulating the state compensation for damage caused by public authorities and their officials, identifies the main shortcomings of the legislation on this problem and developed proposals to overcome them.

Keywords: *civil compensation, state, public authorities, harm, officials.*

Согласно статье 53 Конституции РФ [1], каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Таким образом, у каждого гражданина, который считает, что ответственное должностное лицо допустило то или иное нарушение, имеет право на обращение с соответствующим заявлением в суд или в прокуратуру.

Важнейшее условие наступления ответственности органов публичной власти и их должностных лиц за причиненный вред заключается в квалификации незаконности их действий (или бездействий). В рамках современного законодательства вопрос о том, на кого возлагается бремя доказывания правомерности действий соответствующего органа и должностных лиц установлено, что в спорных случаях, это — задача государственных органов и других субъектов, наделенных властными полномочиями, что регламентируется частью 1 статьи 249 Гражданского процессуального кодекса РФ [2].

Статьей 1069 Гражданского Кодекса РФ (далее — ГК РФ) установлено [3], что вред, который был причинен в результате действий (бездействий) государственных органов и их должностных лиц, должен возмещаться за счет средств из казны Российской Федерации или казны субъектов Российской Федерации или казны муниципального образования. А в соответствии со статьей 1071 ГК РФ [3] от имени казны выступает соответствующий финансовый орган, к которому и должны быть предъявлены требования по возмещению вреда. При предъявлении иска со стороны гражданина непосредственно органу исполнительной власти, который допустил нарушение его прав, суд не имеет права отказать в принятии данного заявления. В данном случае судом привлекается в качестве ответчика финансовый орган или другой орган, юридическое лицо или гражданин (пункт 3 статьи 125 ГК РФ) [2].

Важно отметить, что на основании статьи 1081 ГК РФ [3], у субъекта РФ, органа местного самоуправления, который возместил вред, причиненный сотрудником в рамках исполнения им своих служебных обязанностей, возникает право на то, чтобы в обратном порядке требовать у этого лица возмещение, в размере, выплаченном гражданину, если иной размер не установлен действующим законодательством.

В качестве противоправных, как установлено в статье 53 Конституции РФ [1], могут выступать не только действия государственных органов и их должностных лиц, но и их бездействия, которые выражаются в не совершении ими тех действий, которые они обязаны исполнить, что и повлекло причинение вреда гражданину или юридическому лицу.

Действующее законодательство (статья 1070 ГК РФ) особо регламентирует ответственность за вред [3], причиненный со стороны правоохранительных органов (органы дознания, органы предварительного следствия, органы прокуратуры и органы суда). Ответственность наступает в таких случаях, как:

- незаконное осуждение;
- незаконное привлечение к уголовной ответственности;
- незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде;
- незаконное применение административных наказаний в виде ареста или приостановления деятельности юридических лиц (пункт 1 статьи 1070 ГК РФ) [4].

Возмещение вреда, причиненного вышеуказанными действиями, осуществляется за счет казны Российской Федерации, а в случаях, которые предусматриваются законом, за счет казны субъектов Российской Федерации или казны муниципальных образований. При этом особо подчеркнута необходимость о возмещении такого вреда в полном объеме, что регламентируется пунктом 1 статьи 1070 ГК РФ, включая и компенсацию морального вреда, на основании статьи 1100 ГК РФ. Особенностью данной ответственности является то, что она наступает независимо от вины должностного лица соответствующего правоохранительного органа [5].

В пункте 3 и 3.1 статьи 1081 ГК РФ указано, что субъект Российской Федерации или муниципальное образование, в случае возмещения вреда, причиненного должностными лицами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда (пункт 1 статьи 1070 ГК РФ), также обладают правом регресса к этому лицу, если его вину установили приговором суда, который вступил в законную силу [3].

По нашему мнению, российское законодательство в сфере ответственности государства за вред, причиненный органами государственной власти, обладает следующими недостатками. Во-первых, законодательством не предусмотрена возможность решения вопросов компенсации ущерба в досудебном порядке. Поэтому мы предлагаем в ст. 16.1 ГК РФ [2] добавить пункт о возмещении ущерба в досудебном порядке, путем заключения мирового соглашения между государственным органом или должностными лицами, которыми был причинен вред и гражданином или юридическим лицом. В рамках такого мирового соглашения должны быть оговорены основные условия по возмещению вреда, сроки и размер компенсации.

Во-вторых, в законодательстве не установлены размеры возмещения. Статья 16.1 ГК РФ [2] гласит: «В слу-

чаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации». Но по размерам возмещения ущерба не сказано ничего, соответственно, мы предлагаем в ст. 16.1 ГК РФ [2] добавить пункт, в котором будут регламентированы четкие нормы по размерам возмещения вреда, причиненного государственными органами и их должност-

ными лицами, будут определены размеры и по материальному и по моральному возмещению. Размер возмещения предлагаем установить по материальному ущербу, в полном объеме, что регламентируется пунктом 1 статьи 1070 ГК РФ [3], а компенсацию морального вреда установить исходя из общей оценки ситуации, в которую попал пострадавший, в размере от 25 до 50 % от материального ущерба. Также предлагается уточнить, что взиматься должна компенсация по судебным издержкам пострадавшего лица, таким как издержки на оплату услуг адвоката, оплату государственных пошлин.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2014, N 15./6, ст. 53
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 32., ст. 16.1, 125, 249
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 33., ст. 1070, 1071, 1081, 1100
4. Любимова Р. Н. Ответственность органов власти за вред, причиненный актами, несоответствующими закону, незаконными» действиями (бездействием) // Вестник ВАС РФ. 2016. № 3., С. 12–15.
5. Сухарева Н. В. Возмещение убытков или вреда в споре с властью // Право и экономика. 2017. № 11., С. 23–34.

Ипотека земельного участка: особенности правового регулирования

Назин Дмитрий Алексеевич, студент

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Земельный участок, как и другое имущество, является предметом залога в качестве обеспечения обязательства собственника земли. Наиболее распространенными на практике бывают случаи залога земельного участка для получения денежного кредита. Следует сказать, что порядок ипотеки (залога) земельного участка регулируется § 3 гл. 23 ГК РФ, а также Федеральным законом от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее — Закон об ипотеке).

Как правило, в обиходе такие понятия, как «ипотека» и «ипотечный кредит» используются как равнозначные. Тем не менее, это совершенно разные понятия. Существуют три основных вида жилищных кредитов. В зависимости от сроков, объекта и целей они бывают следующими: 1) земельный кредит — кредит, который предоставляется физическим и юрлицам на приобретение и обустройство земельного участка под строительство жилья; 2) строительный кредит — краткосрочный кредит, предоставляемый на строительство или реконструкцию жилья, который предоставляется юридическим и физлицам для финансирования строительства; 3) кредит на приобретение жилья — долгосрочный кредит, который предоставляется на приобретение жилья [2].

По договору об ипотеке залогодержатель является кредитором по обязательству, которое обеспечено ипотекой. Залогодержатель имеет право получить удовлетворение денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенной недвижимости (земельного участка) за счет другой стороны — залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями на основании федерального закона (ст. 1 Закона об ипотеке). В качестве залогодателя может выступать как непосредственно должник по обязательству, которое обеспечено ипотекой, либо третье лицо, т. е. лицо, которое к обязательству отношения не имеет, причем имущество остается во владении и пользовании залогодателя.

Согласно ст. 5, 6 Закона об ипотеке, предметом такой сделки может быть любой земельный участок, который принадлежит залогодателю на праве собственности. Однако сюда не относится ряд земельных участков, указанных в ст. 63 Закона об ипотеке. В первую очередь речь идет о земельных участках в государственной или муниципальной собственности, а также участках, размеры которых меньше минимальных предельных.

Следует отметить, что не является препятствием для ипотеки отсутствие госрегистрации права собственности

сти на земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена. При этом важным моментом является то, что ипотека на здание и сооружение переходит одновременно с ипотекой на земельный участок. Иными словами, ипотека здания или сооружения возможна именно с ипотекой по тому же договору земельного участка, на котором находится это здание или сооружение, либо принадлежащего залогодателю права аренды этого участка (ст. 340 ГК РФ).

Рядом особенностей обладает ипотека земельных участков, которые предназначены для жилищного строительства и освоения с целью строительства жилья. В этой связи предметом залога согласно договору об ипотеке могут служить земельные участки, которые находятся в муниципальной собственности, а также участки, государственная собственность на которые не является разграниченной.

Указанные участки должны быть переданы в качестве обеспечения возврата кредита, который предоставляет кредитная организация для обустройства земельных участков за счет строительства объектов инженерной инфраструктуры.

Что касается решения об ипотеке земельных участков, которые находятся в собственности органов местного самоуправления, то их принимает муниципальные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают решение об ипотеке земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена. Либо такие решения могут принимать органы местного самоуправления, которые наделены полномочиями распоряжаться данными земельными участками в соответствии с законодательством РФ.

В силу ст. 334 ГК РФ ипотека на земельный участок может возникнуть либо на основании договора, либо в силу закона, при этом в каждом случае наличествует ряд особенностей.

Особенностью ипотеки на основании закона является то, что ее возникновение возможно при купле-продаже земельного участка в рассрочку или в кредит в силу ст. 488 ГК РФ, если право собственности переходит с момента заключения сделки. При этом следует отметить, что как правило, собственность переходит к покупателю с момента внесения последнего платежа в случае купле-продажи в рассрочку или в кредит. Что касается ипотеки, то она возникает при переходе права собственности к покупателю с момента госрегистрации. При этом правом залога на земельный участок обладает продавец до получения последнего платежа.

В случае возникновения ипотеки в силу закона, стороны могут предусмотреть, но уже в отдельном соглашении условия о способах и порядке реализации заложенного имущества при обращении взыскания на предмет ипотеки по решению суда. В данном случае будут применяться правила о форме и госрегистрации согласно федеральному закону для договора об ипотеке. Идентификация предмета ипотеки производится благодаря указанию его наименования в договоре об ипотеке с непосредственным описанием.

Следует отметить, что обязательной является письменная форма заключения договора об ипотеке с нотариальным удостоверением и дальнейшей регистрацией.

Глава II Закона об ипотеке регламентирует возникновение ипотеки в силу договора. При этом к существенным условиям будут отнесены предмет ипотеки, оценка имущества, суть исполнения обязательства, размер и срок обязательства, обеспечиваемого ипотекой.

Особенностью данного вида ипотеки на земельный участок является возможность сторон самостоятельно прописать в договоре условие об обращении взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке или, к примеру, способы, порядок реализации заложенного имущества при обращении взыскания на предмет ипотеки в силу решения суда.

Отчуждение предмета залога по решению суда является особенностью обращения взыскания на недвижимость (ст. 51 ФЗ Об ипотеке). Что касается правил предъявления иска об обращении взыскания на имущество по договору об ипотеке, предъявлять его необходимо по подсудности и подведомственности дел, установленными процессуальным законодательством.

В ст. 50 Закона об ипотеке, а также в п. 1 ст. 348 ГК РФ указаны основания для обращения взыскания на заложенное имущество. К подобным основаниям относятся неисполнение в полном объеме или ненадлежащее исполнение обязательства, обеспеченного ипотекой. В частности, это может быть неуплата или просроченная уплата суммы долга полностью или в части, если договор не предусматривает иное.

Следует также отметить, что по договору об ипотеке удовлетворение требований залогодержателя за счет имущества по договору об ипотеке возможно без обращения в суд. Однако такое возможно в случае, если стороны предусмотрели подобное условие в самом договоре об ипотеке, либо в договоре, влекущим за собой возникновение ипотеки в силу закона. Еще одним основанием является удостоверение прав залогодержателя закладной (ст. 55 Закона об ипотеке).

Важным моментом является тот факт, что владелец закладной является законным, в том случае, если его права на закладную основаны на сделке по передаче прав по закладной и последней отметке на закладной, которая произведена прежним владельцем. Если же не доказано, что закладная выбыла из владения кого-то из лиц, которые сделали передаточные надписи, в силу хищения или по иным причинам помимо воли этого лица, о чем владелец закладной должен был знать, то законным владельцем такой закладной он не считается.

Кроме того, ипотека как в силу договора, так и в силу закона подлежит государственной регистрации [4].

Подводя итог, необходимо отметить, что ипотека служит одним из важнейших институтов экономического развития рыночных отношений в Российской Федерации. Земельные ресурсы РФ, без сомнения, являются самыми богатыми в мире.

При этом, как отмечает Ефимкова П. Ф. в своей статье, умелое вовлечение их в кредитную сферу может позволить привлечь достаточный уровень инвестирования, а также расширить возможности повышения благосостояния всего населения и в то же время гарантировать законные интересы кредиторов [1].

По мнению Климова А. Ю.: «Для правового регулирования ипотеки важное значение имеет ее социально-эконо-

мическая функция — обеспечение возможности широким слоям населения приобретать дорогостоящие объекты недвижимости, необходимые для проживания, ведения сельскохозяйственной и иной деятельности и т. д. Колоссальный земельный фонд Российской Федерации мог бы обеспечить вовлечение значительной части российских граждан в ипотечный оборот» [3].

Литература:

1. Ефимкова, П. В. Ипотека земельных участков как инструмент развития предпринимательской деятельности. Инновации. № 11 (98). 2006. С. 104.
2. Казаченок, О. П. Особенности правовых оснований возникновения ипотеки в силу договора и в силу закона. Вести Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруд. № 1 (30). 2016. С. 11
3. Климов, А. Ю. Ипотека земли в законодательстве России и Германии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.:12.00.03/М., 2000. 4.
4. Хуснетдинова, Л. М. Порядок оформления ипотеки жилого помещения // Жилищное право. — 2010. — № 12. — С. 75—98.

Актуальность правового регулирования банковских рисков

Пашкина Екатерина Федоровна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В условиях глобализационных процессов, постоянно меняющихся экономических условий, как никогда ранее стал актуален вопрос о правовом регулировании банковских рисков, анализ которых показал, что их стоит рассматривать как показатель банковской безопасности и основной фактор неустойчивости банковской системы. Для обеспечения стабильности банковской системы необходимо квалифицированное управление рисками самой кредитной организацией и естественно, грамотное правовое регулирование в нашей стране, которое основывается на применении и реализации нормативно-правовых актов РФ, нормативных актов Банка России, Постановлений Правительства РФ с целью поддержания доверия к банковскому сектору экономики и соответственно, к всему государству.

Вопросы идентификации и минимизации банковских рисков (кредитного риска как основного) год от года набирают актуальность. Но детальное правовое регулирование банковских рисков вызывает трудности, связанные в первую очередь с тем, что риски являются экономической категорией и проблемы их определения, оценки и минимизации лежат именно в экономической области. Правовое регулирование предполагает определенность, строгость применения и стабильность положений. В то время как риски, являясь экономической категорией, могут менять свои характеристики, состав, систему управления ими, ориентируясь на потребности рынка и развитие экономики.

На данный момент в законодательстве имеется целый ряд значимых нормативно-правовых актов и материа-

лов Банка России, которые осуществляют регулирование банковских рисков. Их можно разделить по различным темам:

— Банковская деятельность — Закон о Банке России и Закон о банках, первый определяет статус Банка России как орган надзора и банковского регулирования, а второй дополняет его перечнем рисков;

— Структура управления рисками- содержат стандарты системы управления банковскими рисками, типологию (Письмо Банка России от 23.06.2004 № 70-Т О типичных банковских рисках);

— Органы управления рисками- содержат рекомендации по повышению эффективности Совета директоров, исполнительных органов в управление рисками

Далее деление осуществляется по видам банковских рисков (кредитный, валютный, процентный и т. п.) и соответственно каждому виду риска есть нормативная база, что еще раз подтверждает то, что правотворческая деятельность осуществляется. Однако, имеются и недостатки в законодательной базе, которые можно решить путем внесения дополнения в Закон о банках отдельной статьи, посвященной рискам.

В таких условиях сложно говорить о возможности полноценного правового управления кредитным риском, хотя стоит заметить, что законодательная работа все-таки ведется.

Для выполнения задачи по четкому пониманию определения и содержанию кредитного риска, а в дальнейшем

управлению им, необходимо иметь однозначное определение банковского кредитования.

На данный момент в нормативной базе нет отражения понятия указанного ранее. Имеется лишь гражданско-правовое определение, в котором, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, под банковским кредитованием принимаются отношения, оформленные только кредитным договором.

Во-первых, на основании ст. 1 Закона о банках и банковской деятельности [1]) в определении банка указано что банк осуществляет кредитование в узком смысле, размещает привлеченные денежные средства на условиях срочности, платности и возвратности за свой счет и от своего имени. «Размещение денежных средств» имеет широкую природу, выходящую за рамки кредитного договора.

Во-вторых, в Положении Банка России от 26.03.2004 № 254-П [2] содержится список денежных требований и их вытекающих. Поэтому стоит упомянуть, что к ссудам, кроме кредитов, относятся и размещенные депозиты, и лизинговые операции и факторинг и т. п. На основании этого, можно утверждать, что под ссудой банковский регулятор понимает разнообразные финансовые операции, осуществляемые банком, а не только кредит указанный в ст. 819 ГК РФ.

Соответственно полагается правильным решением в банковском законодательстве закрепить понятие банковского кредитования для последующего исключения двойственности понятия или несоответствия между гражданско-правовым и банковским понятием кредитования. Определение банковского кредитования необходимо дать в соответствии с нормативным актом Банка России.

Стоит обратить особое внимание на то, что на данный момент также отсутствует нормативно-правовое определение банковского риска и последующих из него.

До 2014 года определение банковского риска имело место в Положении Банка России № 242-П [3]. Теперь данный абзац утратил силу на основании Указания Банка России от 24.04.2012 № 3241-У. Временное не отражение указанного ранее определение скорее всего связано с планами (и как раз переходом к Базелю-3) принять соответствующие нормативно-правовые акты в области определения, оценки и анализа банковских рисков.

На данный момент определение банковского риска содержится в Письме Банка России № 70-Т [4], которое не является нормативным документом. В самом письме находят отражение «типичные банковские риски», которые как правило присущи сфере деятельности банков. К таким рискам относятся кредитный, процентный, валютный, риск потери репутации и др..

Принимая решение о внесении в законодательство понятия банковского риска стоит разграничить степень и критерии их влияния на стабильность финансовой системы в целом. Также стоит на законодательном уровне закрепить основные системные риски деятельности банков, а сам перечень сделать открытым на основании того, что любой риск, являясь экономической категорией, может менять свои характеристики в зависимости от экономики. Расширенный перечень банковских рисков стоит отразить в нормативном документе Банка России, например, в виде положения к документу об управлении банковскими рисками.

На основании большого разнообразия рисков банковской деятельности, полагается верным ввести также определенной системы управления банковскими рисками, т. к. на сегодняшний день законодательного данного определения нет. Данная система должна будет решать такие задачи, как установление приемлемого для банка уровня риска, отслеживание рисков, мониторинг, оценка и анализ, а так же их минимизация и сдерживание их на стабильном уровне.

Имеющиеся нормативные акты, а также дальнейшая их разработка, создадут уверенную правовую основу для регулирования банковскими рисками, что положительно скажется на финансовой устойчивости как кредитных организаций, так и всей банковской системы, а, соответственно, и экономике страны. Нельзя отрицать тот факт, что нормотворческая деятельность по разработке нормативных актов, регулирующих риски уже осуществляется на основании документов БКБН, шаг за шагом идя к усовершенствованию. Таким образом, можно говорить о том, что процесс зарождения культуры правового регулирования банковских рисков шаг за шагом движется к усовершенствованию законодательства в этой области.

Литература:

1. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395—1 «О банках и банковской деятельности» ст. 6 ист. Консультант плюс.
2. Финансовое право Российской Федерации. Шавров А. В. М.: 2014. 300 с.
3. Финансовое право для эк. Специальностей. Шохин С. О. М.: Кнорус, 2008. 544 с.
4. Финансовое право. Бельский К. С. М.: 2006. 640 с.
5. Финансовое право. Химичева Н. И. М.: 200. 464 с.

Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий

Семенюк Анастасия Владимировна, студент магистратуры;
Научный руководитель: Караханов Антон Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Статья посвящена особенностям уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями по законодательству зарубежных стран.

Ключевые слова: должностные полномочия, злоупотребление, превышение должностных полномочий, управленческие функции, квалифицирующие признаки.

The article is devoted to the peculiarities of criminal responsibility for the abuse of powers under the laws of foreign countries.

Keywords: official powers, abuse, abuse of power, managerial functions, qualifying attributes.

Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий вызывает большой интерес в связи с тем, что возникновение и развитие социальных институтов гражданского общества, создание и функционирование органов государственной власти, выполняющих важные экономические, правоохранные и иные функции, стало существенным направлением общественного развития в России. В связи с этим, в рамках данного исследования целесообразно проанализировать особенности уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями по законодательству зарубежных стран.

Так, УК ФРГ [11], а также УК Франции [10] уголовная ответственность за совершение рассматриваемых уголовно-наказуемых деяний реализуется всегда посредством наличия в их положениях статей, которые касаются злоупотребления доверием (§ 266 УК ФРГ и ст. 314–1 УК Франции), иными словами — преступления, которое имеет сходство с мошенничеством, а также от части — со злоупотреблением полномочиями.

В п. 4 ч. 3 § 263 УК ФРГ установлен (в числе иных) такой квалифицирующий признак, как «лицо, которое злоупотребляет своими полномочиями либо своим положением должностного лица» [11]. В случае наличия данного признака мошенничество будет признано как особо тяжкое, что, в свою очередь, увеличит предельный размер уголовной санкции за указанное преступление с 5 (ч. 1 § 263 УК ФРГ) до 10 (абз. 1 ч. 3 § 263 УК ФРГ) лет лишения свободы.

Ст. 295 УК Испании установлено, что «фактический или юридический руководитель учрежденного или образуемого объединения, который для собственной выгоды или выгоды третьих лиц, превышая свои должностные функции, мошеннически распорядится имуществом объединения либо заключит обязательства за счет объединения, прямо причиняя существенный экономический ущерб его членам, казначеям, совладельцам счета или собственникам имущества, ценных бумаг или денег, которыми он распорядился, наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до четырех лет или штрафом в размере тройной стоимости полученной прибыли» [6].

Следует отметить, что в качестве субъекта преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 295 УК Испании, выступает фактический либо юридический руководитель как учрежденного, так и только создающегося объединения. Так, законодатель предпринял попытку, видимо, легализовать использование судами механизма под названием «снятие корпоративной вуали» [2]. Иными словами, суд имеет возможность разрешить дело, не учитывая при этом юридические связи внутри самой корпорации, а лишь на основании фактических ролей, которые отведены фигурантам дела в совершенных деяниях (данный механизм дает возможность бороться с практикой, заключающейся в использовании номинальных исполнительных органов таких хозяйственных структур) [4].

Целесообразно отметить, что уголовная ответственность за рассматриваемое уголовно-наказуемое деяние отсутствует в уголовных кодексах таких стран, как Австралия, Япония, а также в модельном уголовном кодексе США [1].

В свою очередь, УК КНР [7], наоборот, помимо того, что предусматривает уголовную ответственность за целый ряд преступлений, которые имеют сходный характер с преступлениями, совершенными против интересов службы как в коммерческих, так и других организациях, еще и содержит специальный раздел, где сгруппированы разные виды соответствующих преступлений. Вместе с тем, положения, нашедшие свое отражение в УК КНР, в качестве субъектов преступлений, которые связаны с нарушением правил руководства как компанией, так предприятием, рассматривает:

- учредителей, а также участников как коммерческих организаций, так и предприятий (ст. 158, 159, 164 УК КНР);
- организации-юридические лица (в положениях УК КНР регламентирована уголовная ответственность непосредственно юридических лиц — это ст. 160–162 УК КНР);
- работников (либо сотрудников) как компании, так и предприятия (ст. 163, 166 УК КНР);
- председателей правления, директоров (руководителей) государственной компании, а также предприя-

тия, которое «несет непосредственную ответственность перед законом» (ст. 165, 167–169 УК КНР);

- лиц-государственных служащих в государственной компании, а также на предприятии или направленных государственной компанией, предприятием с целью несения возлагаемых на них государственных обязанностей (ст. 163 УК КНР)[7].

Отдельное внимание следует обратить на ст.ст. 167–169 УК КНР, устанавливающие уголовную ответственность за совершение деяний, сходных со злоупотреблениями полномочиями. Такие деяния совершаются лицами, на которых законом возлагаются управленческие функции как в государственных компаниях, так и на предприятиях [3].

Исследование положений УК Республики Казахстан, а также Республики Беларусь дает возможность констатировать, что указанные нормативные правовые акты композиционно основаны на положениях, нашедших свое отражение в Модельном уголовном кодексе стран СНГ [5].

В УК РК регламентированы легальные определения целого ряда понятий, играющих значительную роль при осуществлении квалификации такого уголовно-наказуемого деяния, как злоупотребление полномочиями. К примеру, в УК РК нашло свое отражение определение следующих понятий:

- «организационно-распорядительные функции», под которыми следует понимать предоставленное в законодательном порядке право на издание приказов и распоряжений, а также обязательных для последующего исполнения всеми подчиненными по службе лицами. Вместе с тем, речь также идет о мерах поощрения, а также дисциплинарных взысканиях по отношению к подчиненным;
- административно-хозяйственные функции», в качестве которых следует рассматривать предоставленное в законодательном порядке право управления, а также распоряжения имуществом, которое находится на балансе организации либо предприятия [9].

Особенностью является то, что ст. 250 УК РК не содержит квалифицированный состав злоупотребления полномочиями, которое повлекло наступление тяжких последствий [12].

В свою очередь, УК Республики Беларусь (далее — УК РБ) отдельно не выделяет как преступления против службы в коммерческих либо других организациях, так и лиц, которые уполномочены выполнять управленческие функции как коммерческих, так и в иных организациях. Законодатель Белоруссии предпочел путь объединения в таком понятии, как «должностное лицо» государственных служащих, лиц, уполномоченных на выполнение управленческих функций в коммерческих либо других организациях, а также лиц, на которых законом возлагается выполнение функций представителя власти.

Согласно с п. 3 ст. 4 УК РБ в качестве должностных лиц следует рассматривать:

- лиц, постоянно либо временно или по специальному полномочию занимающих в учреждениях, ор-

ганизациях, а также на предприятиях (вне зависимости от форм собственности), в Вооруженных Силах РБ, иных войсках, а также воинских формированиях РБ должности, которые связаны с непосредственным выполнением организационных и распорядительных либо административных и хозяйственных обязанностей;

- лиц, уполномоченных в регламентированных законом порядке на совершение разного рода юридически значимых действий.

Как видим, понятие «должностное лицо», исходя из терминологии УК РБ — это «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих или иных организациях» [8].

Таким образом, по результатам проведенного исследования следует сделать следующие выводы:

1. УК стран романо-германской правовой семьи (в частности, ФРГ, Франции, а также Испании) используются ранее способы, направленные на установление ответственности за совершение такого уголовно-наказуемого деяния, как злоупотребление полномочиями, частности:

- в УК Франции не предусмотрена уголовная ответственность за совершение рассматриваемого уголовно-наказуемого деяния, но регламентирована уголовная ответственность за злоупотребление доверием;
- в УК ФРГ предусмотрена ответственность за злоупотребление полномочиями, однако она является квалифицирующим признаком такого преступления, как злоупотребление доверием (мошенничество);
- УК Испании предусматривает уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями в ст. 295. При этом, в качестве субъекта данного пресечения выступают как юридические, так и фактические руководители юридических лиц.

2. В положениях УК КНР содержится обособленная группа статей, которые имеют сходство со ст. 201 УК РФ и регламентирующих уголовную ответственность за совершение различных видов служебных злоупотреблений.

3. УК Республики Казахстан, устанавливая уголовную ответственность за совершение злоупотребления полномочиями регламентирует другие квалифицирующие признаки злоупотребления полномочиями (в данном случае речь идет о специальном субъекте, а также причинением крупного ущерба). Кроме того, в данном УК нашли свое отражение легальные определения целого ряда понятий, которые имеют значение для квалификации рассматриваемого уголовно-наказуемого деяния.

4. Согласно с положениями УК Республики Беларусь лиц, которые уполномочены выполнять управленческие функции как в коммерческих, так и в других организациях, следует относить к должностным лицам. По этой причине законодатель в УК РБ уголовную ответственность отдельно за злоупотребление полномочиями не предусмотрел.

Литература:

1. Аистова Л. С. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л. С. Аистова, Д. Ю. Краев. СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Акад. Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2013. — 131 с.
2. Антонов В. Ф. Уголовное право зарубежных стран. (Общая часть): учебное пособие / В. Ф. Антонов. Москва: Логос, 2013. — 62 с.
3. Арямов А. А. Уголовное право зарубежных государств: краткий курс лекций / А. А. Арямов. — Москва: Юрлит-информ, 2016. — 140 с.
4. Голованова Н. А. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник для магистров / Голованова Н. А. и др. Москва: Юрайт, 2013. — 1034 с.
5. Модельный Уголовный Кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 года) URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/ihl-nat-3.htm>.
6. Уголовный кодекс Испании URL: artlibrary2007.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc.
7. Уголовный кодекс КНР URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/>.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь URL: <http://www.уголовный-кодекс.бел/>.
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.
10. Уголовный кодекс Франции URL: <https://constitutions.ru/?p=5859>.
11. Уголовный кодекс ФРГ URL: <https://constitutions.ru/?p=5854>.
12. Юрченко И. А. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / И. А. Юрченко. Москва: Проспект, 2014. — 107 с.

Ценные бумаги

Стешин Никита Андреевич, студент магистратуры

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Для раскрытия темы, стоит начать с характеристики понятия «ценная бумага». Так вот, ценная бумага представляет собой объединение прав, которые сама она и предоставляет своему владельцу или держателю, закрепленных в документарной или бездокументарной форме.

Помимо регулируемых государством ценных бумаг, на фондовом рынке могут появляться и такие финансовые инструменты, как суррогат ценной бумаги. Своего рода это финансовый инструмент, схожий с ценной бумагой, да и выполняющий такие же функции, но, де факто, не признанный государством и деловой традицией в качестве таковой.

Следует дать несколько примеров суррогатов ценных бумаг, чтобы раскрыть их смысл. Так, например, «билеты МММ», созданные в начале 90-х гг. XX века Сергеем Мавроди. Свидетельства о депонировании акций концернов «ОЛБИДипломат», AVVA и другие печально известные в России финансовых пирамид.

Для дальнейшей характеристики ценной бумаги, рассмотрим ее классификацию. Таким образом, существует следующее выделение: эмиссионные, неэмиссионные, документарные, бездокументарные, долговые, долевые, товарораспорядительные, предъявительские, именные, ордерные, государственные, муниципальные, частные (корпоративные), и др.

Далее, рассмотрим самые популярные и широко известные ценные бумаги, дадим им определение и не много

расскажем об их предназначении. Так, на фондовом рынке существуют акции, представляют они эмиссионную ценную бумагу, которая закрепляет права ее владельца (а именно, акционера), например, на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов в зависимости от количества приобретенных акций какой-либо компании, или же на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации. Но, не стоит забывать, что акционеры (или как их еще называют участники акционерного общества) принимают на себя предпринимательский риск, пределы которого ограничиваются суммами, внесенными в оплату акций.

Далее, мы бы хотели раскрыть права, закрепленные за держателями акций. Акционер имеет право на участие в получении прибыли (дивидендов); на участие в управлении (право голоса); на долю имущества при ликвидации (ликвидационная стоимость).

Обычные акции дают держателю все права, предусмотренные законом — право голоса на общем собрании акционеров; выплаты дивиденда (части чистой прибыли компании), размер которого, кстати, не гарантирован; получения ликвидационной стоимости компании.

Привилегированные же акции предоставляют владельцу право получения регулярного стабильного дивиденда, размер которого зафиксирован в уставе любой компа-

нии, а также первоочередное право получения дивидендов, ликвидационной стоимости компании и др. Но при всем при этом они не дают права голоса на общем собрании акционеров, за исключением отдельных случаев, предусмотренных законом. Такими случаями являются: а) общее собрание акционеров рассматривает вопросы о невыплате дивидендов владельцам привилегированных акций или внесении изменений в устав компании, ограничивающих их права; б) установленные дивиденды не были выплачены полностью или частично.

На случай, когда потребуется увеличение уставного капитала, акционеры могут спасти себя объявлением и размещением акций.

Для этого используют такие акции, которые имеют название «объявленные акции», представляющие количество дополнительных акций, которое может быть выпущено акционерным обществом. Существуют и казначейские акции — собственные акции, выкупленные акционерным обществом у внешних инвесторов и находящиеся в его владении. Но стоит заметить, что казначейские акции не дают владельцу права голоса, или права на получения дивидендов, а также, они не могут находиться на балансе организации более одного года.

Расскажем и о золотой акции. Эта акция ничем не отличается от других существующих акций у компании, за исключением того, что в уставе за ней закрепляется особое право, которое делает ее «золотой». Данное право - блокировать решения всех остальных акционеров по самым важным вопросам. Обращаясь к законодательству, она может появиться в процессе приватизации и может принадлежать только органам исполнительной власти. Выпускается с целью не допустить вывода активов из компании.

Золотая акция является специальным правом РФ, субъектов РФ и муниципальных образований на участие

в управлении открытыми акционерными обществами, если это диктуется целями обороны, безопасности страны, защиты здоровья, прав и законных интересов граждан.

Дает владельцу право ВЕТО при принятии собранием решения по вопросам:

- 1) внесения изменений и дополнений в устав АО;
- 2) реорганизации и ликвидации общества;
- 3) залога, сдачи в аренду, продажи или отчуждения в ином виде имущества АО;
- 4) образования дочерних предприятий;
- 5) участия АО в других предприятиях.

По истечении определенного срока золотая акция продается, таким образом, теряет все свои дополнительные права и превращается в самую обыкновенную акцию. Отметим, что передача такой акции в доверительное управление и ее залог не допускается.

Теперь, хотелось бы рассказать о цене акции.

При создании какого-то акционерного общества оплата акций учредителями производится, как правило, по номиналу. Все последующие выпуски акций должны быть реализованы по цене не ниже номинала. Это является обязательным правилом, предусмотренным законодателем.

Так же, хотели бы обратить ваше внимание на такое понятие как «конвертация ценной бумаги». Данный инструмент существует также для обмена одних ценных общества на другие. Конвертация может осуществляться только с повышением прав. Конвертация происходит в следующих случаях: при реорганизации компании. Поскольку все обыкновенные акции должны предоставлять одни и те же права, при присоединении, слиянии, выделении и разделении компаний необходима конвертация акций; при разделении (сплите) или объединении (консолидации) номиналов акций; при обмене облигаций на акции, то есть при переходе кредиторов в разряд собственников.

Литература:

1. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 N 39-ФЗ (последняя редакция).
2. Гонгало Б. М. Общие положения учения об обеспечении обязательств и способах обеспечения обязательств // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. М., 2001.

Права сотрудника полиции как субъекта административно-юрисдикционной деятельности: проблемы теории и практики

Столповских Никита Олегович, студент
Воронежский государственный университет

Сущность и роль прав сотрудника полиции, их место в структуре статуса полицейского в специальной литературе определяются весьма неоднозначно. Этот вопрос стал предметом широкой научно-теоретической дискуссии, которая применительно к полицейскому праву представ-

ляет собой частное проявление проблемы «правообязанностей» административно-правовой науки.

Так, О. И. Гракович полагал, что наличие у сотрудника какого-либо права не означает, что он имеет выбор: воспользоваться им или нет. Оно одновременно является

и обязанностью, так как в каждой конкретной сложившейся ситуации возможное действие становится должным и необходимым [1, с. 37]. Ещё в 80-е годы А. П. Герасимов, основываясь на этих же доводах, и вовсе предлагал отдельно не выделять в законодательстве права и обязанности сотрудника милиции [2, с. 463].

С указанной позицией не соглашается профессор Ю. П. Соловей, обращая внимание на следующее. Те самые условия конкретной ситуации, при которых действие, на совершение которого сотрудник имеет право, становится должным, оценивает сам полицейский. Если мы отнесём такие действия к числу обязанностей, выходит противоречие: их исполнение будет зависеть от *усмотрения* субъекта, на которого они возложены. Однако это несовместимо с принципом законности [3, с. 225]. Данный подход представляется более убедительным.

Права сотрудника полиции, как субъекта отношений, основанных на нормах различных отраслей материального и процессуального права, по своему назначению и проявлению весьма неоднозначны. В связи с этим в целях последовательного анализа следует их рассматривать в контексте отраслевых особенностей: соответствующие положения ФЗ «О полиции» [4] необходимо сопоставлять с правовыми институтами административного, уголовного, уголовно — процессуального права. По моему мнению, комплекс прав сотрудника полиции — это не юридическая абстракция, а исходные тезисы, которые наполняются конкретным содержанием уже в нормах отраслевого законодательства. Следует также отметить, что сходный методологический подход нередко используется в юридической литературе при характеристике правового статуса различных субъектов публичной власти (например, в работах профессора Г. Т. Ермошина, посвящённых статусу судьи [5, с. 27]).

Полномочия в сфере административно — юрисдикционной деятельности представляют собой значительную часть компетенции полиции. Не вызывает сомнения необходимость и важность этого направления для поддержания стабильности повседневной жизни общества.

Анализ проблем деятельности полиции, связанной с административным принуждением, логично начать с такого института, как доставление. Легальное определение данной административно-юрисдикционной меры содержится в п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»: это «принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение» при наличии предусмотренных законом оснований (3 конкретных и 1 общее — «в других случаях, предусмотренных законом»). Регламентация данного института является новеллой полицейского законодательства.

Ю. П. Соловей обращает внимание на некоторую неточность, допущенную при формулировании данного права. Так, в качестве одного из оснований доставления названо решение вопроса о задержании гражданина при отсутствии возможности решить этот вопрос на месте. Получается, от-

мечает автор, если сразу же будет принято решение о задержании, принудительное препровождение гражданина в помещение полиции незаконно. Очевидно, это не соответствует логике, но особых проблем на практике не создаёт [6, с. 102].

Ещё одним основанием, предусмотренным п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», является необходимость «защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом». В 2017 году Конституционный суд Российской Федерации подробно разъяснил, когда и как по этому основанию можно осуществлять право на доставление. Дело заключалось в следующем.

Гражданин Сергиенко проводил одиночный пикет, используя плакат. Через 25 минут после начала мероприятия к нему подошли сотрудники полиции с требованием его прекратить. Получив отказ, полицейские принудительно препроводили гражданина в помещение полиции и, составив протокол о доставлении, отпустили. Сергиенко обжаловал действия сотрудников, но суды первой и апелляционной инстанции признали принятые правоохранителями меры законными, поскольку, продолжая пикет, гражданин мог спровоцировать других лиц, и тем самым сотрудники полиции устранили угрозу его жизни и здоровью.

Конституционный суд, рассмотрев материалы данного дела, пришёл к выводу о том, что доставление по основанию предотвращения угрозы жизни и здоровью возможно при наличии следующих условий:

- угроза *реальная*, и *высок риск* причинения такого вреда;
- *очевидна невозможность* избежать угрозу иным способом при условии, что гражданин отказывается от перемещения в другое безопасное место;
- *максимально короткий срок* ограничения свободы гражданина [7].

Пересматривая дело с учётом названных выше критериев, Октябрьский районный суд города Белгорода пришёл к следующему выводу: «Объективных и достаточных доказательств, свидетельствующих о том, что жизни и здоровью Сергиенко В. И. была какая-либо угроза со стороны граждан суду не представлено. Из содержания аудиозаписи слышно недовольный голос мужчины, возмущающийся в адрес Сергиенко В. И., при этом каких либо угроз жизни или здоровью, применения насилия в отношении Сергиенко В. И. или попыток применения такого насилия не зафиксировано... Судом установлено, что необходимости доставлять Сергиенко В. И. в отдел полиции при очевидном отсутствии на то оснований не было (личность данного гражданина установлена на месте, каких либо правонарушений, влекущих административную или иную ответственность не зафиксировано). Вместе с тем такое доставление было осуществлено» [8].

Следующая проблема, на которую указывает профессор В. В. Черников, — это неопределённость в вопросе о том,

может ли сотрудник полиции осуществлять доставку и административное задержание лиц в связи с совершением административного правонарушения, производство по которому не подведомственно органам внутренних дел. Так, п. 1 ч. 1 ст. 27.2 и п. 1 ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ [9] в таком случае предусматривают необходимость специального предварительного обращения к полицейскому уполномоченных должностных лиц. Но в то же время п. 2 ч. 2 ст. 27 ФЗ «О полиции» устанавливает общую обязанность полицейского принимать меры по задержанию лица, подозреваемого в совершении административного правонарушения, по заявлению обратившегося гражданина. Как действовать при обнаружении признаков проступка в такой ситуации, не совсем понятно [10, с. 57].

В. Н. Хорьков обращает внимание на следующую проблему. В соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции», сотрудники имеют право задерживать только военнослужащих, подозреваемых в совершении преступления. А из буквального толкования ч. 4.1 ст. 27.3 КоАП РФ следует, что к указанным субъектам применяется и административное задержание. То есть по смыслу КоАП РФ в том случае, если военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, совершает административное правонарушение, производство по которому относится к компетенции органов внутренних дел, сотрудник полиции вправе его задержать. Автор считает названное положение ФЗ «О полиции» ошибочно неполным, и предлагает привести его в соответствии с нормами административного законодательства [11, с. 84].

Литература:

1. Гракович, О.И. Органы внутренних дел в борьбе за укрепление общественного порядка: учеб. пособие / О.И. Гракович — Минск, 1980.
2. Герасимов, А.П. Закономерности управления правоохранительной деятельностью социалистического государства: методологические основы анализа и использования (По материалам органов внутренних дел): дис ... д-ра юрид. наук / А.П. Герасимов. — М., 1989. — 463 с.
3. Соловей, Ю.П. К вопросу о конструировании правомочий милиции / Ю.П. Соловей // Правовая наука на рубеже XXI столетия: сб. науч. тр. — Омск, 2000. — С. 225–232.
4. О полиции: Федер. закон от 7 фев. 2011 г. № 3 — ФЗ (ред. от 7 марта 2018 г.) // Рос. газ. 2011. 8 мая. С. 8–31
5. Ермошин, Г.Т. Правовой статус судьи Российской Федерации: учеб. пособие / Г.Т. Ермошин. — М., 2004. — 431 с.
6. Соловей, Ю.П. Доставка граждан в полицию как административная процедура / Ю.П. Соловей // Актуальные вопросы публичного права. — 2015. — № 3. — С. 96–120.
7. По делу о проверке конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В.И. Сергиенко: постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2017 г. № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации, 27.03.2017, № 13, ст. 1992.
8. Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 30 августа 2017 года по делу № 2–3195/2017. — URL: <http://sudact.ru/regular/doc/w7RW9u2qwaXv/> (дата обращения: 15.03.2019).
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 07.02.2017) // СЗ РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
10. Черников, В.В. Юридические коллизии современного полицейского законодательства России / В.В. Черников // Юридическая техника. — 2017. — № 1. — С. 54–61.
11. Хорьков, В. Н. Административное задержание: спорные вопросы законодательного регулирования / В. Н. Хорьков // Современное право. — 2016. — № 3. — С. 83–86.

Развитие уголовного законодательства об ответственности за жестокое обращение с животными в зарубежных странах

Ускеев Доржо Баирович, студент
Иркутский государственный университет

В работе исследовано развитие уголовного законодательства в разных странах. Рассматривается законодательство зарубежных стран, которые впервые регулировали ответственность за жестокое обращение с животными, а также состояние на современный период. Исследуются отдельные нормы об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными, они находят свое прямое закрепление в различных уголовных кодексах практически всех стран романо-германской, англосаксонской, и так называемой традиционной правовых систем.

Ключевые слова: жестокое обращение, борьба, защита животных.

В последние годы во всем мире все большее признание получает мнение, что интерес к борьбе за права всех без исключения животных — один из главных показателей цивилизованности общества.

Вопросы взаимоотношения между человеком и животным в современных реалиях уже давно перестали быть просто рассуждениями о необходимых для современного государства нравственных началах деятельности человечества. Благодаря этому, на протяжении многих лет в нашей стране и в зарубежных странах все большее признание получает мнение о том, что «одним из показателей цивилизованности общества является внимание к борьбе за гуманное обращение с животными». Кроме того, в настоящее время различные направления деятельности по противодействию жестокости по отношению к животным стало серьезным фактором общественной, политической и экономической жизни не только нашего государства, но и многих зарубежных стран.

Первые из знаменитых законодательных актов, защищающих животных от жестокого к ним обращения, были приняты в Японии еще в конце XVII века. Указы японского правителя защищали от жестокого обращения таких животных как — собак, лошадей, коров, кошек, куриц, черепах, змей и даже рыбу, которой в период его правления было всем без исключения запрещено торговать на рынках. [5, с.283] Совершившие убийства животных привлекались к самым суровым наказаниям, включавшие не только изгнание, но и весьма долгое тюремное заключение на большие сроки и даже высшую меру наказания — смертную казнь.

В нормативно-правовых актах стран общей системы права первым актом, защищающим животных от жестокого обращения, необходимо признать принятый в Англии в 1654 г. закон о запрете петушиных и собачьих боёв, травли быков и т. п. Указанный нормативный акт можно признать одним из первых законов, в которых установление уголовной ответственности за жестокое обращение с животными явилось следствием развития идей ответственного отношения к представителям животного мира, необходимости охраны животных как живых существ, а не объектов гражданского оборота или средств хозяйствования.

В Европе первые различные законодательные акты, защищающие животных от жестокости, были разработаны и увидели свет в начале XIX века. Закон, защищавший домашних животных, например крупный рогатый скот, а также лошадей и овец, был введен в Великобритании 1822 году. Он был издан членом парламента от Ирландии, который являлся основателем общества по борьбе с жестоким обращением с животными. Звали его Ричард Мартин. Он прославился тем, что однажды вызвал на дуэль одного человека, который посмел убить собаку. [6, с.279] Мартин Ричард являлся одним из основателей Общества, которое своей целью ставило предотвращение жестокого обращения с животными (SPCA), в 1824 году. В 1840 году королева Виктория стала по-

кровителем данного общества. Общество стало носить такое название, как Королевское общество (RSPCA). Задачами общества было собирать различные пожертвования и формировать сеть инспекторов, выявляющих лиц, которые злоупотребляют недобросовестным обращением с животными. Также они должны были собирать различного рода доказательства и придавать их огласке властным структурам. То есть частично были делегированы определенные полномочия отдельных правоохранительных органов членам общественной организации. Именно это способствовало начать самую действенную защиту прав животных от жестокого обращения и выявлению преступлений в указанной сфере.

После Великобритании различное законодательство по защите животных было принято во многих других европейских странах: с 1833 по 1840 гг. такие законы были приняты некоторыми германскими государствами; в 1850-х гг., вслед за Германией и Швейцарией, похожие законы были разработаны приняты в некоторых скандинавских странах. Законодательство по защите животных в США было сформировано на много позднее. Только в 30-е годы XX века. Под влиянием Англии были разработаны и приняты ряд нормативных актов по защите животных в таких странах как: Канаде, Южно-Африканском Союзе, Австралии. [6, с.194]

В 1959 году было образовано Международное общество защиты животных (ISPA). [1, с.349] В 1981 году данное Международное общество, объединилось со Всемирной федерацией защиты животных (WFPA), что способствовало преобразованию в так называемое Всемирное общество защиты животных (WSPA).

В XX веке необходимость осуществления защиты животных от жестокого обращения была признана на самом высоком международном уровне. В частности, Европейская конвенция по осуществлению защиты домашних животных № 125 от 13.11.87 г. провозглашает наличие у человека нравственного долга перед животными. Также она указывает на ценность домашних животных для самого общества, а также на то, что самого человека и этих животных объединяют особые узы. В 1986 г. была разработана и принята Конвенция по защите экспериментальных животных, в которой также закрепляется норма о необходимом нравственном долге человека перед всеми животными, и острая необходимость снизить определенные страдания животных в проводимом эксперименте, поскольку все без исключения животные способны испытывать боль и соответственно страх.

В настоящее время уголовная ответственность за жестокое обращение с животными (как самостоятельный вид противоправного посягательства) предусмотрена разного уровня законодательством многих стран, а именно таких как: Австрии, Алжира, Афганистана, Вануату, Гаити, Грузии, Индонезии, Испании, Италии, Казахстана, Канады, Киргизии, Коста-Рики, Кот д'Ивуар, Латвии, Литвы, Македонии, Нигерии, Сан-Марино, Словакии, Словении, Су-

дана, Таиланда, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии и многих других.

При этом встречаются значительные различия в размерах определенных уголовных санкций за указанное преступное деяние. Так, в уголовном законодательстве таких стран как Италии и Коста-Рики единственной санкцией за него является применение штрафа. По УК Грузии действия как жестокое обращение с животными наказываются таким видом, как исправительными работами на срок до одного года. По УК Алжира виновному может быть применено до 10 дней тюремного заключения. По УК Казахстана — может быть применено до 6 месяцев лишения свободы, а по уголовному законодательству Австрии и Испании — до одного года тюрьмы. В конце концов, в Латвии за данное преступление, виновный совершивший его, может получить весьма внушительный срок до 4 лет лишения свободы.

Большинство законов декларируют достижение этических целей. Это значит, что их цель — не только защищать животных, но и удерживать людей на пути необходимого правильного и гуманного поведения и образа мыслей.

В 37 штатах Америки жестокое обращение с животными отождествляется с особо тяжкими преступлениями. Закон о благополучии животных (The Animal Welfare Act) является главным федеральным законом, который содержит различные положения, которые определенным образом касаются различных исследовательских учреждений, создания государственных и частных приютов и содержания в них животных, перевозки животных, их хищения и др. [7, с.94] В Швейцарии официально предписано называть животных не «вещами», а соответственно «существами».

Австрия в мае 2004 года разработала и приняла закон об осуществлении защиты животных. По новому закону запрещено содержание цыплят в тесных клетках, а также связывание домашнего скота, например, веревками и применение отдельных диких животных даже в цирковых представлениях. Барселона стала первым городом Испании, где была запрещена коррида. В 2004 году был наложен запрет на любительскую охоту на зайцев и лисиц в Великобритании.

Закон о защите животных Франции рассматривает два типа нарушений: первое — скверное обращение с животными, и второе нарушение — жестокое обращение с животными, а также причинение им различного рода физических страданий. [4, с.65]

В качестве иных различных подходов осуществления защиты животных от жестокого с ними обращения необ-

ходимо привести интересный опыт законодательства государства Испании. В Уголовном кодексе Испании 1995 года жестокое обращение с животными распознается как уголовно-наказуемое деяние.

Однако данное уголовно-наказуемое деяние, не отнесено к противоправным посягательствам, а отнесено к уголовным проступкам.

Австрийское законодательство в своем Уголовном кодексе в главе XI, § 222 также предусмотрело определенного вида уголовную ответственность за жестокое обращение с животными. [3, с.112]

Можно сказать, что отдельные нормы об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными находят свое прямое закрепление в различных уголовных кодексах практически всех стран романо-германской, англосаксонской, и так называемой традиционной, правовых систем. В основном исследованные диспозиции многих статей, охраняющих человеческое отношение к различным животным, не содержат различных признаков, которые охарактеризовывают способы и мотивы действий, направленных на причинения гибели или увечья. Санкции в этих нормах чаще всего альтернативны. Как правило, данные санкции представляют собой такие наказания как наложение штрафа либо лишения свободы. В динамике развития зарубежного уголовного законодательства в сфере оценки, т. е. квалификации жестокого обращения с животными, наблюдается тенденция перехода от правового регулирования определенного вида вещных отношений к уголовно-правовой охране определенных нравственных ценностей. Предметом преступлений в области обращения с животными являются как дикие, так и прирученные и, безусловно, домашние виды млекопитающих и птицы.

Мировое сообщество стремится к законодательному закреплению ответственности за жестокое обращение с различными видами животных. В развитых странах на сегодняшний день разработаны и приняты в достаточной степени различные гуманные законы направленные на осуществление защиты животных. Данные законы, следует констатировать, исполняются благодаря различным весьма эффективным применяемым механизмам. На основании проведенного сравнительно-правового анализа положений УК стран, можно сделать вывод о том, что ранее в России не существовало закона о правах животных, который способствовал бы противостоянию бесчеловечного отношения с животными в различных сферах общественной деятельности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Франции. — СПб., Юридический центр Пресс. 2002. — С. 73.
2. Авдеева Л. В. Ответственность за жестокое обращение с животными в уголовном праве зарубежных стран: историко-правовой аспект / Л. В. Авдеева // Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: оценки, предположения, прогнозы: Муромцевские чтения: Материалы XIII Международной научной конференции. Москва, 18 апреля 2013 г. — М.: РГГУ, 2013. — С. 349.

3. Голованова Н. А. Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / Н. Ф. Голованова // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — 2013. — С. 112.
4. Горобец К. В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовая охрана в России Франции / К. В. Горобец // Уголовное право и современность: Сборник статей. — М.: Юрист, НИУ ВШЭ, 2012. — Вып. 4. — Т. 2. — С. 65
5. Есаков Г. А. Уголовное право зарубежных стран / Г. А. Есаков: учеб. пособие. — М.: Проспект, 2009. — С. 283.
6. Козочкина И. Д. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть / под ред. — М., 2004. — С. 279.
7. Семенов К. П. Уголовное законодательство США, на примере УК штата Техас, о жестоком обращении с животными: опыт заокеанского нормотворчества / К. П. Семенов // Сборник статей. — СПб.: СПбГЭУ, 2014. — С. 94.
8. Европейская конвенция о защите домашних животных (ETS № 125) (Заключена в г. Страсбурге 13.11.1987) // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 21.06.2018).

Ликвидация юридического лица и исключение юридического лица из единого государственного реестра: сравнительный анализ

Федянина Анна Игоревна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Многих до сих пор волнует вопрос: являются ли понятия «ликвидация юридического лица» и «исключение юридического лица» тождественными понятиями. В чем же состоят различия и сходства между ними? Чтобы ответить на эти вопросы сначала необходимо проанализировать определение данных терминов.

К сожалению, в законе отсутствует четкое определение ликвидации юридического лица, есть лишь указание на то, что оно влечет за собой прекращение деятельности организации без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим субъектам права. [1]

В юридической литературе ликвидацию в основном относят к способу прекращения деятельности юридического лица, приравнивая прекращение организации с прекращением деятельности юридического лица. [2] Прекращение юридического лица всегда влечет за собой прекращение его деятельности, однако последнее не означает то, что юридического лица больше не существует. Гражданское законодательство так же не содержит определение понятия «прекращение юридического лица», тем не менее, данный термин активно используется в нормативных правовых актах.

В ст. 49 ГК РФ закреплено, что правоспособность юридического лица возникает с момента внесения записи в единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) о его создании и прекращается в момент внесения сведений в указанный реестр о его прекращении.

Исключение из ЕГРЮЛ так же, как и ликвидация влечёт за собой прекращение юридического лица при наличии, предусмотренных Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» определенных условий.

Таким образом, между ликвидацией и исключением есть общий знаменатель — прекращение юридического лица,

т. е. внесение записи регистрирующим органом в ЕГРЮЛ о его прекращении.

При сравнении данных понятий исключение юридического лица целесообразно сравнивать именно с «принудительной ликвидацией». В юридической литературе уже давно принято делить ликвидацию на два вида: добровольную и принудительную, однако в законодательстве такое деление опять же не закреплено. Такое разделение носит условный характер и отражает различия по субъекту, выступающему с инициативой проведения процедуры.

Принудительная ликвидация, как и исключение юридического лица всегда выступает в качестве меры ответственности за допущенные правонарушения. Эти правонарушения могут состоять как в действии, так и в бездействии. Однако в отличие от принудительной ликвидации организация может быть исключена только по решению налогового органа.

Таким образом, мы понимаем, что данные понятия нельзя сравнивать в полной мере, об этом свидетельствуют и другие различия, например, процедура внесения записи в ЕГРЮЛ о прекращении юридического лица.

В зависимости от вида, ликвидация осуществляется либо в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом и Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (добровольная ликвидация), либо по иску уполномоченных специальными законами органов (принудительная ликвидация).

В отличие от принудительной ликвидации закон предусматривает возможность исключения недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа в упрощенном порядке без обращения в суд.

Организация может быть исключено в случаях, если юридическое лицо:

- в течение 12 месяцев не представляло налоговую отчетность;
- не осуществления банковских операций хотя бы по одному расчетному счету. [3]

С 1 сентября 2017 года вступили в законную силу положения, которые расширили данный перечень. К вышеуказанным основаниям добавились:

- отсутствие денежных средств на ликвидацию, как у самой компании, так и его участников;
- в реестре имеется запись о недостоверности сведений более 6 месяцев.

Отметим, что прошло достаточно много времени со дня принятия вышеназванных норм, однако до сих пор возникает вопрос, как же именно на практике будет применяться пункт об исключении из ЕГРЮЛ юридических лиц, не имеющих денежных средств на ликвидацию? В данный момент этот вопрос до сих пор остается дискуссионным, что подтверждается разъяснениями самой налоговой инспекции, которая отметила: «руководящие разъяснения по порядку применения положений подпункта «а» пункта 5 статьи 21 Закона N 129-ФЗ отсутствуют». [4]

Также одним из немаловажных вопросов является — распределение оставшегося у компании имущества после его исключения из реестра.

При проведении добровольной ликвидации ликвидационная комиссия (ликвидатор) должна составить ликвидационный баланс, в котором будет отображено оставшееся после погашения кредиторской задолженности имущество. Такое имущество распределяется между участниками Общества соразмерно их долям.

При исключении организации из ЕГРЮЛ определить: кому, и в каком размере достанется оставшееся на балансе компании имущество невозможно, так как такой правовой нормы попросту нет. Куликова Т. В. в своей статье говорит, что такое имущество, после исключения, можно считать бесхозным, однако с этим нельзя полностью согласиться, что подтверждается судебной практикой.

Ещё одним немаловажным различием является наличие у организации задолженности. Многих предпринимателей волнует вопрос: можно ли ликвидировать

компанию с долгами? Ответ: нет. Если при проведении процедуры ликвидации, выяснится, что размер задолженности превышает размер стоимости всего имущества фирмы, то в этом случае единственным решением данной проблемы является обращение в суд с иском о признании компании банкротом.

В отличие от ликвидации регистрирующий орган может исключить из реестра юридическое лицо, имеющее долг перед бюджетом, при этом такая задолженность будет признана безнадежной к взысканию. Остальные обязательства также прекращаются, если только не встанет вопрос о субсидиарной ответственности. Законом предусмотрено право кредитора обратиться в суд с заявлением о привлечении должностного лица к субсидиарной ответственности и взыскании кредиторской задолженности общества в случае, если также лицо действовало недобросовестно. [5]

При сравнении двух правовых понятий нельзя не вспомнить Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 N 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации». Судом были сделаны выводы о том, что по основаниям, указанным в п. 2 ст. 61 ГК РФ может быть ликвидировано только действующее юридическое лицо и процедура исключения недействующего лица из ЕГРЮЛ является специальным основанием прекращения юридического лица, не связанным с его ликвидацией. Между тем существует противоположное указание суда, допускающее административный порядок ликвидации недействующего юридического лица. [6]

Из всего вышеперечисленного можно сказать вывод, что вопрос о соотношении двух правовых понятий так до сих пор достаточно не урегулирован. Соглашаясь с выводами Куликовой Т. В., считаю целесообразным на законодательном уровне закрепить «еще один способ прекращения юридических лиц — исключение юридического лица из ЕГРЮЛ» и подробно раскрыть данный правовой институт. А так же дополнить на уровне закона классификацию деления юридических лиц на: действующие и недействующие, а ликвидацию юридического лица на: добровольную и принудительную.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд. В 3 т. М., 2016.
3. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // «Собрание законодательства РФ», 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3431.
4. Письмо ФНС России от 28.12.2018 N ГД-4-14/25946 «О направлении «Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов N 4 (2018)» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Собрание законодательства РФ», 16.02.1998, N 7, ст. 785.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.01.2006 N 100 «О некоторых особенностях, связанных с применением статьи 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // «Вестник ВАС РФ», N 4, 2006.

Проблемные вопросы напутственного слова председательствующего в суде с участием присяжных

Хабитова Дайаана Степановна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Яковлев Николай Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Статья затрагивает вопросы сущности и основные характеристики напутственного слова председательствующего в суде с участием присяжных.

Ключевые слова: суд, председательствующий, присяжные заседатели, напутственное слово, принцип нейтральности, вердикт.

Вопрос о значении напутственного слова в суде присяжных длительное время был дискуссионными в науке уголовно-процессуального права. В конце XIX начале XX века в науке разгорелись споры о целесообразности и значимости напутственного слова в суде присяжных. В. Случевский указывал, что «защитники этого института приводили в его пользу, главным образом, то, что председатель с помощью напутственного слова направляет и тем самым помогает присяжным заседателям сгруппировать все обстоятельства дела, представленные доказательства, посмотреть на дело со стороны, как бы объективизируя сказанные все речи, которые направлены в обвинение и в защиту, проливает свет в неясности перед тем, как вынесут решение по делу» [5]. Может быть такое, что могут быть обстоятельства дела, которые были неправильно или не полностью изложены сторонами, и тогда председатель через свою речь помогает восстановить обстоятельства дела и тем самым помочь избежать роковой ошибки — неправильным выдвинутым решением. Н. Н. Розин отмечал, что «напутственная речь является одной из важнейших процесса с участием присяжных заседателей, в связи с тем, что те, кто сидят за скамьей присяжных не обладают достаточными знаниями и нуждаются в объяснениях и напутствии» [8]. Противники же напутственного слова председательствующего судьи указывали, что профессиональный судья может увлечь на свою сторону, ведь ему будет сложно беспристрастно изложить обстоятельства дела и выяснять юридическую силу и допустимость доказательств, но вместе с тем ему будет трудно отделить своё личное мнение. [9]. Высказывались и такие суждения, что «... порой заключительная речь председательствующего судьи может являться полностью повторением обвинительной или наоборот речью, которая будет встанет на защиту подсудимого [11], поскольку немногим удастся сохранить беспристрастность и отстраненность в деле и держать свои слова в требуемы законом пределах и не направить мнения сторон в совсем другое русло [11]. Эти дискуссии продолжаются и в настоящее время.

Судья в суде с участием присяжных должен постоянно следить за своим вербальным и невербальным поведением, возможно, даже уподобиться людям, кто сидит за скамьей присяжных заседателей. Не стоит разделять надвое присяжных заседателей и профессионального судью, который является председательствующим, он должен помогать

и разъяснять непонятные стороны дела, оглашать документы уточнять права и обязанности. Судья воздействует на присяжных посредством произнесения напутственного слова, во-первых, и формулирования вопросного листа, во-вторых. Председательствующий, как человек с высшим юридическим образованием и опытом может существенно повлиять на присяжных заседателей, у которых нет профессиональных знаний, и особенно, как отмечают исследователи, имеет его напутственное слово, выступающее не иначе как юридический инструмент воздействия. То, каким будет напутственное слово может преклонить чашу весов на другую сторону и поменять принятое присяжными в совещательной комнате.

Существуют закрепленные в законодательстве процессуальные механизмы и гарантии, которые обеспечивают объективность напутственного слова и разделяют напутственное слово председательствующего судьи от выражения им своего личного мнения.

Первая проблема, которую хотели бы выделить касается полноты изложения доказательств председательствующим судьей. Как бы выделяя одни обстоятельства, делая на них акцент, можно представить одно и то же дело с совершенно разных углов. Ведь очень важно на что председательствующий обратит внимание: фразу, выдирая из общей картины показания потерпевшего, свидетеля. Все эти манипуляции и слова так или иначе влияют на формирование внутреннего убеждения присяжного заседателя. Это можно показать на примере отмененного оправдательного приговора Краснодарского краевого суда в отношении Л. Прокурор после произнесения напутственного слова, которое произносится после передачи присяжным заседателем перед удалением их в совещательную комнату для вынесения вердикта заявил, что напутственное слово было неполным [5]. Судья ответил, что свидетельские показания не имеют значения в доказательствах, ведь преступление было совершено в неочевидных условиях, тем самым нарушив принцип объективности и беспристрастности, а значит и требование к постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора. Тут судья принял сторону обвинения, почти уподобившись обвинителю, в данном случае присяжные становятся инструментами в руках такого председательствующего.

Вторая проблема затрагивает последовательность напоминания присяжным заседателям доказательств обвинения

и защиты. Проанализировав ч. 3 ст. 340 УПК РФ можно подвести вывод, что должны в первую очередь упоминаться доказательства, которые уличают, а во вторую — оправдывают подсудимого. Именно в такой логической последовательности напоминания соответствует состязательности судопроизводства (в таком же порядке исследуются доказательства в ходе судебного следствия). Но, к сожалению, просмотрев напутственные слова можно сделать вывод о том, что данная логика не всегда находит место в напутствиях судей. На мой взгляд это несопоставимо с принципом состязательности, может случиться так, что неправильно сформируется внутреннее убеждение присяжного относительно принципа презумпции невиновности и бремени доказывания в уголовном судопроизводстве.

Многие авторы отмечали, что иногда напутственные слова помимо изложения доказательств защиты и обвинения, председательствующие часто делают акцент на противоречия в этих доказательствах. Такие замечания судьи о наличии противоречий между исследованными в судебном заседании доказательствами являются выводами, которые запрещены делать в напутственном слове, и такое суждение даёт оценку, так как представляет из себя анализ и сопоставление содержания ряда доказательств.

Так в каких же случаях все-таки председательствующий может допустить себе корректировать позиции сторон, и возможно ли корректировать вообще? Во-первых, следует различать, когда сторонами дела искажаются имеющиеся доказательства и то, когда обстоятельства дела интерпретируются сторонами, обусловленные позицией по делу. Во втором случае не стоит ничего подправлять, ведь противоборствующие стороны толкуют доказатель-

ства и факты, исходя из выгодной собственной позиции и это естественно, что их толкования отличны друг от друга. А какая же из сторон «перетянула» доказательства в свою сторону уже решают присяжные заседатели, ведь для этого и создается коллегия присяжных, которые призваны осуществить правосудие и оценивать факты. Но когда председательствующий, по сути, высказывает свое личное мнение и тем самым корректирует позицию одной стороны, то он так или иначе оказывает содействие одной из сторон судебного разбирательства.

Таким образом, напутственное слово председательствующего — это важный и обязательный этап судебного разбирательства в суде присяжных. Цель напутствия — помочь присяжным заседателям вынести вердикт, соответствующий закону и тем фактическим обстоятельствам, которые устанавливались в процессе судебного разбирательства и которые присяжные должны признать доказанными. Природа данного вида производства объясняется ее значимостью, так как является самой необходимой частью рассмотрения дела с участием присяжных заседателей. Присяжные заседатели нуждаются в дополнительной информации о законодательстве, так как волей случая призваны вести правосудие. Иногда каждая сторона излагает свою точку зрения очень эмоционально в ходе судебных прений сторон. Одной из основных задач председательствующего для беспристрастного суждения и всестороннего анализа надо присяжных заседателей вернуть в спокойное русло. Если были нарушения во время судебного разбирательства председательствующий обязан упомянуть о недопустимых доказательствах и сослаться на обстоятельства, так как это не входит в их компетенцию.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 23.03.2019).
2. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1913.
3. Судариков В. А. Роль председательствующего судьи при осуществлении правосудия судом с участием присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве. Дисс. на соискание ученой степени канд. юр. наук М., 2004.
4. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: Пособие к лекциям. 3-е изд., пересмотр. — Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916
5. Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей / Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2002 — № 7. П. 10.

Принципы государственной регистрации прав на недвижимое имущество

Хайруллина Айгуль Валиулловна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье было проведено комплексное исследование вопроса государственной регистрации прав на объекты недвижимости; определены ее правовые основы, порядок и принципы. Дано определение объекта недвижимости. Проанализированы действующее законодательство в сфере регистрации прав на объекты недвижимости и научные труды, исследующие данную проблему. Определены принципы и стадии государственной регистрации прав на недвижимое имущество в Российской Федерации.

Ключевые слова: принцип, государственная регистрация, недвижимость, регистрация недвижимости, недвижимое имущество, достоверность государственного реестра, публичность реестра, принцип внесения, защита добросовестных участников оборота, проверка законности оснований регистрации.

Одной из особенностей правового режима недвижимых вещей, закрепленных действующим российским законодательством, является необходимость (обязанность) государственной регистрации прав на недвижимое имущество, ограничения таких прав, обременения недвижимого имущества (ст. 8.1, ст. 131 ГК РФ).

Впервые принципы прав на недвижимое имущество изложены в проекте вотчинного Устава в развитие гражданского кодекса Российской империи в 1892 году. Назывался «позитивный принцип внесения» — реальное право на недвижимое имущество возникает в момент внесения записи о нем в родовую книгу, а также гласности (публичности) и достоверности информации, содержащейся в родовых книгах [6].

Прототип системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество начал формироваться в дореволюционный период. «Позитивный принцип внесения» закреплен как основное начало российского регистрационного режима (ст. ст. 8, 131 ГК РФ) с 1 января 1995 г. после вступления в силу ч. 1 ГК РФ [2].

Земельный кодекс Российской Федерации вступил в силу 30 октября 2001 г., в нем был установлен принцип единства судьбы земельного участка и находящейся на нем недвижимости, это явилось основанием для будущей унификации систем учета земельных участков и объектов капитального строительства.

Принципы любой отрасли права имеют большое значение для устойчивого развития, и право на недвижимое имущество не является исключением. Люлин П. Б. определяет, что принципами государственной регистрации прав на недвижимое имущество являются: законность, публичность и достоверность; оценка имущества до регистрации права на него; приоритет первого зарегистрированного права; индивидуализация имущества с целью его идентификации; независимость регистратора при осуществлении бухгалтерского учета; исключительно государственный характер [11, с. 205–206].

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации разработчики отметили, что «Гражданский кодекс должен содержать общие положения о государственной регистрации имущественных прав... установление следующих руководящих принципов регистрации:

проверка законности оснований для регистрации, публичного реестра, презумпции действительности» [10, с. 32].

В 2013 году в рамках реформы гражданского кодекса значительные изменения были внесены в Гражданский кодекс, в котором заложены основные принципы дальнейшего развития системы государственной регистрации недвижимого имущества.

Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4] вступил в силу 1 марта 2013 года и внес в Гражданский кодекс РФ [2] статью 8.1. Так, в п. 1 этой статьи закреплены принципы государственной регистрации прав на имущество уполномоченным органом, подлежащие применению независимо от того является объектом регистрации (недвижимость, доли в уставном капитале хозяйственных обществ и др.) на основе принципов проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности государственного реестра.

Необходимость соблюдения этих принципов еще в 2001 году была отмечена Конституционным судом РФ [5], который определил, что государственная регистрация прав на имущество должна предоставлять гарантии надлежащего исполнения сторонами всех обязательств, защищать добросовестных участников правоотношений и способствовать консолидации и стабильности гражданского оборота в целом.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3], вступившего в силу с 1 января 2017 года, ведение Единого государственного реестра недвижимости осуществляется на основе принципов: единства технологии его ведения на всей территории Российской Федерации; достоверности данных; доступности данных. Закон юридически закрепил слияние двух систем: регистрация прав на недвижимое имущество и кадастрового учета недвижимого имущества [8].

Среди новелл Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» [3] можно отметить введение принципа экстерриториальности регистрации прав (по месту подачи заявления на регистрацию права не зависит от места нахождения объекта недвижимости).

Таким образом, принципы государственной регистрации недвижимости, изложенные в Гражданском кодексе Российской Федерации, и принципы, изложенные в Федеральном законе «О государственной регистрации недвижимости» не полностью совпадают, за исключением принципа надежности.

Конституцией РФ [1] в отношении исследуемой области — государственной регистрации недвижимости, устанавливаются три группы положений: правила, регулирующие принципы реализации права на недвижимое имущество; положения, устанавливающие основы государства, которые разграничивают сферу ответственности органов местного самоуправления и органов государственной власти; порядок реализации федеральных законов в области регистрации прав на недвижимое имущество.

Принципы государственной регистрации, предусмотренные законом № 218-ФЗ, неоднократно обсуждались как в научной доктрине, так и в судебной практике.

Принципы, предусмотренные законом № 218-ФЗ, указаны как непосредственно в положениях самого закона, так и в подзаконных актах. В частности, принцип доступности (публичности) информации реализуется в положениях статьи 7 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», закрепляющей доступность информации, за исключением случаев, установленных законом, а также статьи 62 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3], регламентирующей порядок предоставления информации, содержащейся в Единый государственный реестр недвижимости (далее — ЕГРН). В свою очередь, принцип достоверности сведений, содержащихся в ЕГРН, конкретизирован в ст. 26 и 35 Закона № 218-ФЗ, определяющих основания и сроки приостановления государственной кадастровой регистрации и государственной регистрации прав, а также правила внесения в ЕГРН записей возражений против зарегистрированного права на недвижимое имущество.

Существуют различные мнения о перспективах реализации принципа публичной достоверности в российском законодательстве.

Алексеев В. А. рассматривает содержание принципа публичной достоверности реестра прав на недвижимое имущество на основе критического анализа норм ст. 8.1 ГК РФ и вносит предложение об уточнении формулировки этого принципа в законе [6, с.39].

По мнению Е. М. Тужиловой-Орданская, значимость принципа достоверности трудно переоценить [13, с.39]. В целом, предполагается, что вся информация, введенная в ЕГРП, считается достоверной и в полной мере отражает правовой режим недвижимого имущества, который вытекает из пункта 1 статьи 2 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», которым установлен статус государственной регистрации как единственного доказательства существования зарегистрированного права. В совокупности со ст. 2 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» относительно возможности оспа-

ривания зарегистрированного права только в суде можно говорить о своеобразной презумпции достоверности.

А. В. Швабауэр отмечает «эффективная реализация принципа публичной достоверности прав на недвижимое имущество возможна только в том случае, если реестр прав на недвижимое имущество составлен правильно и в нем отсутствуют юридические дефекты» [14, с.30].

Таким образом, принцип публичной достоверности должен иметь конкретную формулировку в законе и ссылки на другие статьи Гражданского кодекса.

Принцип бесповоротности не был выделен в качестве самостоятельного принципа государственной регистрации, однако он, несомненно, связан с принципом достоверности. Общепринято считать, что принцип бесповоротности означает доверие к записям ЕГРН, то есть возможность лиц, использующих информацию ЕГРН, рассчитывать на то, что эта информация соответствует правовому статусу недвижимости, следовательно, эти лица могут строить свои отношения на основе таких записей. Принцип бесповоротности в его буквальном смысле подразумевает невозможность изменения данных ЕГРН, и в этом смысле он не характерен для отечественной системы государственной регистрации [13, с.40].

Установив бесповоротность в качестве принципа государственной регистрации, законодатель лишил бы собственника возможности оспорить неправильно зарегистрированное право или сделку и тем самым защитить свое право.

Принцип бесповоротности государственной регистрации отвечает интересам защиты прав «добросовестного приобретателя». Данный аспект приобретает особую актуальность с внесением в п. 2 ст. 223 ГК РФ изменений касательно возможности возникновения права собственности на недвижимое имущество у «добросовестного приобретателя» начиная с момента государственной регистрации отчуждения имущества.

Представляется, что необходимо закрепить бесповоротность, то есть неизменность, как принцип государственной регистрации. Вместе с тем, статья 8.1 Гражданского кодекса РФ, где этот принцип легитимно не был признан.

Принцип надежности связан с принципом публичности (гласности) или как называют — принцип открытости.

Е. В. Тресцова указывает, что: «Введенная ГК РФ в 1994 г. система государственной регистрации прав на недвижимое имущество была направлена на решение следующих задач: установление контроля за оборотом недвижимого имущества; обеспечение надежности и гласности при совершении сделок с недвижимостью; охрана и защита интересов участников рынка недвижимости» [12, с. 151].

Согласно принципу — надежности, любое лицо в соответствии с пунктом 1 ст. 7 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» может получить информацию, содержащуюся в ЕГРП, о любом имуществе. Этот принцип обеспечивает публичность информации о правах и сделках. Любое лицо имеет право на получение

информации при условии подачи соответствующего заявления и предъявления документа, удостоверяющего личность.

Представляется целесообразным выделить еще один принцип — приоритет ранее зарегистрированных прав (принцип старшинства), в соответствии с которым права и требования, зарегистрированные ранее, должны учитываться в качестве приоритета (п. 3 ст. 9, п. 1 ст. 1, п. 7 ст. 16 ФЗ «О государственной регистрации»).

В ФЗ «О государственной регистрации» (п. 7 ст. 16) достаточно четко указано, что приоритеты прав устанавливаются по дате регистрации: государственная регистрация прав на недвижимое имущество проводится в последовательности, определенной порядком приема документов [9, с. 6].

Ранее в цивилистике обсуждался еще один принцип — принцип двойной регистрации. Однако, законодатель закрепил положение о том, что с 01.03.2013 государственная регистрация сделок с недвижимостью, перечисленных в части 2 Гражданского кодекса РФ отменяется система двойной регистрации (прав и сделок) в отношении недвижимого имущества. Таким образом, закон регулирует, что правила государственной регистрации сделок с недвижимостью, содержащиеся в статьях 558, 560, 574, 584 Гражданского кодекса, не применяются к договорам, заключенным после принятия закона.

Принципы государственной регистрации прав на недвижимое имущество выполняют функцию защиты прав на недвижимое имущество, достаточно точно и строго соблюдать все требования закона и тогда не потребуется вмешательства судебных и иных органов, а проводимая модернизация гражданского законодательства способствует совершенствованию этого процесса [7, с. 13–14]. Прежде всего, представляется необходимым:

- изменить действующее регулирование публичной достоверности реестра с точки зрения соотношения записи в реестре и юридической силы сделки, на основании которой сделана запись, в пользу введения принципа безотзывности записи;
- ввести принцип абсолютной достоверности и точности регистрационной записи на праве;
- ввести принцип бесповоротности записи реестра о наступлении права.

Внедрение этих механизмов в систему регистрации прав может быть оценено как прогрессивное изменение правового регулирования регистрации прав, соответствующее вектору развития законодательства в данной сфере, направленное на достижение фактической достоверности реестра.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) (ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2015. N 29 (часть I). Ст. 4344
4. Федеральный закон от 30.12.2012 N 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 04.03.2013) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 июня 2015 г. N 13-П; Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. N 132-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. Алексеев В. А. Публичная достоверность реестра прав на недвижимость: действующий принцип или дело будущего? [Электронный ресурс] <http://alekseevad.ru/upload/iblock/4ce/4ce3a401cf964de9a73bb125f9a4d2f6.pdf> (дата обращения 15.04.2019).
7. Бадулина Е. В. Развитие правового регулирования государственной регистрации недвижимости в России / Е. В. Бадулина. — Нотариус. — 2017. — № 6. С. 13–14.
8. Бадулина Е. В. Система государственной регистрации недвижимости в России: этапы становления и перспективы развития / Е. В. Бадулина. — Имущественные отношения в РФ. — 2017. — № 7. — С. 7–12.
9. Бадулина Е. В. Федеральный закон о государственной регистрации недвижимости: предпосылки принятия и некоторые новеллы / Е. В. Бадулина. — Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. N 10. С. 6.
10. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009). М., 2009. С. 32.
11. Люлин П. Б. Особенности государственной регистрации прав на объекты недвижимости / П. Б. Люлин. — Вестник гражданских инженеров. 2018. № 3 (68). — С. 205–206.
12. Тресцова Е. В., Огородников М. С. Проблемы теории и практики государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним / Монография. — Ивановск: ИГУ, 2008.
13. Тужилова-Орданская Е. М. Государственная регистрация прав на недвижимость / Е. М. Тужилова-Орданская. — Lex Russica. 2015. № 8. С. 39

14. Швабауэр А. В. Государственная регистрация прав, обременений прав и сделок в гражданском обороте недвижимого имущества / автореферат диссертации на соискание ученой степени к. ю.н. СПб., 2011. 30 с ***

Проблемы реализации конституционного права народов России на сохранение родного языка

Хрячков Константин Олегович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье исследуется степень важности языка в правовой сфере общества, а также анализируется роль и место языка для социальной среды отдельных народов в государстве. Выявляются спорные и проблемные моменты, приводятся возможные пути их ликвидации, а также производится анализ перспектив стирания или же сохранения родных языков народов России в условиях глобализации информационного пространства в мире.

Ключевые слова: конституция, общество, государство, язык, народы России, глобализация, национальный язык, официальный язык.

Problems of realization of constitutional right of the people of Russia on preservation of the native language

Hryachkov Konstantin Olegovich

In article degree of importance of language in the legal sphere of society is investigated and also the role and the place of language for the social circle of the separate people in the state is analyzed. Disputed and problem points come to light, possible ways of their elimination are given and also the analysis of prospects of deleting or preservation of the native languages of the people of Russia in the conditions of globalization of information space in the world is made.

Keywords: constitution, society, state, language, people of Russia, globalization, national language, official language.

В действующей редакции Конституции РФ сказано, что государство Россию образует ее «многонациональный народ», во благо которого и для процветания которого и осуществляется деятельность всего государства. Исторически сложившееся единство большого количества различных представителей национальных групп привело к тому, что под крышей единого государства сегодня объединены народы, которые имеют каждый свою традицию, язык, жизненные устои и обычаи. С одной стороны реалии современного государства диктуют необходимость единообразного применения норм права, языка и основных правил поведения на всей территории государства, но, с другой стороны, для уважения и сохранения культурных традиций необходимо давать возможность каждой из национальных культур реализовывать свое историческое начало для выражения самобытности и ценности своей истории. Именно поэтому, с одной стороны, в России жители говорят по-русски, а с другой — возможно услышать более десятков национальных языков. Именно поэтому Республикам в составе Российской Федерации дано право устанавливать «наряду с государственным языком свой национальный язык, при этом, необходимо обратить внимание на соотношение пред-

ставителей этноса в республике для выбора второго государственного языка, потому как не всегда численность этноса, язык которого предполагается установить наряду с русским языком будет преобладать над численным составом остальных этносов» [8]. В данном случае имеется в виду, что второй государственный язык в Республике должен быть действительно родным для представителей этнической группы, которая проживает на территории этой Республики.

Говоря о языке с точки зрения его правового значения нельзя не отметить и самого факта того, что язык — это уникальное явление вообще. Он представляет собой некую систему знаков, которая принимается определенным кругом лиц и становится для них общепонятным средством передачи информации. Язык очень много значит и для юриспруденции, ведь посредством него устанавливаются и доводятся до общественного сведения сами нормы права, происходит реализация правоотношений. Более того, можно утверждать, что и сам язык является объектом правоотношений и признаком конституционно-правового статуса государственного образования, а с некоторых точек зрения и одной из культурных ценностей для своего народа, достоянием всей нации.

При всем огромном значении языка, как для сферы осуществления коммуникации, так и для юриспруденции, правовая регламентация начала применяться к языку сравнительно недавно. Впервые о языках народов РСФСР заговорили в соответствующем законе от 25 октября 1991 года [4]. В настоящее время на территории Российской Федерации также реализуется закон «О государственном языке РФ» [2], где указывается, что «Языки народов Российской Федерации — национальное достояние Российского государства».

Языки народов Российской Федерации находятся под защитой государства. Государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия. В Российской Федерации недопустимы пропаганда вражды и пренебрежения к любому языку, создание противоречащих конституционно установленным принципам национальной политики препятствий, ограничений и привилегий в использовании языков, иные нарушения законодательства Российской Федерации о языках народов Российской Федерации». Однако, несмотря на данные позитивные заявления, на практике имеют место быть проблемные ситуации и спорные вопросы реализации языковой культуры для народов, населяющих территорию Российской Федерации. В связи с этим особую роль приобретает факт исследования языка с ракурса восприятия его как одного из конституционных признаков государства, потому как в России даже принят специальный закон — о статусе государственного языка, который «направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры».

В условиях сегодняшней быстро трансформирующейся общественной потребности в обмене информацией язык приобретает все большую значимость. Постоянно растет словарный запас, появляются новые речевые обороты. В политике важным является каждое слово. Язык сегодня — это важный инструмент для социальной, политической, экономической и многих других сфер осуществления жизнедеятельности. Одновременно с развитием общественных отношений возрастает и самосознание людей, которые сегодня начинают более внимательно вновь относиться к своей национальной принадлежности. Если в социалистические времена государственная политика была направлена на максимальное стирание границ национальной и этнической принадлежности и люди причисляли себя к одному единому целому механизму осуществления государственного функционирования, то сегодня их умы вновь начинают занимать вопросы национальной принадлежности. В связи с этим возникает возрождение этнической самобытности народов, стремление возродить исторические ценности как культурной, так и языковой сферы. В сложившихся условиях для государства очень важным является

соблюдение языкового баланса и недопущения вспышек на основании межэтнических конфликтов и одновременное стремление консолидировать и улучшить дружбу народов внутри страны.

С другой стороны, сегодня мировое культурное сообщество начинает осознать, что глобализация приводит к уравниванию всех национальностей мира, которые начинают жить единым информационным пространством и теряют самобытность, что приводит к исчезновению отдельных языковых культур или даже всего языкового этноса. Одновременно, стараясь поддерживать единообразие государственного языка, правительство не должно забывать о том, что для сохранения культурного наследия важно также поддерживать и культивировать сохранение и передачу из поколения в поколение языковых навыков, характерных для народов, населяющих Россию. В связи с этим право на пользование родным языком закреплено в самой Конституции РФ, а также право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26). На конституционном уровне установлен статус русского языка как государственного языка Российской Федерации (ч. 1 ст. 68) и право республик устанавливать свои государственные языки (ч. 2 ст. 68).

Однако отсутствие единого системного подхода к решению данной проблемы приводит к тому, что с каждым годом «количество лиц, владеющих языками народов России неукоснительно снижается. Перепись населения, проведенная в 2002 и 2010 годах, также выявила данную проблему. Например, если бурятским языком по состоянию на 2002 г. владели 353 113 человек, то в 2010 году эта цифра сократилась до 218 557. Аналогичная ситуация наблюдается с чувашским языком (в 2002 году им владели 1 253 098 человек, а в 2010 году — 987 483 человека) и многими другими языками народов России, в том числе с языками коренных малочисленных народов, которым предоставлены особые гарантии в сфере сохранения родного языка» [9].

Несомненно, что уникальность Российской Федерации на политической арене — ее федеративность — имеет и ряд трудностей, связанных с осуществлением управления государством. Так, например, существенному сложному осуществлению государственного правления подвергаются реализация конституционного права народов на сохранение родного языка в отдельных субъектах Российской Федерации. Поэтому на федеральном уровне был утвержден специальный на то правовой акт, призванный упрочить положения и добиться процветания и уважения к языкам народов страны — это Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [5].

Вместе с тем язык выступает не только политическим инструментом, способным проверять соответствие поступков словам, но и средством реализации законных прав граждан. Именно данный факт обуславливает первостепенность языка для реализации прав и свобод человека и гражданина. Одновременно с этим представители

народов, которые имеют общие культурно-исторические корни, и которые, обычно живут вместе на определенной территории производят общение на одном диалекте, который также может быть закреплен в качестве государственного языка.

Таким образом, мы смогли отметить, что проблема языкового единообразия, и одновременно с этим необходимость создания благоприятных условий для развития и упрочнения положения родного языка определенного этноса имеют очень тонкую грань, которой нужно придерживаться, дабы не допустить разногласий на почве выяснения языкового превосходства. Перед законодателем одновременно ставится вопрос о том, каким образом урегулировать вопросы по сохранению родного языка народами России, создании благоприятных условий для его изучения и развития, и одновременно с тем, утверждение единого государственного языка на всей территории страны.

Одним из предложенных законопроектов, направленных на сохранение языков народов страны было законодательное утверждение количественного измерения приверженцев этнических групп для выяснения необходимости и целесообразности установления вида второго национального языка, ведь второй язык должен использоваться большинством населения субъекта. В то же время высказываются мнения о том, что государственный язык должен устанавливаться в принципе, один, на всю территорию страны, а подобные установления второго государственного языка плохо скажутся на едином правовом пространстве страны и спровоцируют десантирование субъектов от федерации. Конечно же, здравый смысл в данном суждении есть, и мы с ним согласны, а потому мы предлагаем не утверждать второй государственный язык в субъектах, а указать на право, а, возможно даже обязанность знания национального языка и преподавание его в качестве обязательного в учебных заведениях и признать язык не государственным, а официальным. Разница в терминах «государственный язык» и «официальный язык» такова, что второй не участвует в осуществлении государством образующей функции определенного этноса, которая выполняет интеграционную миссию по объединению всех народов государства в единое целое, вследствие чего становится символом этого государства. Официальный же язык необходим для реализации культурных задач этноса, например, проведения организационных и культурных мероприятий, праздников и торжеств.

В целях обеспечения сохранения культурных традиций и воспроизведения «живого» родного языка для различных

этнических групп на территории России были приняты соответствующие правовые акты. Например, большое значение для обеспечения возможности получения образования на национальном языке имеет ФЗ «О национальной культурной автономии» [3], где сказано, что национальная культурная автономия — «это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов».

Отметим еще одну новеллу российского законодательства — правовое регулирование графической языковой основы, то есть алфавита. Например, в Республике Татарстан некоторое время назад был принят закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» [7], однако в ФЗ «О языках народов РФ» указывается, что «в Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами», поэтому на основании решения Верховного Суда Республики Татарстан Закон Республики Татарстан от 15 сентября 1999 года N 2352 «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» был признан противоречащим федеральному законодательству и не действующим со дня вступления решения суда в законную силу [6].

В целом, рассмотренные проблемные моменты при реализации права на сохранение родного языка народами Российской Федерации позволяют сделать заключение о том, что, несмотря на всю трудность по сохранению баланса между государственным и национальным языком, законодатель смог на сегодняшний день данный баланс найти и поддерживать. Конечно же, еще есть над чем поразмыслить и оптимизировать в данной сфере, и законодатель активно идет навстречу всем народам в содействии сохранения их культурной языковой принадлежности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // в Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.06.2005, N 23, ст. 2199.

3. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г., N 25, ст. 2965
4. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 12.12.1991, N 50, ст. 1740.
5. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. N 52 ст. 7477
6. Решение Верховного суда Республики Татарстан от 28.12.2004 N 3п-1-32/2004О признании противоречащим федеральному законодательству и недействующим Закона Республики Татарстан от 15.09.1999 N 2352 «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» // решения и постановления судов. Официальный сайт <https://resheniya-sudov.ru> режим доступа свободный
7. Закон Республики Татарстан от 15 сентября 1999 г. N 2352 «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» // Газета «Республика Татарстан» N218, от 29.10.99 г
8. Васильева Л. Н. Комментарий к Закону РФ «О языках народов РФ». Постатейный. — М.: Юстицинформ, 2007. С. 19.
9. Севоян, Д. Г. Конституционное право народов России на сохранение родного языка. Учебное пособие / Под ред. проф. А. П. Сунцова — Тюмень: Тюменская областная Дума, 2013. — 180 с.

Классификация факторов, влияющих на проведение процедуры изъятия земельных участков

Чистякова Елена Николаевна, студент

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Российская Федерация занимает лидирующее место в мире по территории. Такой площадью необходимо рационально управлять. В Российской Федерации (далее РФ) признаются несколько форм собственности на землю, которые защищаются равным образом. У частной собственности особый статус, который оговорен в Конституции РФ. Согласно данному закону никто не может быть лишен своего имущества [1]. Однако существует такое понятие как изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Практическая потребность в таких мерах постоянно возрастает в первую очередь из-за необходимости в короткие сроки развивать инженерную, транспортную, социальную инфраструктуру страны. Но не стоит забывать, что данная процедура является законной только при соблюдении правильности ее проведения.

В настоящее время широко и подробно изучена тема права собственности, но теоретические и прикладные аспекты, связанные с процедурой изъятия земельных участков в пользу общества и государства, а также факторы, влияющие на принятие решения об изъятии земельного участка из частной собственности, затронуты поверхностно.

Изъятие земельного участка — это прекращение в установленном порядке права собственности, пользования, владения или аренды, так как «земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах» [2].

В связи с этим неизбежно возникают проблемы с проведением изъятия земельных участков для государственных нужд, что препятствует социальному и экономическому развитию страны. Зачастую проблемы в данной области решаются посредством накопления практического опыта. Для упрощения проведения изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд предложена классификация факторов, которые влекут за собой запрет или ограничение проведения процедуры.

В соответствии с положениями статьи 49 Земельного кодекса РФ изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд осуществляется в исключительных случаях, представленных на рис. 1 [3].

Получается, что основанием для изъятия таких объектов (перечисленных в схеме 1) является отсутствие иных вариантов возможного размещения. При этом также следует учитывать характер, функциональную направленность и размер объекта, для которого производится изъятие земельного участка, наличие свободного земельного фонда, категорию земель, из которых производится изъятие, кадастровую оценку участка, местоположение и другие обстоятельства [4].

Однако, одним из принципов земельного законодательства РФ, прописанных в статье 1 Земельного кодекса РФ, является запрет или ограничение изъятия земель для иных целей. Следовательно, для ускорения и упрощения процедуры, а также принятия положительного результата органами, уполномоченными на это действие, необходимо

знать какие земли не подлежат изъятию или ограничиваются в изменении целевого назначения. Запрет или ограничения изъятия земель накладываются на ценные земли

сельскохозяйственного назначения, земли особо охраняемых территорий, а также на земли, занятые защитными лесами (см. рис. 2).

Рис. 1. Варианты изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд

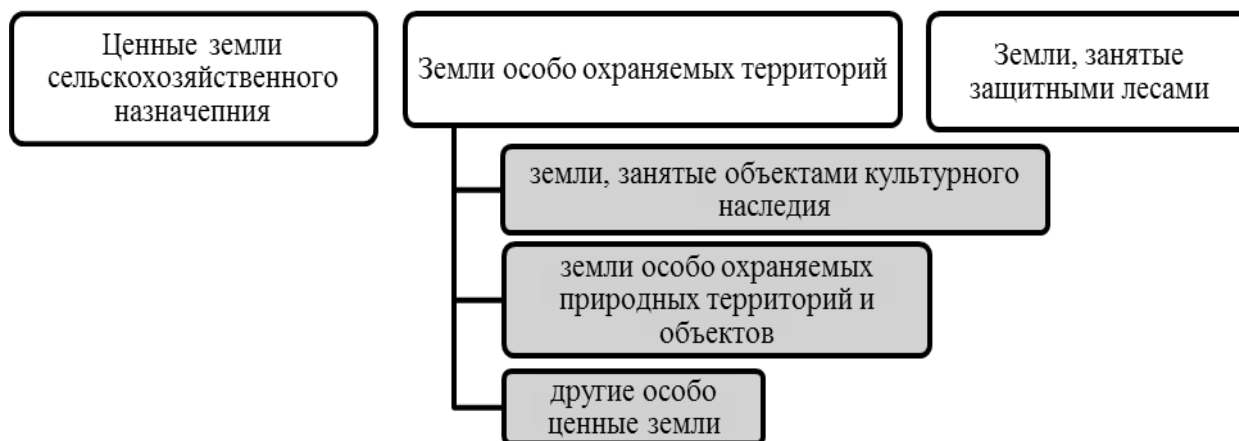

Рис. 2. Земли, на которые накладывается запрет или ограничение в изъятии

Таким образом при планировании проекта строительства какого-либо объекта необходимо затрагивать земли, на которые не накладывается запрет или ограничение в изъятии для упрощения проведения данной процедуры.

Проанализировав Земельный кодекс РФ, было выявлено следующее целевое назначение земель и сформирована таблица 1, позволяющая в короткие сроки определить возможность проведения процедуры изъятия.

В ходе рассмотрения земельного законодательства и правовых основ, регулирующих порядок изъятия земель-

ных участков, были сформулированы факторы, влекущие запрет или ограничение проведение изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Таким образом на возможность изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд влияют:

- категория земель (ценные земли сельскохозяйственного назначения, земли особо охраняемых территорий, земли, занятые защитными лесами);
- целевое назначение земель (см. табл. 1).

Таблица 1. Ограничения по проведению процедуры изъятия земель, противоречащих их целевому назначению

Земельный кодекс РФ	Статья 79 (п. 4)	Ценные земли сельскохозяйственного назначения	Использование земель для иных целей не допускается	Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья, в том числе сельскохозяйственные угодья опытно-производственных подразделений научных организаций и учебно-опытных подразделений образовательных организаций высшего образования, сельскохозяйственные угодья, кадастровая стоимость которых существенно превышает средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (городскому округу);
	Статья 95 (п. 7.1, 7.2, 7.3, 7.4)	Земли особо охраняемых природных территорий	На таких землях запрещается:	Предоставление земельных участков для ведения садоводства, огородничества, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства;
				Строительство автомобильных дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других коммуникаций в границах особо охраняемых природных территорий в случаях, установленных федеральным законом;
				Движение и стоянка механических транспортных средств, не связанные с функционированием особо охраняемых природных территорий, прогон скота вне автомобильных дорог;
				Иные виды деятельности;
Статья 96 (п. 3)	Земли лечебно-оздоровительных местностей и курортов	Земельные участки не изымаются и не выкупаются	Земельные участки в границах санитарных зон у собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев, арендаторов земельных участков;	
Статья 97 (1.3, 1.5, 4)	Земли природоохранного назначения	Земельные участки не изымаются и не выкупаются	1.3. Земли, занятые защитными лесами, предусмотренными лесным законодательством (за исключением защитных лесов, расположенных на землях лесного фонда, землях особо охраняемых природных территорий); 1.5. Иные земли, выполняющие природоохранные функции;	
Земельный кодекс РФ	Статья 99 (п. 1, 2, 3)	Земли историко-культурного назначения	Не допускается изменение целевого назначения земель; Изъятие земель для целей строительства;	Объектов культурного наследия народов РФ (памятников истории и культуры), в том числе объектов археологического наследия; Достопримечательных мест, в том числе мест бытования исторических промыслов, производств и ремесел; Военных и гражданских захоронений;

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ).
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // «Российская газета», N 172, 08.08.2018.
3. Земельный кодекс Российской Федерации «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Российская газета.
4. Семенчиков А. А. Предоставление земельных участков для строительства объектов нефтегазового комплекса, промышленности, транспорта, линий связи и электропередачи. (Практическое пособие для разработки землеустроительной и кадастровой документации). В 2-х томах. Т. 1. 5-е изд., переработ. и доп. — М.: Юни-пресс, 2015. — 636 с.

Направления оптимизации законодательства для увеличения эффективности привлечения к юридической ответственности за нецелевое использование бюджетных средств

Яббарова Рашида Ильдановна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Directions of optimization of the legislation for increase in efficiency of attraction to legal responsibility for inappropriate use of budgetary funds

Yabbarova Rashida Ildanovna

В данной статье исследованию подвергнуто понятие «нецелевое использование бюджетных средств», определены виды нецелевого использования бюджетных средств, приведены некоторые примеры правоприменительной практики, а также дана характеристика юридической ответственности за нецелевое использование бюджетных средств и выявлены недостатки, которые мешают единообразному пониманию данного понятия.

Ключевые слова: бюджет, бюджетная система, нецелевое использование бюджетных средств, юридическая ответственность, финансы, общественные финансы.

In this article the concept "inappropriate use of budgetary funds" is subjected to a research, types of inappropriate use of budgetary funds, reduction some examples of law-enforcement practice are defined and also characteristic of legal responsibility for inappropriate use of budgetary funds is given and shortcomings which interfere with uniform understanding of this concept are revealed.

Keywords: budget, budgetary system, inappropriate use of budgetary funds, legal responsibility, finance, public finance.

Статус Российской Федерации выделяется следующими признаками: правовое, демократическое государство, которое стремится к развитию гражданского общества. Прежде всего, в правовой доктрине отмечается, что данное государство предусматривает наиболее эффективную форму правления и конституционный строй. В связи с этим основным признаком выступает конституционализм, как основной регулятор всего объема правовых отношений, закрепляющий положение и статус государства в виде конституционного строя. Именно поэтому, общество, которое населяет соответствующего государство должно обладать определенными признаками — конституционно-ориентированным (то есть, знающим своим права) и с определенными социальными ценностями, которые характеризуют современное правовое общество.

В силу этого, для организации и надлежащего функционирования государства необходимо определенное финансирование, в связи с чем в Российской Федерации присутствует иерархично выстроенная и отлаженная финансовая система, в которую входят соответствующие образующие ее элементы. В первую очередь, к нему относится: бюджет, бюджетная система, внебюджетные фонды РФ и налоговая система. В связи с этим, граждане, выступающие в качестве налогоплательщиков, должны знать, на какие цели и как реализуются средства бюджетов бюджетной системы РФ.

Для эффективной реализации и достижения основных целей и задач государству необходимы определенные фи-

нансовые средства, которые оно получает посредством функционирования бюджетной системы. Значимость решения соответствующих целей и задач заключается в том, что они способствуют развитию благоприятных для общества условий жизнедеятельности, увеличению качества и уровня жизни и так далее. В связи с этим, правонарушения, посягающие на финансовые интересы государства, в частности, в области бюджетных средств, причиняют значительный ущерб определенным сферам жизнедеятельности общества. Следовательно, государству необходимо установить действенные меры, создающие гарантии для обеспечения надлежащего расходования финансовых средств, направленных на развитие общественной жизни. В силу этого осуществляется финансово-бюджетный контроль.

Данная система правового регулирования в области использования бюджетных средств необходима для обеспечения эффективной и прозрачной системы управления государственными финансами, целевого расходования бюджетных средств и средств внебюджетных государственных фондов и соблюдение законодательства, регулирующего соответствующие финансово-правовые отношения.

По этому поводу глава Российской Федерации В. В. Путин в послании Федеральному собранию отмечал, что к настоящему времени в России созданы все необходимые предпосылки для перехода на качественно более высокий, отвечающий общепризнанным принципам и международным стандартам, уровень управления общественными

финансами. В этих условиях многократно возрастает ответственность за выбор наиболее эффективных способов осуществления государственных расходов, учет не только краткосрочных, но и долгосрочных последствий принимаемых сегодня решений» [5].

Следует отметить, что на настоящий момент, в период сложной экономической ситуации для страны, в Российской Федерации довольно активно осуществляются различные государственные программы, предусматривающие реализацию определенных проектов по развитию соответствующей сферы общественной жизни — социальное обеспечение, здравоохранение, образование, малого и среднего бизнеса и так далее. Президент РФ для достижения поставленных целей, наказал Правительству РФ, властям субъектов РФ и муниципальных образований решить соответствующие задачи, которые выражаются в концентрации всех бюджетных средств определенных уровней для эффективной реализации средств указанных финансовых единиц в конкретных областях общественной жизни.

В основных сферах общественной жизни, которое должно регулировать и обеспечивать соответствующими средствами государство, требуется с объективной точки зрения привлечение дополнительных средств, чтобы достичь максимальных результатов по повышению качества услуг в образовании, здравоохранении, сельском хозяйстве и так далее. В силу этого наблюдается ужесточение финансово-бюджетного контроля за целевым использованием бюджетных средств, что, в принципе, естественно. Таким образом, при реализации определенных проектов, для достижения целей соответствующих государственных программ, особо большое значение приобретают вопросы законности, следовательно, и статус органов финансового контроля обостряют свою значимость.

Актуальность вопроса заключается в том, что нецелевое использование бюджетных средств выступает в качестве распространенного правонарушения среди правонарушений, предусмотренных бюджетным законодательством Российской Федерации. Известно, что за данное правонарушение предусмотрены несколько видов ответственности: бюджетно-правовой, уголовная и административная (ст. 306.4 Бюджетного кодекса РФ [2]; ст. 285.1 Уголовного кодекса РФ [4]; ст. 15.14 КоАП РФ [3]).

Помимо всего прочего в связи с сегодняшней обстановкой в стране, когда на практике данное правонарушение получает большое распространение, в частности, только за последние два года объем нарушений при использовании бюджетных средств вырос до триллиона рублей. Таким образом, уже сегодня не редки случаи явной коррупции, а также действительного нецелевого использования бюджетных средств, в частности, на реализацию так называемых «мертвых» государственных программ, проектов, а также некоторых законов. Иными словами, чиновники и а также лица, осуществляющие государственную деятельность, предоставляют соответствующие программы, якобы для реализации каких-либо программ, законов и так да-

лее, указывая соответствующие суммы, но при этом лишь часть из них используются, либо вовсе, по каким-либо причинам они не реализуются. Так, на настоящий момент в СМИ разгорелся скандал по поводу чиновницы Владимирской области Ольги Беляевой, которая утверждала, что «В соответствии с законом об образовании организация питания детей — исключительно ответственность родителей...». Данное положение опровергло Министерство просвещения. Причем, на питание детей во Владимирскую область выделялось более 150 млн рублей в виде субсидий, но при этом они не реализовывались на самом деле. Омбудсмен, проведя некоторое следствие по данному факту, отметил, что были случаи голодных обмороков. В силу этого, эту чиновницу необходимо привлечь по соответствующему факту правонарушения, в частности, это подходит под уголовную или административную ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств. И таких случаев множество, которые можно выделить.

С теоретической точки зрения, исследование темы нецелевого расходования бюджетных средств актуально в силу своей специфики по составу правонарушения. Как уже отмечалось, данное правонарушение имеет системный характер, в частности, выделяется три вида юридической ответственности. Но при этом, как отмечается в некоторых правовых исследованиях, затруднительно применить тот или иной состав к соответствующему составу. Таким образом, для изучения всех проблем по обнаружению состава, выделению его признаков для соответствующей отрасли правового регулирования является актуальным на настоящий момент. В частности, проблема разграничения ответственности является практически неизученной, поскольку можно выделить только несколько источников, но при этом на законодательном уровне имеют некоторые проблемы по данному поводу.

Так, больший интерес вызывает состав административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств. Состав данного правонарушения мало разработан и практики по применению данной статьи (15.14 КоАП РФ) почти нет. Следует отметить, что в теории административного права также придают мало значения по данной теме. С точки зрения административной ответственности, как известно, она административное законодательство применяет по вертикали, а значит и с данной точки зрения интересно, как будет применяться данный принцип по отношению к лицам или органам, осуществляющим властные полномочия.

Такая финансово-правовая категория как «бюджетные средства» законодательного закрепления не предусматривается в системе нормативно-правовых актов РФ. В силу этого, установленные и действующие правила, по которым осуществляется применение соответствующих норм для определения меры ответственности за анализируемое правонарушение, являются несоответствующими, поскольку вызывают множество разногласий и неточностей. Это касается и установления мер, возникающих

при квалификации правонарушения в соответствии с административным законодательством, то есть возникновением административной ответственности. Для решения проблем правовой квалификации правонарушений, предусматривающих ответственность за нецелевое расходование-использование бюджетных средств, следует детально рассмотреть вопрос об определении таких категорий как «бюджетные средства» и «нецелевое использование бюджетных средств». Эта необходимость возникает для того, чтобы органы финансово-бюджетного контроля осуществляли свои функции наиболее эффективно, зная разграничения и меры квалификации данного рода правонарушений.

Именно возникшая необходимость в закреплении полностью сконструированной к современным реалиям и проблемам категориальной основы обуславливает актуальность темы диссертационного исследования. Данное положение, устранит проблемы и несоответствия при осуществлении правоприменительной практики при возникновении правонарушения, связанного с нецелевым использованием бюджетных средств.

Также, в связи с состоявшимся финансово-экономическим положением в Российской Федерации правоприменительная практика норм КоАП РФ требует детального исследования. Прежде всего, это связано с разнородностью осуществления правонарушений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств. Кроме того, данная проблема еще обуславливается и тем, что законодателю стоит уделить большее внимание урегулированию возникших в силу практики применения проблем.

При решении поставленных задач для достижения поставленной цели надлежащего урегулирования вопросов, связанных с административной ответственностью за нецелевое расходование бюджетных средств, необходимо рассмотреть практику применения, что также выступает немаловажным аспектом исследования темы диссертации. Прежде всего, для устранения возникших проблем и устранения проблема правовой регламентации ответственности на стадии исполнения наказания за совершение административного правонарушения, установленного ч. 1 ст. 15.14 КоАП РФ, необходима детальная правовая доработка законодательства на федеральном уровне. В частности, она должна охватывать:

- Штраф, как основную санкцию за совершенное правонарушение. В частности, урегулирование вопросов, связанных с назначением его размера, способа взыскания и т. д.
- Порядок «добровольного» возмещения ущерба, причиненного правонарушителем.

Следует отметить, что для наиболее эффективной реализации государственного контроля, в частности, в области бюджетно-финансовых правоотношений и правового регулирования данного вопроса, соответственно, сопутствует принятие Федерального Закона «О порядке осуществления государственного контроля за оборот бюджетных и иных финансовых средств РФ». В силу этого, для продуктивной

работы данного закона, необходимо также урегулировать определенные полномочия региональных и территориальных подведомственных органов, которые будут осуществлять контрольные функции соответственно уровням бюджетов бюджетной системе РФ, то есть, федеральный бюджет и государственные внебюджетные фонды РФ — государственный финансовый контрольный орган; региональный бюджет — государственный финансовый контрольный орган по субъектам РФ; местный бюджет — муниципальный финансовый орган. Кроме того, с принятием данного закона последуют и иные благоприятные последствия, в частности, будут надлежащим образом урегулированы вопросы использования государственной и муниципальной собственности, а также указанный закон был бы одним из инструментов в развитии экономики страны, а также укреплению позиций бюджетной системы РФ, что способствовало эффективной и надлежащей реализации финансовых средств бюджета. Это выражалось бы, в частности:

- Урегулировании вопросов в целевом использовании бюджетных средств, а соответственно и сокращению правонарушений, связанных с данным видом финансово-правовых отношений;
- Позволило бы сократить значительную часть налоговых и бюджетных правонарушений в общей массе;
- Способствовало бы квалификации экономических преступлений и их частичной ликвидации;
- Сопутствовало бы сокращению отечественного капитала за рубеж.

Основополагающий принцип правового регулирования, который присущ праву в общем, выступает системность. В анализируемом случае он приобретает особое значение, в частности, в области правовой регламентации обеспечения законности использования бюджетных средств, а также их нецелевого использования, заложенный законодателем как нарушение ст. 289 БК РФ. По указанной правовой норме бюджетного законодательства юридическая ответственность за соответствующее правонарушение имеет комплексный признак. В силу этого ответственность за нецелевое использование бюджетных средств предусматривает три вида ответственности: бюджетно-правовую, административно-правовую, уголовно-правовую. Следует отметить, что квалификация по признакам состава правонарушения имеет особое значение для установления соответствующей юридической ответственности, прежде всего, необходимо установить цель и степень общественной опасности правонарушения, связанного с нецелевым расходованием бюджетных средств. Но, при всем этом, основополагающее место среди системы правовых средств, которые обеспечивают законность в соответствующих бюджетно-правовых отношениях, принадлежит именно бюджетному законодательству. Это связано с тем, что оно выступает в качестве фундаментального раздела финансового законодательства в общем, который устанавливает основания использования бюджетных средств, как одной из основных финансовых единиц, а также соответствующие кри-

терии законности данного использования. Таким образом, системность как принцип правового регулирования в отраслевых правовых науках исследован недостаточно, несмотря на очевидные потребности практики, обусловленные активным развитием комплексного, межотраслевого правового регулирования.

Таким образом, для повышения эффективности привлечения к юридической ответственности за нецелевое использование бюджетных средств необходимо:

1. Обусловить решение проблемы принципа системности при установлении ответственности за правонарушение, связанное с нецелевым использованием бюджетных средств;
2. Всестороннее исследовать признаки состава данного правонарушения: объективных и субъективных признаков,

в соответствии с бюджетным, административным иным законодательством РФ;

3. Выявить отдельные проблемы правоприменительной деятельности в области определения административной ответственности за анализируемое правонарушение;

4. Определить отдельные особенности осуществления юридического состава правонарушения, связанного с возникновением административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств (ст. 14.15 КоАП РФ);

5. Разработать практические рекомендации по внесению изменений и дополнений в бюджетной и иное смежное законодательство в части совершенствования системы юридической ответственности за нецелевое использование бюджетных средств.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N 31, ст. 3823.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // «Российская газета», N 256, 31.12.2001.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
5. Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о бюджетной политике в 2008–2010 гг. от 9 марта 2007 г. // Финансовый вестник. Финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2007. № 7.

Некоторые вопросы реализации права на жилище в современной России

Якушевский Константин Евгеньевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье затрагиваются некоторые вопросы реализации права на жилище в современной России, а также приводится сегодняшнее положение дел по вопросу обеспечения и реализации права граждан на жилище, в том числе, путем анализа существующих государственных программ. Право гражданина охраняется законом, и поэтому, запрещены действия, направленные на воспрепятствование реализации права на жилище гражданами России. Одновременно с тем, при реализации гарантированного Конституцией РФ права гражданина на жилище часто встречаются с проблемами при реализации данного права, что порождает необходимость обращения на данный вопрос пристального внимания.

Ключевые слова: государство, право, жилище, конституционно-правовой статус гражданина, местное самоуправление, органы власти, исполнительные органы власти, реализация права на жилище, федеральные целевые программы.

Some questions of realization of the right to housing in modern Russia

Yakushevsky Konstantin Evgenyevich

In article some questions of realization of the right to housing in modern Russia are raised and also the current situation of affairs on a question of providing and realization of the right of citizens to the dwelling, including, by the analysis of

the existing state programs is given. The right of the citizen is protected by the law and therefore, the actions directed to hindrance of realization of the right to housing by citizens of Russia are forbidden. Along with that, at realization of the right of the citizen for the dwelling guaranteed by the Constitution of the Russian Federation often meet problems at realization of this right that generates need of the address on the matter of close attention.

Keywords: state, right, dwelling, constitutional legal status of the citizen, local government, authorities, executive authorities, realization of the right to housing, federal target programs.

Право на жилище входит в состав основополагающих прав человека и гражданина, и, одновременно с тем, образует статус гражданина РФ. В статье 40 Конституции РФ [1] указывается, что «Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами». Из вышеуказанного следует, что государство имеет прямую обязанность обеспечить своих граждан жильем. Реализация данной обязанности может происходить через муниципальные, региональные или федеральные органы исполнительной власти, которые должны обеспечить жильем, прежде всего малообеспеченных граждан. Кроме того, муниципальные исполнительные органы государственной власти должны содействовать расширению государственного, а также муниципального жилищных фондов, гарантировать и создавать стабильные устойчивые условия для реализации права пользования и получения жилища. Право гражданина охраняется законом, и потому, запрещены действия, направленные на воспрепятствование реализации права на жилище гражданами России. В свою очередь государство имеет прямой интерес в том, чтобы гарантировать реализацию права на жилище своим гражданам. Однако, в то же время, при реализации гарантированного Конституцией РФ права гражданина на жилище довольно часто встречаются с разнородными проблемами при реализации данного права, что порождает необходимость обращения на данный вопрос пристального внимания.

Проведенный анализ содержания различных правовых актов позволил прийти к выводу о том, что право на жилище распространяется на широкий круг субъектов — не только граждан России, но и лиц, не имеющих российского гражданства, но которые находятся на территории Российской Федерации на законных основаниях. В связи с этим представляется не совсем корректным изложенное в статье 1 Жилищного Кодекса РФ [2] положение о том, что правом на жилище обладают только граждане. Более того, в пункте 4 статьи 1 ЖК РФ говорится: «Граждане, законно находящиеся на территории Российской Федерации, имеют право свободного выбора жилых помещений для проживания в качестве собственников, нанимателей или на иных основаниях, предусмотренных законодательством». Мы счи-

таем, что в данной трактовке по логическому смыслу должно быть употреблено слово «лица», нежели «граждане», поскольку граждане пребывают на территории Российской Федерации априори на законных основаниях, а вот лица — то есть иностранные граждане, а также лица без гражданства — могут находиться как легально, так и не легально на территории РФ. В связи с большим количеством подобного рода смысловых подмен в статье Жилищного кодекса РФ мы считаем целесообразным для законодателя более внимательно пересмотреть содержание и смысловую логическую нагрузку норм и правильно распределить указания на жилищные права как граждан, так и иных лиц.

Недостаточно четкое изложение реализации права на жилище находит свое отражение и в иных правовых актах. Например, из содержания статьи 288 ГК РФ следует, что «Собственник осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему жилым помещением в соответствии с его назначением. Жилые помещения предназначены для проживания граждан. Гражданин — собственник жилого помещения может использовать его для личного проживания и проживания членов его семьи. Жилые помещения могут сдаваться их собственниками для проживания на основании договора. Размещение в жилых домах промышленных производств не допускается. Размещение собственником в принадлежащем ему жилом помещении предприятий, учреждений, организаций допускается только после перевода такого помещения в нежилое. Перевод помещений из жилых в нежилые производится в порядке, определяемом жилищным законодательством». Из содержания данной нормы наглядно видно, что под собственником помещения подразумевается опять же, только лишь гражданин, при том, что, как мы выше уже указывали, из норм Конституции РФ следует, что правом на жилище обладает не только гражданин, но и любое лицо, законно пребывающее на территории России.

Далее, хотелось бы заострить внимание на правах детей на жилище в случаях при разводе родителей. Развивая данную норму необходимо сперва обратиться ко второму разделу ЖК РФ, где, за исключением статьи 30 указывается, что «Право собственности и другие вещные права на жилые помещения» имеются не у всех собственников, а только граждан, которые в силу закона могут обладать любыми видами жилищных прав, из чего следует, что жилое помещение, которым владеет гражданин, может быть использовано для личного проживания его самого, а также для проживания его семьи. В соответствии с положением части 1 статьи 31 ЖК РФ «к членам семьи

собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи». Кроме этого, «собственник жилого помещения вправе предоставить во владение и (или) в пользование принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение гражданину на основании договора найма, договора безвозмездного пользования или на ином законном основании, а также юридическому лицу на основании договора аренды или на ином законном основании с учетом требований, установленных» (ч.2 ст. 30 ЖК РФ). Далее, в пунктах 4–6 статьи 31 ЖК РФ раскрываются правовые последствия прекращения семейных отношений и следующей вслед за ней утраты права пользования жилым помещением собственника, который был супругом, если иное не будет установлено брачным договором. При этом в данных частях статьи 31 ЖК РФ указывается, что на основании решения суда бывший супруг, при отсутствии у него другого жилого помещения, либо же при отсутствии снимать другое жилое помещение может некоторое время пожить в жилом помещении собственника — бывшего супруга. Более того, «суд вправе обязать собственника жилого помещения обеспечить иным жилым помещением бывшего супруга и других членов его семьи, в пользу которых собственник исполняет алиментные обязательства, по их требованию». В данном случае не совсем понятно, как проводить параллель между понятиями «бывшего супруга и других членов его семьи» а также детей, если таковые были рождены в браке. Если супруг получает статус «бывший», то ребенок такого статуса не получает, и, соответственно, не должен утрачивать права проживания в данном жилом помещении. Однако судебная практика говорит об обратном. Так, если ребенок имеет прописку в другом жилом помещении и/или имеет долю части иного жилого помещения, то, как правило, он подлежит выселению вместе с бывшим супругом. При этом, необходимо отметить, что в жизненных реалиях возникают такие ситуации, когда ребенок имеет лишь формальную прописку, или же имеет долю в жилом помещении, но, в силу своего возраста не может воспользоваться самостоятельно своим правом на жилище и защитить свои права, и в результате возникает вопрос о месте его дальнейшего проживания. Как правило, место проживания ребенка определяется вместе с местом проживания его матери, но данный ход событий носит исключительно моральную и нравственную подоплеку, то есть, уповает на порядочность и добросовестность исполнения своих родительских обязанностей со стороны матери. В случаях же когда родители недобросовестно выполняют свои родительские обязанности, выходит, что ребенок остается, фактически, на улице. Кроме того, даже совершеннолетний ребенок, который учится

в высшем учебном заведении не всегда в состоянии обеспечить себя жильем в силу объективных обстоятельств, а именно, высоких цен на жилье. Именно поэтому, необходимо отдельно дополнить статью 31 ЖК РФ пунктами, касающимися отдельно прав на жилище детьми как несовершеннолетнего, так и совершеннолетнего возраста по аналогии с тем, как родители обязаны платить алименты своим совершеннолетним детям, которые осуществляют обучение в высших учебных заведениях на очной форме (ст. 85 СК РФ [3]), а также упрочнить положение совершеннолетних детей, которые только окончили получение высшего образования и начинают трудовую деятельность ввиду их высокой социальной и материальной уязвимости. В целом, в настоящее время смысловое причисление детей к категории бывших родственников, как то следует из содержания изложенной в данный момент редакции статьи 31 ЖК РФ нарушает права детей в целом, а также Конституцию РФ в ст. 2, ст. 18 п.3 и ст. 38 п.2.

Не ясен также вопрос о праве на жилище и иных бывших членов семьи в случае расторжения брака. Несмотря на то, что суд может обязать продлить право на проживание на территории бывшего супруга какое-то время, остается актуальным вопрос о решении проблем с поиском жилья для социально незащищенных граждан — помимо детей, это еще пожилые родственники, родственники — инвалиды или недееспособные. Аналогичный вопрос с поиском жилого помещения возникает и в отношении тех лиц, которые в силу некоторых жизненных обстоятельств не смогли найти себе жилое помещение для проживания, например, в связи с болезнью или потерей работы. Данные положения необходимо учесть и обговорить в специальных нормах ЖК РФ. В настоящее же время продление решения суда по данному вопросу, конечно же, возможно, но на основании не норм жилищного кодекса, а положений статьи 203 ГПК РФ [4], что искажает реализацию конституционного права на жилище.

Говоря о проблемах реализации права на жилище хотелось бы также затронуть и практическую сторону его реализации. Если в Конституции РСФСР 1978 года [5] закреплялось право на жилище как одно из фундаментальных прав граждан, то там же, в Конституции и гарантировалось предоставление жилища гражданам со стороны государства. Справедливо заметить, что в подобном изложении Конституции государство реализовывало право на жилище в полном объеме. Действующая же Конституция России от 1993 года, закрепляя права граждан, отнюдь уже не гарантирует предоставление жилища гражданам, а всего лишь содействует его осуществлению. Предполагается, что подобное содействие реализуется через действующие в настоящее время федеральные целевые программы типа «Жилище» или «Молодая семья», а также налоговые вычеты, предоставляемые гражданам при покупке квартиры единовременно, а также предоставление банками ипотечных кредитов для реализации возможности осуществления права на жилище, потому как нако-

пить сумму, необходимую для покупки квартиры средне-статистическому гражданину не представляется адекватно объективно возможным.

Если говорить более детально о различных программах в реализации права на жилище среди граждан, то, в соответствии с федеральным законодательством, на 2019 год активны следующие виды программ: «Ипотека-молодая семья», программа «Жилище», предоставление доступного жилья для людей, которые относятся к категориям участника боевых действий, поддержка работников бюджетных организаций, предоставление помощи для приобретения и строительства жилых объектов для сельских поселений.

Указанные программы реализуются на основании следующих законных актов: Постановление Правительства Москвы от 5 мая 2014 г. N 404 «О некоторых вопросах реализации программы «Жилье для российской семьи» в рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»» [6]; Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 N 1050 «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»»; Постановление Правительства РФ от 25.08.2015 N 889 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. N 1050»» [7]; Жилищный кодекс Российской Федерации. Однако не все положения данных нормативных актов соответствуют конституционности.

Например, Федеральная целевая программа «Жилище» в 2019 году предусмотрена для граждан, остро нуждающихся в собственном жилье. Покупка квартиры или дома — неподъемная задача для многих граждан в России. По этой причине в ситуацию вмешалось государство, выпустившее в 2010 году Постановление под номером 1050. Документ оформлен 17 декабря, а уже с 1-го января 2017 года программа «Жилище» вступила в силу. По заявлению представителей власти она рассчитана до 2020 года, а в 2018 году дополнился список лиц, получивших доступ к помощи государства.

Помощь государства предусмотрена, как правило, для молодых семей с одним или двумя родителями, а также детьми до 18 лет. Ключевые условия участия в программе «Жилище» — острая необходимость в оптимизации условий проживания и наличие гражданства РФ хотя бы у одного из родителей. В рамках данной программы реализуется подпрограмма под названием «ипотека — молодая семья».

При рассмотрении кандидатуры уделяется внимание и возрасту претендента. Один из родителей должен быть младше 35 лет. Дополнительное требование — подтверждение наличия работы и дохода. Вопросы о соблюдении конституционности возникают относительно трактовки словосочетания «молодая семья». Так, в Постановлении Правительства сказано, что «возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье на день приня-

тия органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации решения о включении молодой семьи — участницы подпрограммы в список претендентов на получение социальной выплаты в планируемом году не превышает 35 лет». Из данной формулировки не совсем ясно, что подразумевает законодатель под словосочетанием «молодая семья». Несмотря на то, что законодательно нигде не прописано, тем не менее, практика говорит о том, что молодой семьей признаются официально зарегистрированные в органах ЗАГС отношения, которые моложе трех лет. То есть, исходя из данной формулировки, молодой семьей может быть абсолютно любой брак, который действует менее трех лет. В данном случае не совсем ясно, почему же законодатель устанавливает возрастной ценз, а уж тем более, чем обусловлен возрастной ценз именно в 35 лет. Если таким образом законодатель намекает, что после 35-летнего рубежа возникает большая вероятность получения наследства от умерших родителей, то на этот счет указаны иные требования данной программы, которые исключают участие в ней при наличии достаточно количества жилой площади. Мы считаем, что установление возрастного ценза в рамках программы «молодая семья» противоречит здравому смыслу. Более того, в данном же Постановлении указывается, что «возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье на день принятия органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации решения о включении молодой семьи — участницы подпрограммы в список претендентов на получение социальной выплаты в планируемом году не превышает 35 лет». Практика реализации данной программы неоднократно показывала, что люди находятся в очереди в данной программе годами, а подобное выражение законодателя носит анти-социальный характер и осознанно направлено на умышленное сокращение количества претендентов в данную программу. Мы считаем справедливым исключить данный пункт из содержания Постановления. Обобщая все вышесказанное считаем, что необходимо переработать требования для участия в программе «Ипотека — молодая семья», поскольку существующие в настоящий момент условия участия в данной программе имеют прямые нарушения в области соблюдения гарантий реализации права человека на жилище.

В целом, проведя анализ правовых актов, регулирующих право на жилище, а также программ, направленных на содействие в реализации права на жилище среди граждан, мы сделали не очень оптимистичные выводы. Несмотря на то, что право на жилище закреплено на конституционном уровне, на практике очень мало делается реально для того, чтобы обеспечить реализацию права на жилище для граждан. Очень много пробелов в законодательстве, которые оставляют незащищенными социально уязвимые слои населения в данном вопросе. Имеющиеся программы помощи в реализации права на жилище имеют очень хитрые и жесткие требования, которые не по плечу большинству молодых семей нашего отечества. На прак-

тике воспользоваться программой может только «обеспеченный нуждающийся» как бы не парадоксально звучало это высказывание.

Таким образом, мы считаем необходимым найти более адекватный подход к обеспечению реализации права на жилище в современной России, и, как минимум, надеяться общезжитием или малосемейкой каждого своего гра-

жданина, потому как в современных условиях соотношения цен на квартиры и средних зарплат покупка квартиры объективно возможна только при условии, что ипотеку будут платить сразу три семьи — это сама молодая семья, а также семьи со стороны каждого из молодых супругов, что подтверждает печальный факт о России как о стране, где выжить можно только общиной.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 22.01.2019) // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 14.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, N 1, ст. 16.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, N 46, ст. 4532
5. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (ред. от 10.12.1992) // «Ведомости ВС РСФСР», 1978, N 15, ст. 407
6. Постановление Правительства РФ от 05.05.2014 N 404 (ред. от 10.02.2017) «О некоторых вопросах реализации программы «Жилье для российской семьи» в рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (вместе с «Основными условиями и мерами реализации программы «Жилье для российской семьи» в рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», «Критериями и требованиями отбора земельных участков, застройщиков, проектов жилищного строительства для реализации программы «Жилье для российской семьи» в рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ, 12.05.2014, N 19, ст. 2438.
7. Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 N 1050 (ред. от 30.01.2019) «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 31.01.2011, N 5, ст. 739.

ИСТОРИЯ

Роль наставников в процессе домашнего воспитания и обучения дворян в XVIII веке

Нефедова Юлия Сергеевна, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается роль наставников в обучении и воспитании молодых дворян в XVIII веке. У дворянских детей на протяжении жизни было много наставников, которые сменялись по мере их взросления. Это были кормилицы, няни, бонны, гувернантки и гувернеры, а также учителя. Каждый из них выполнял свои функции и внес весомый вклад в образование и нравственное воспитание молодых дворян.

Ключевые слова: дворянские наставники, роль наставников, гувернеры, дворянское воспитание, дворянское обучение.

Во многих дворянских семьях XVIII века родители, как правило, не занимались непосредственным домашним воспитанием и образованием молодых дворян, преимущественно они лишь старались тщательно его контролировать. Единственное, чем должны были заниматься родители, чаще всего мать — это обучать детей принципам православной веры [8, с.37]. Упоминание об этом можно найти в воспоминаниях оставленных дворянами о своем детстве, например, Дмитриев М. А. описывает, как его мать каждое утро читала молитвы в его комнате вместе с ним [3, с.38].

Помимо матери формированием и развитием религиозных норм у молодого дворянина занимался специально нанятый для этого сельский священник или дьяк. Под его руководством дети знакомились с Законом Божьим, а также с основами грамотности по Часослову и Псалтыри [8, с.24–25].

По мере взросления дворянских детей менялись и их наставники, которые имели большое значение для домашнего воспитания и образования молодых дворян [5, с.251].

Самым первым домашним воспитателем являлась кормилица, она занималась ребенком весь первый год его жизни. На эту должность могли брать и представительниц бедных сословий, так как основной их заботой являлось лишь биологическое развитие ребенка.

Так как беззаботное детство у дворянских детей заканчивалось рано — обычно в четырехлетнем, либо пятилетнем возрасте, то с этого момента для их нравственного воспитания нанимали няню. Именно она занималась процессом воспитания, мать обычно всего лишь контролировала его. В настоящее время существует несколько мнений о том, в чем состояла основная роль няни: первое — это лишь поддержание здоровья ребенка, его купание, кормление, второе мнение — роль няни заключалась так же и в духовном воспитании ребенка [6, с.189].

Зачастую дворянские дети сближались с няней гораздо ближе, чем с собственной матерью. Своими радостями и переживаниями дети делились именно с няней, в связи с этим их эмоциональная связь была гораздо сильнее, чем с собственными родителями [7, С.21].

В шесть-семь лет происходило расширение программы домашнего воспитания и образования молодых дворян. В это время в систему воспитания и обучения включают общеобразовательные предметы. В связи с этим происходит и расширение количества наставников [2, с.58–60].

В этом возрасте к дворянским детям приставляют бонну, которая обязательно имела иностранное происхождение, в основном из Германии либо Франции. Ее точная роль в воспитании и обучении молодых дворян до конца не известна, существуют мнения некоторых исследователей, что ее обязанностью являлось обучение детей иностранным языкам [6, с.211].

В шесть-семь лет девочки начинают заниматься с гувернантками, а мальчики с гувернерами. Зачастую это были люди иностранного происхождения — в основном из Франции, Швейцарии, Германии либо Англии. В зажиточные дворянские семьи приглашали одновременно несколько гувернеров, которые имели разную национальность [1, с.19].

В обязанности гувернанток и гувернеров входило как умственное, так и нравственное воспитание молодых дворян. Они занимались с детьми изучением различных предметов — танцев, музыки, этикета, иностранных языков. Занимаясь нравственным развитием дворянских детей, они учили их правильному поведению, которое соответствовало бы их высокому происхождению и статусу в обществе. В соответствии с этим гувернеры приучали детей к соблюдению дисциплины, послушанию и уважению родителей, достойному и учтивому поведению не только в светском обществе, но и с низшими сословиями. Помимо выполне-

ния своих обязанностей, губернеры помогали детям с выполнением уроков, чтением книг, а также следили за здоровьем и внешним видом молодых дворян [10].

По сути, для многих дворянских детей гувернантки и губернеры заменяли родителей. Во многих воспоминаниях дворян о своем детстве можно найти уважительные и теплые слова в адрес губернеров, например, в мемуарах Вигеля Ф. Ф.: «Шевалье де-Роллен-де-Бельвиль... не слишком молодой, умный и весьма осторожный, сей повеса старался со всеми быть любезен и умел всем нравиться... Обхождение его со мною с самой первой минуты меня пленило... Он начал давать мне дружеские советы... я чувствовал себя совсем на свободе... Мало-помалу приучил он меня видеть во Франции прекраснейшую из земель, вечно озаренную блеском солнца и ума, а в ее жителях избранный народ, над всеми другими поставленный... Он познакомил меня с именами Расина, Мольера и Буало, о которых я, к стыду моему, дотоле не слыхивал, и возбудил во мне желание их прочесть...» [9, с.131].

Так как в процессе домашнего воспитания и обучения молодые дворяне должны были освоить множество разнообразных предметов, то в дворянский дом нанимали учителей, которые обучали дворянских детей отдельным специ-

альным дисциплинам [6, с.251]. Учителя так же занимали важное место в воспитании и обучении дворян, их обязательно было несколько. Одни занимались с детьми техническими предметами, такими как математика, механика, фортификация, артиллерия. Такие предметы были нацелены на развитие практических навыков у молодых дворян, что было необходимо для их будущей жизни в дворянском обществе [8, с.34].

Другие учителя занимались с детьми словесными предметами, такими как русский язык, орфография, зарубежная и русская литература. В обязанности других учителей входило физическое воспитание молодых дворян [6, с.252]. Эти учителя занимались с детьми гимнастикой, фехтованием, верховой ездой, плаванием, танцами, все это было необходимо для развития ловкости и выносливости, которыми должен был обладать каждый достойный дворянин [4, с.59].

Таким образом, по мере взросления дворянских детей менялись и их наставники. Роль каждого из них в процессе домашнего воспитания и обучения молодых дворян в XVIII веке очень велика, по сути, они заменяли для дворянских детей родителей и занимались не только их биологическим развитием, но и морально-нравственным воспитанием и обучением молодых дворян.

Литература:

1. Барашев М. А. Воспитание и образование русского дворянства второй половины XVIII — начала XIX веков. Очерки / М. А. Барашев. — Владимир: ВлГУ, 2005. — 56 с.
2. Барашев, М. А. Домашние учителя в русской дворянской усадьбе второй половины XVIII — начала XIX веков / М. А. Барашев // Проблемы России: история и современность: сб. науч. ст. — Владимир: Ред. издат. комплекс ВлГУ, 2003. — С. 58–60.
3. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / М. А. Дмитриев; подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой. — М.: Новое литературное обозрение, 1998. — 752 с.
4. Каменев А. И. Русское дворянское воспитание и этика / А. И. Каменев. — СПб.: Век, 1998. — 295 с.
5. Латышина Д. И. История педагогики. Воспитание и образование в России: Учебное пособие / Д. И. Латышина. — М.: Гардарики, 2005. — 603 с.
6. Мальцев Д. И. История воспитания и образования в России XVIII–XIX в. / Д. И. Мальцев. — М.: Пресса, 2007. — 376 с.
7. Марасинова Е. Н. Русский дворянин второй половины XVIII в. / Е. Н. Марасинова // Вестник МГУ. Сер. 8. История. — 1991. — № 1. — С. 17–28.
8. Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина / О. С. Муравьева. — М.: Линка-Пресс, 1995. — 55 с.
9. Подольская И. И. Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост. И. И. Подольская. — М.: Правда, 1988. — 560 с.
10. Филина А. И. Особенности воспитания в дворянских семьях XVIII–XIX века / А. И. Филина // Гуманитарные научные исследования. URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/16739> (дата обращения: 21.03.2019).

Православные авторы как первые исследователи русских религиозных диссидентов в России (на примере баптистов и пашковцев)

Никитин Филипп Николаевич, студент;
Миронова Мария Олеговна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассматриваются православные авторы, которые исследовали российское религиозное диссидентство второй половине XIX века (движения пашковцев и баптизм). Демонстрируется, что не все православные авторы подходили к исследуемой теме с сугубо церковно-ортодоксальных позиций. Выявлено, что работы ряда православных авторов могут оцениваться довольно высоко, они составляют не только историографию темы, но и являются источником по ней.

Ключевые слова: религиозное движение, автор, православный, Россия, пашковское движение, религиозное диссидентство.

Во второй половине XIX века в Российской империи начинают появляться различные евангельские религиозные движения (баптисты, штундисты, различные молоканские толки, пашковцы). На то были свои причины / предпосылки. Среди них: перевод Библии на русский язык (синодальная Библия — 1876 г.); влияние зарубежных проповедников; реформационные движения у молокан; влияние меннонитов и немецких баптистов; личные духовные искания людей; Пожалуй, одной из главных причин была слабость православной церкви и ее неспособность удовлетворить духовные потребности людей [7, с. 4, 5].

Православная церковь, как государственная религия, естественно, не могла смотреть на это спокойно. Православные авторы, думается, обратились к изучению и описанию обозначенных нами религиозных движений с целью, во-первых, понять учение религиозных диссидентов, во-вторых, для того, чтобы противодействовать и полемизировать с ними. Недостатком работ православных авторов является то, что большинству из них характерно субъективное описание и характеристика того или иного религиозного движения, что обусловлено их ортодоксально-церковной позицией. Это отмечается как у отдельных авторов, так и в православных периодических изданиях [8, с. 123, 124; 9, с. 3]. Однако, стоит заметить, что часть православных авторов приводит немало фактологических сведений. Отметим, что православные авторы, которые писали о пашковцах и баптистах, были или современниками данных религиозных движений, или изучали данную тему после сравнительно короткого промежутка времени их возникновения. Таким образом, эти работы являются одновременно и частью историографии религиозного диссидентства в России, и его источником.

Русский баптизм возник на Юге России, первым русским баптистом был Н. И. Воронин, он принял крещение в 1867 г., что и считается точкой отчета отечественного баптизма [12]. На Закавказье его основу составило молоканство. Баптисты ставили во главу угла спасение верой; посредством голгофской жертвы Иисуса Христа. После покаяния и обращения человек должен был принять сознательное крещение по вере. Православную обрядность в лице икон, поклонение святым и мощам и т. п. они отвер-

гали. Естественно, люди с такими, нестандартными на тот момент взглядами, стали пристальным объектом православных миссионеров и священнослужителей. Отметим, что среди православных авторов были такие, которые в первую очередь критиковали то или иное религиозное движение, нежели предоставляли фактический материал по нему [2]. Мы же описываем лишь тех православных авторов, которые предоставляют немало фактологии, работы которых можно назвать исследованиями.

Среди таких православных исследователей баптизма нужно выделить работы епископа Алексия (Дородницына). Историк О. В. Безносова, перечисляя работы некоторых православных авторов (в том числе и Дородницына [5]) отмечает, что «исследователи данного направления [охранительно-православного — Ф. Н., М. О.] были зачинателями изучаемой проблемы в целом. Они собрали и ввели в научный оборот значительный массив документальных источников, наметили событийную канву, охватили широкий круг вопросов, касавшихся причин возникновения динамики распространения позднепротестантских сект среди православного населения, характера отношений сектантов к РПЦ и государству» [1, с. 6]. По мнению Безносовой, работа Дородницына [5] содержит анализ достаточно высокой степени объективности, что не так часто встретишь у православных авторов.

Дородницын также издал ценный сборник документов под названием «материалы для истории религиозно-рационалистического движения на Юге России во второй половине XIX столетия» [4]. Он содержит более 700 страниц, на которых есть упоминание «о более чем 1500 лицах и более 560 местах распространения евангельского движения [в том числе и баптизма — Ф. Н., М. О.] в течении сорока лет» [3, с. 16]. До сих пор не издано сборника документов по евангельскому движению в России, который бы смог конкурировать с данной работой по количеству публикуемых документов [3, с. 16]. Сборник содержит баптистское вероучение, катехизисы, гимны, обрядники, протоколы конференций, письма известных баптистов. В. А. Попов дает высокую оценку данной работе [10, с. 307, 308.] Труд Дородницына в дальнейшем был востребован среди исследователей российского религиозного диссидентства.

Совсем другое религиозное движение возникло в Санкт-Петербурге в 1874 г. Его основателем принято считать английского проповедника лорда Г. Редстока. Первые последователи Редстока были представителями высшего столичного общества. Одним из таких был полковник гвардии в отставке Василий Александрович Пашков (1831–1902). По его фамилии движение стали называть «пашковским» / «движение пашковцев», так как он стал руководить образовавшимся религиозным движением после того, как Редсток покинул Россию в 1878 г. [7]. Православных авторов прежде всего волновал тот факт, что представители данного религиозного движения были известные в обществе люди, казалось бы, имеющие все для успешной жизни. Однако, они становятся последователями английского проповедника, который учил не так, как учило православное духовенство. Н. С. Лесков в своем очерке «Великосветский раскол» пишет, что «оправдание человека верою в искупительную смерть Иисуса Христа» [6, с. 144] составляет «главный пункт Редстокова учения» [6, с. 144]. Редсток считал, что добрые дела не могут искупить человека, — спасение тот получает через кровь Христа. «Воскресший Христос и личные и эмоциональные отношения с Ним являются основной темой всех проповедей Редстока» [11, с. 97.].

Рассматривая православных авторов, описывающих движение пашковцев, необходимо остановиться на работе В. Н. Терлецкого [15]. Эта книга содержит достаточно много фактологического материала. Автором делается попытка обобщить и систематизировать сведения о деятельности пашковцев [10, с. 306]. Терлецкий пытается ответить на вопрос, почему члены высшего петербургского общества оставили православие и последовали за проповедью Редстока. Автор дает классификацию брошюрам Общества поощрения духовно-нравственного чтения, описывает социальное служение В. А. Пашкова, деятельность православного духовенства по противодействию пашковцам, в которую входили беседы с прихожанами и создание общества противодействия пашковцам. Упоминается и о религиозной деятельности некоторых великосветских пашковцев в своих имениях. Немало уделено внимания важному аспекту пашковского движения: распространению учения

пашковцев простыми людьми в разных губерниях. В работе Терлецкого описывается деятельность пашковцев в разных местностях, приводятся их слова, взгляды на различные религиозные вопросы, способы вовлечения ими новых членов в движение и т. п. Автором затронута тема взаимодействия пашковцев с другими религиозными движениями.

Исследователь использовал в своей книге немало источников. В основном это материалы журналов и газет. Среди журналов это: «Христианское Чтение», «Церковно-Общественный Вестник», «Православное обозрение», «Церковный Вестник», «Вера и Разум», «Русский Вестник», «Вестник Европы», среди газет: «Гражданин», «Петербургские Ведомости». Отметим, что практически никто из исследователей пашковского движения не привлекал такого количества дореволюционной периодической печати. В этом отношении вклад Терлецкого бесспорен. Его заслуга состоит также в том, что он приводит немало фактического материала. Исследование Терлецкого систематизировано, в нем описаны многие аспекты движения пашковцев. Оно в наибольшей степени освещает историю пашковского движения в православной историографии. Заметим, что последующие православные авторы будут ссылаться на книгу Терлецкого или указывать ее в рекомендуемой литературе по данной теме. Ценность работы оценили уже на раннем этапе. Так, по словам миссионера и преподавателя Тверской духовной семинарии Дмитрия Скворцова, «труд этот до настоящего времени является самым главным при знакомстве с сектой [пашковцев — Ф. Н., М. О.]». [14, с. 64] В. Н. Прозоров, преподаватель Санкт-Петербургской семинарии пишет, что «наиболее подробное изложение пашковского вероучения сделано в труде г. Терлецкого: Секта пашковцев». [13, с. 122.]

Таким образом, несмотря на то, что для большинства православных авторов было характерно писать с позиций господствующей церкви, что не всегда позволяло им объективно смотреть на религиозное диссидентство и иногда приводило к тому, что они писали недостоверные факты [8, с. 127, 129, 130, 138], в православной историографии все же встречаются авторы, которые предоставляли ценные сведения, приводили немало информации о религиозных движениях в России.

Литература:

1. Безносова О. В. Позднее протестантское сектантство Юга Украины (1850–1905). Дис... канд. ист. наук. — Днепр-петровск: 1997. — 216 с.
2. Боголюбов Д. И. Пашковцы или «христиане евангелического исповедания» // Кальнев М. А. Русские сектанты. Их учение, культ и способы пропаганды. — Одесса: Типография Е. И. Фесенко, 1911. — С. 92.
3. Дик И. П. У колыбели братства. Иоганн Вилер (1839–1889) и общины первых евангельских верующих в России. — Steinhagen: Samenkorn, 2017. — 320 с.
4. Епископ Алексей (Дородницын). Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на Юге России во второй половине XIX-го столетия. — Казань: Центральная типография, 1908. — 690 с.
5. Епископ Алексей (Дородницын). Религиозно-рационалистическое движение на Юге России во второй половине XIX ст. — Казань: Центральная типография, 1909. — 510.

6. Лесков Н. С. Великосветский раскол. Лорд Редсток, его учение и проповедь. — СПб.: Тип. В. Тушнова, 1877. — 119 с.
7. Никитин Ф. Н. Движение пашковцев как феномен в религиозной жизни высшего петербургского общества второй половины XIX века // TERRA Incognita (журнал студентов-историков). — 2019. — № 3. — С. 4. — 9.
8. Никитин Ф. Переписка В. А. Пашкова с протоиереем И. Л. Янышевым (публикация документов по истории ЕХБ) // Богомыслие. — № 23. — 2018. С. 120–145.
9. Новые сектанты // Церковно — Общественный вестник. — 1880. — № 35. — С. 3.
10. Попов В. А. Святые из царского дома. — Черкассы: Смирна, 2017. — 356 с.
11. Пузынин А. Традиция евангельских христиан. Изучение самоидентификации и богословия от момента ее зарождения до наших дней. — М.: ББИ, 2010. — 523 с.
12. Синичкин А. В. К вопросу о крещении первого русского баптиста // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 9 (53) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840001620-1-1/> (дата обращения: 26.03.2019).
13. Скворцов В. М. Деяния 3-го Всероссийского Миссионерского съезда в Казани по вопросам внутренней миссии и расколосектанства. — Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1897. — 342 с.
14. Скворцов Д. И. Пашковцы в Тверской епархии. — Тверь: Тип. губ. прав. 1893. — 81 с.
15. Терлецкий. В. Н. Секта пашковцев. — СПб.: Издание И. Тузова, 1891. — 139 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Теоретические проблемы определения концепта «электронная демократия»

Калашникова Виктория Борисовна, старший преподаватель
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Ключевые слова: электронная демократия, прямая демократия, теория, e-democracy, демократические теории, общественное участие.

Электронная демократия, несмотря на относительную потерю налета новизны данного тренда, остается, однако, в научном, политическом и правовом дискурсах вопросом актуальным и требующим детального исследования, формирования понятийного и категориального аппарата, а также для эффективной имплементации элементов электронной демократии, создания соответствующей нормативно-правовой базы.

Понятие «электронная демократия» в зарубежной и отечественной литературе встречается как в политико-социологическом контексте, так и в политико-правовом.

В первом случае речь идет о новой форме демократии, как способе организации общества и государства, и рассматривается в качестве явления, несколько отличного от теоретических концептов демократии участия (патисипаторной демократии) и делиберативной демократии. Фактически предметом подобного теоретического анализа становятся специфические общественные отношения в плоскости «власть — общество / индивид» через призму активного использования информационных технологий и развития информационного общества. Как отмечает Белоусова В. М., подобная форма демократии предполагает политическую коммуникацию, обеспечиваемую сетевыми компьютерными технологиями [3, с. 88]. В целом, речь идет об особенностях влияния формы на содержание политического дискурса, проблем гражданской активности и политического участия (возможность создания более свободного поля для выражения политической позиции индивида, ориентация на инициативу «снизу» [1]). В рамках данной точки зрения электронная демократия рассматривается, фактически, как качественно новый этап развития демократических форм, своего рода переосмысленное возвращение к модели Афинской демократии с участием большей части населения в процессах принятия политического решения [7, с. 13]. Подводя итог сказанному, в политико-социологическом контексте электронная демократия преимущественно рассматривается с позиции поиска ответа на вопрос «зачем?», вопрос «как?» становится второстепенен, либо сводится к про-

блеме поиска компромисса и лингвистической определенности выражения позиций участников.

Рассматривая электронную демократию в политико-правовом ключе, основной акцент производится именно на формы организации и реализации институтов участия и взаимодействия общества и государственной власти, т. е. основу научных и практических изысканий составляет именно вопрос «как?». В рамках данной позиции электронная демократия выступает своего рода продолжением развития идей патисипаторной демократии новыми методами, не противопоставляется и не рассматривается в отрыве от представительной демократии, а как бы дополняет ее. Таким образом, электронная демократия представляется набором механизмов коммуникации и реализации ряда государственных функций, объединенных общим признаком — электронно-информационной платформой. Вследствие чего наблюдается не разделение сферы применения таких понятий, как «электронная демократия», «электронное правительство», «Интернет-краудфандинг», «Интернет-агитация» и т. п., что является недопустимым, и создает основу для некорректного применения данных категорий и формирования ошибочной системы правового регулирования подобных явлений.

Следует отметить, что существование подобных позиций не способствует решению главного вопроса: что есть электронная демократия? Обе представленные точки зрения редуцируют содержание данного понятия, создавая перекос в системе понимания и объективной оценки данного явления. Поэтому представляется необходимым поиск нового подхода к данному явлению.

В определенной мере размытость категории «электронная демократия» возможно, объяснить отсутствием в науке и практике единого понимания, точнее общепринятой формулировки сути самой демократии, как явления, затрагивающего сущность организации политического и правового процессов, протекающих в обществе. Как справедливо отмечает Борисов Г. А., подобное способно привести к многочисленным спекуляциям на практике [4, с. 14].

Применительно к демократии можно говорить, как о способе «оформления государственной власти» [4, с. 15] Принято рассматривать данное явление в качестве институциональной формы организации народовластия [9, с. 52]. Выделяются следующие признаки, определяющие складывание демократической формы: реализуется механизм формирования представительных органов государственной и местной власти путем реализации института выборов; существуют механизмы контроля обществом деятельности представительных органов, возможность оказания давления «снизу»; государство придерживается приоритета прав и свобод человека и гражданина, действует в интересах народа, который, чаще всего конституционно, объявляется источником власти [5, с. 7].

Говоря об общественном участии, нельзя не отметить необходимость учета качественной составляющей процедур участия. Исходя из подобной надобности, Р. Даль выделяет следующие черты демократии, которые существенно дополняют понимание сущности данного явления: эффективное участие, создаваемое за счет формирования соответствующей информационной среды, признания за каждым индивидом права на принятие адекватного решения (данную позицию можно рассматривать в качестве ключевого принципа электронной демократии); равенство голосования; «просвещенное понимание», под которым Р. Даль понимает предоставление каждому гражданину равной и, что крайне важно, адекватной возможности для определения и обоснования своей позиции по рассматриваемому вопросу, а также для ее выражения, в соответствии с его истинными интересами [6, с. 156–158].

Фактически сущность демократизации государства сводится к построению такой системы эффективного взаимодействия властных институтов и общества, при которых создаются специальные механизмы народного волеизъявления, защиты признанных прав и свобод гражданина, вне зависимости, ведется ли речь о прямой, или представительной демократии.

Для определения понятия электронной демократии, прежде всего интерес представляет именно прямая демократия. Однако следует сразу внести ряд оговорок. Определяя электронную демократию как вид демократии прямой, не следует противопоставлять ее ни представительной демократии, ни рассматривать ее как замену институту делегирования властных полномочий народным представителям. Действительно эффективная и полная реализация принципов народовластия возможна только посредством создания рационального сочетания инструментов обеих форм. Фактически речь идет о такой системе, которая, сохраняя элементы представительства, расширяет возможности прямого участия с целью повышения качества принимаемых решений и действительной защиты мнений большинства с учетом позиций различных меньшинств, в т. ч. и олигархических группировок, а не наоборот.

На практике возникает своеобразный парадокс: власть принадлежит народу, однако он физически не может осу-

ществлять ее самостоятельно (как это, к примеру, характерно для монархического режима), поэтому делегирует право на управление выборным представителям, которые фактически, имея властные полномочия, не получают права на власть, не имеют возможности присвоения данного пространства. Однако привлекательность власти, стремление ее узурпировать наблюдается постоянно (нельзя не согласиться со сторонниками бихевиористской школы, относительно того, что ситуация «дракон мертв, да здравствует дракон!» объективно неискоренима в силу человеческой природы). Возникает угроза народному суверенитету от лица самих народных представителей, снизить которую может только применение методов общественного контроля, частичное разделение властных полномочий между государственными органами и самим народом. Именно поэтому не представляется возможным говорить о существовании «чистых» форм представительной и прямой демократий. Это порождает некоторое родство с позицией Г. Кельзена (отходя от его приверженности идеям парламентаризма), рассматривавшего демократию в ключе открытого процесса обмена мнениями и принятия решений, основанного на защите равенства и многообразия взглядов, существующих в современном обществе [2], которое на практике невозможно без синергии двух форм демократии.

Исходя из сказанного выше, следует отметить, что выделяемые формы демократии не сводятся только к способу организации властных институтов и степени участия общества в политической жизни государства и нормотворческой деятельности. Важно понимать также и сущностные характеристики данных процессов, что требует объединения двух подходов, отмеченных ранее.

В настоящее время, несмотря на упоминаемое ранее отсутствие четкого определения данного явления, электронную демократию можно рассматривать в качестве формы прямой патиципаторной демократии, реализуемой путем имплементации ИКТ в классические механизмы демократии.

Наиболее приемлемое определение предлагает Грачев М. Н., понимая под электронной демократией такой механизм обеспечения политической коммуникации с применением ИКТ, который наиболее полно способствует реализации принципа народовластия и отвечает сложившимся потребностям информационного общества [8].

Говоря о влиянии информационных технологий на политическую коммуникацию, необходимо подчеркнуть, что происходит формирование электронного взаимодействия между привычными акторами. Вслед за Филатовой О. Г. и Чугуновым А. В. под электронным взаимодействием следует понимать взаимообмен информацией, осуществляющийся между обществом и представителями государственных структур всех уровней посредством использования пространства сети Интернет [10, с. 58]. Применительно к электронной демократии следует, однако, несколько сузить данное определение, и рассматривать только

то взаимодействие, целью которого является реализация принципов народовластия и прямого участия граждан в политическом процессе, т. е. перенесение в киберпростран-

ство процедур выборов, референдума и т. п. форм участия, о которых более подробно будет сказано в следующем параграфе данной главы.

Литература:

1. Абрамова Д. С. Электронная демократия в России [Электронный ресурс] / Д. С. Абрамова // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1. URL: <http://human.snaika.ru/2013/01/2145> (Дата обращения: 26.03.2019).
2. Антонов М. В. Концепция демократии в контексте чистого учения о праве (к 40-летней годовщине смерти Ганса Кельзена (1881–1973)) [Электронный ресурс] / М. В. Антонов // URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/konceptija_demokratii_v_kontekste_chistogo_ucheniya_o_prave_k_40-letnej_godovshhine_smerti_gansa_kelzena_1881-1973_2014-09-15.htm (дата обращения 5.04.2018 г.).
3. Белоусова В. М. Делиберативная концепция Ю. Хабермаса в контексте систематизации современных моделей демократии / В. М. Белоусова // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 4. С. 84–92.
4. Борисов Г. А. Демократия как феномен государственно-правовой жизни: проблемы становления в переходном обществе / Г. А. Борисов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: социология, философия, право. 2008. № 8 (48). С. 13–22.
5. Головкин А. А. Воздействие права на демократизацию и гуманизацию глобальных общественных процессов [Электронный ресурс] / А. А. Головкин // Право и демократия. 2002. № 13. http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/23236/1/1_годовко.pdf (дата обращения 25.03.2019).
6. Даль Р. Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М. В. Ильина. М., 2003. 576 с.
7. Корбат Ф. Е. Информационно-коммуникационная революция как возможность перехода к прямой демократии / Ф. Е. Корбат // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3 (31). С. 12–18.
8. Котова А. И., Денисенко В. В. Делиберативная демократия: обзор концепции Ю. Хабермаса [Электронный ресурс] / А. И. Котова, В. В. Денисенко // URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/180/9738/> (дата обращения: 8.03.2019.).
9. Нудненко Л. А. Некоторые проблемы определения понятия «демократия» / Л. А. Нудненко // Известия Алтайского государственного университета. 2001. С. 52–55.
10. Филатова О. Г. Чугунов А. В. Электронное взаимодействие между обществом и властью: формирование концепции и практика реализации в России / О. Г. Филатова, А. В. Чугунов // Управленческое консультирование. 2013. № 8. С. 57–67.

The role of the diplomatic relations of Turkey and Great Britain in the twentieth century's international relations

Noriyeva Nigina Qobilovna, Master student
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

The relationship between Turkey and Britain shifted dramatically in the twentieth century, with the one-time diplomatic defender of Ottoman integrity emerging as its most formidable foe during the First World War and War of Independence. Despite this history of enmity, Turco — British relations entered a period of remarkable recovery in the years after 1923 as potential areas of conflict, such as the status of Mosul province and militarization and access to the Dardanelles and Bosphorus, were resolved.

Keywords: Turkey, Britain, diplomacy, Empire, Anglo-Turkish relations, League of Nations, Atatürk, foreign policy, Atatürk foreign policy concept and etc.

Introduction: Turkish foreign policy during 1923 to 1939 experienced a change as revolutionary as the domestic transformation from the nineteenth century to the twentieth century. The First World war had enormously altered the political equilibrium of Europe and the world at large. It had created discontented states, altered the role of the

former European powers, brought new states into being, and contributed to the formation of new groupings tending towards a fresh balance of power. In this transitory state of post-war European politics, very few of the newly-created small states were able to pursue a clearly defined and independent foreign policy without becoming a satellite of

any of the powers. Turkey was a notable exception among these newly-created states.

Discussion: In the period 1923 to 1930, some of the unresolved and thorny issues of the Lausanne Conference were settled. These were, the question of the location of foreign embassies in Turkey, the legal status of foreign schools established, the exchange of populations between Greece and Turkey, and the settlement of the Mosul dispute. In the process of the settlement of these issues, it became once more clear that the West remained reluctant to adjust its policies towards Turkey, and this contributed to a delay in the establishment of cordial relations. On the question of the place of residence of foreign ambassadors, in spite of the declaration of the Turkish Government indicating that the new capital was Ankara, France and Britain maintained that they would send their ambassadors only to Istanbul. To this end, both governments took unilateral decisions and put them into effect. This was received by the Turkish Government as an act of disrespect to the independent Turkish state. In 1925, the Under Secretary of State for Foreign Affairs, Mr. Ronald McNeil, stated in the British Parliament that: It has been decided that His Majesty's representative in Constantinople shall hold the rank of Ambassador... He will visit Angora as occasion may arise, and will be represented there permanently by a member of his staff (1).

Without any consideration of Turkish domestic developments, the western powers, during 1923 to 1930, adopted what could be described as a "hostile" political attitude whilst Soviet Russia became her close ally. Nevertheless, the basis of friendly relations with the Balkan and Middle Eastern countries was laid during this period.

The last barrier to an Anglo-Turkish diplomatic rapprochement was the Mosul dispute which was primarily territorial. It contributed, however, to the prolongation of the tension in Anglo-Turkish political relations down to 1926, and also tested the League of Nations severely in its international role in solving disputes satisfactorily, whilst affecting, at least in the short-run, the attitude of the small states towards the League. The main reason for the failure of the attempts to find a satisfactory solution of the Mosul issue at Lausanne was the conflict between Anglo-French and American interests. By the 1920 San Remo agreement, France and Britain had decided to collaborate in exploiting the mineral resources of the world. This decision had been opposed by the United States which insisted on the "open door" principle for American economic participation in all parts of the world. Turkey took advantage of this oil conflict between the powers. The Turkish Petroleum Company, which was mainly a British venture founded in 1900 by the concession of the late Ottoman Government, had the right of exploitation of oil sources in the Middle East (2).

Between 19 May and 5 June 1924, negotiations took place between Britain and Turkey in Istanbul which ended in deadlock because Turkey insisted on a plebiscite in the area whilst Britain firmly opposed this and insisted that Turkey

should simply cede the territory. Hence the Mosul dispute was referred to the League of Nations. The League Commission found a plebiscite impracticable and partition undesirable. They ruled that legally the disputed territory belongs to Turkey and not to Iraq. They recommended union with Iraq on the condition that the British mandate should be extended from four years of the Anglo-Iraqi Treaty to a period of twenty-five years... If these conditions were not carried out, the territory was to revert to Turkey. Only two days before the League's decision on Mosul, Britain declared that she was ready to take over Iraq for twenty-five years. The Turks' natural reaction was to view the League of Nations as an instrument of the Great Powers to impose their will on the smaller states.

According to *The Statist*, firstly, there was no practical evidence to justify the increase in expenditure of Britain in Mesopotamia, secondly, the possibility of friction with the Moslems in the area might have repercussions in India, and finally, the fact that the Turkish attitude would be hostile to Britain should be considered because Mosul was of vital importance to Turkey. The journal concluded that:... all things considered, Great Britain will not be a loser if the League Council decides in favor of Turkey (3).

Meanwhile border incidents over Mosul became serious. In November 1925 British forces attacked Hakkari, on the grounds that Turkish troops had violated the Iraq border. This caused the Turkish Government to declare that, in case of any further aggression, Turkey would retaliate. As regards the oil interests of Britain, Turkey had already announced that the British pipe-line could run along the Bagdat railway to the sea, rather than through French Syria. At this stage of the Anglo-Turkish conflict a section of the British press felt that: the Mosul issue means for Great Britain either friendly relations with the new Turkey, together with a prudent curtailment of a useless commitment, or unremitting Turkish hostility, besides unknown perils in other directions (4.)

The first commercial agreement with Britain after the formation of the Turkish Republic was signed in 1929 and this proved to be the harbinger of the future Anglo-Turkish rapprochement. This year can also be considered a turning point in Turkish foreign policy because, after 1929, both politically and commercially, Turkish relations with the west were much improved, a change accompanied by the more active attitude adopted by the British press after 1930 towards Turkey. This changed attitude of the British press coincided with the period in which German economic dominance in Turkish trade began to be significant.

In 1930 the Treaty of Commerce and Navigation between the United Kingdom and Turkey was signed, to be followed in subsequent years by clearing arrangements. In 1932, the year in which Turkey became a member of the League of Nations, *The Times* praised Turkish foreign policy highly for its consistent pursuit of peaceful foreign relations with all countries, an attitude which eventually evoked a response in the west as first Italy and then Britain entered into friendly formal relations with her. *The Economist* drew attention

to Turkey's pacific foreign policy, commenting that: It is noteworthy that a movement born out of a national struggle for existence has not been tempted by its success into passing over to the offensive... Turkey has renounced all ambition in the Balkan, and likewise her former Arab provinces. This moderation is a sign of strength, and encourages hopes for the future progress of Turkey (5).

In May 1933, Turkey signed a commercial agreement with Greece to promote an increased volume of trade and she removed a prohibitive law under which certain classes of Greek nationals were prohibited from working in Turkey. Turco-Greek friendship was very favourably received in Britain and viewed as a great step in the promotion of stability in the Balkans.

Indeed the history of Turco-Greek relations since 1930 ought to be read, marked and inwardly digested by all nations of Europe. For, if the hatchet can be buried by two peoples who have been burdened by the terrible Greco-Turkish heritage of mutual injury and mutual hatred, there is no excuse left for any of the rest of us to confess ourselves morally incapable of performing the same feat.

In the face of European rearmament, Turkey made a formal request for negotiations in April 1936 to the co-signatories of the 1923 Straits Convention and also to the League of Nations

for removal of the clauses of demilitarization in the Straits region. This demand was met favorably by the British press, which claimed that: Assuredly the League signatories — other than Italy of the Straits Convention, cannot ask the Turks to continue to expose themselves to the risk of being treated like Abyssinia (6).

Conclusion: The Turkish Government sought British backing in her demand for remilitarization of the Straits for Turkey believed that her foreign policy was parallel to that of Britain. In the Italo-Abyssinian dispute, the Turkish Government had whole-heartedly backed British policy and shouldered its obligations under the League Covenant against Italy, a posture damaging to her economy because of the large Italian share in Turkish overseas trade. A month before the Montreux Conference the prospects of British support to Turkey were encouraging. *The Times* claimed that if Britain backed Turkey at Montreux, Anglo-Turkish friendship would be sealed and a great contribution made towards peace in the Near East, it further added that: A distinguished member of the diplomatic corps in Angora has described the recent improvement in relations between Great Britain and Turkey as a second Anglo-Turkish honeymoon.

References:

1. Parliamentary Debates (Commons), vol. 181, 9 March and 17 March 1925, 921, 2091.
2. Vere-Hodge, E. R., *Turkish Foreign Policy 1918–1948* (Ambilly-Annemasse, 1950) 41–2.
3. “Great Britain and Mosul”, *The Statist*, CVI, 5 September, 1925, 341.
4. “The Mosul Problem”, *The Statist*, CVI, 19 September, 1925, 415.
5. “Turkey and Her Neighbours”, *The Times*, 23 June 1928.
6. “Turkey Asks for Revision”, *The Economist*, CXXIII, 18 April 1936, 122.

3

Молодой ученый
Международный научный журнал
№ 13 (251) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 10.04.2019. Дата выхода в свет: 17.04.2019.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.